

которые представляются несоответствующими даже тѣмъ элементарнымъ точкамъ зрѣнія, подъ которыми они излагаются. Въ этомъ смыслѣ г. Устиновъ вполне оправдалъ данное имъ обѣщаніе вѣрности исторической правдѣ. Но по отношенію къ самому сочиненію примѣненіе эмпирическаго метода при уклоненіи отъ объясненія излагаемыхъ воззрѣній Лютера обусловливаетъ мѣстами отсутствіе выдержанности его содержанія. Характеризуя первый періодъ въ развитіи нравственнаго ученія Лютера, какъ крайнее выраженіе антиномизма („смѣло грѣши!“), г. Устиновъ принужденъ отмѣчать и фактъ предъявленія Лютеромъ своимъ послѣдователямъ въ то же самое время нравственныхъ требованій (напр. 110, 124). Можетъ быть, г. Устинову и предносилось какое-нибудь примиреніе этой противоположности, но на читателя она производитъ впечатлѣніе незамѣченнаго авторомъ противорѣчія.

Думается, что тема разсматриваемаго сочиненія предполагаетъ, если не законченную систему этики, то, во всякомъ случаѣ, опредѣленные концепціи нравственныхъ воззрѣній. Г. Устиновъ и желаетъ представить двѣ такихъ концепціи, соответствующія двумъ періодамъ въ развитіи нравственнаго ученія Лютера и, хотя откровенно приводимыя имъ воззрѣнія Лютера, какъ только что указано, не всегда характеризуютъ данную концепцію точно такими чертами, какими хочеть опредѣлить ее самъ г. Устиновъ, но тѣмъ не менѣе онъ очень твердо настаиваетъ на рѣзкомъ различіи, если даже не противоположности, этихъ періодовъ. Конечно, способъ изложенія воззрѣній Лютера не въ видѣ чего-то прочно установленнаго, но въ самомъ процессѣ ихъ формации, въ ихъ движеніи составляетъ крупное достоинство сочиненія, но едва ли исторически вѣрно представлять этотъ процессъ въ видѣ двухъ смѣнившихся одинъ другого движеній въ радикально различныхъ направленіяхъ. Если бы авторъ углубился въ основу излагаемыхъ имъ воззрѣній, то, можетъ быть, нашелъ бы тамъ элементы, не только органически связующіе противорѣчивыя на первый взглядъ воззрѣнія, въ предѣлахъ одного и того же періода, но и въ значительной степени сглаживающіе тѣ крайности самихъ двухъ періодовъ, которыя почему-то такъ усиливается подчеркивать нашъ авторъ, чѣмъ не можетъ не подрывать довѣрія къ себѣ со

стороны читателя. Во всякомъ случаѣ на протяженіи всей второй половины второй главы (143—178), гдѣ характеризуются нравственныя воззрѣнія Лютера во второй періодъ, читатель, несмотря на всѣ увѣренія автора, что здѣсь является уже иное нравственное ученіе, можетъ, сохраняя тѣ же самыя выдержки изъ сочиненій Лютера, остановиться на предположеніи, что въ данномъ случаѣ имѣдо мѣсто не насильственное измѣненіе самаго ученія, а лишь измѣненіе въ его проповѣди, раскрытіе его съ другой стороны, или, самое большее, развитіе одного и того же по существу ученія въ двухъ различныхъ направленіяхъ подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Борьба съ номизмомъ католической нравственности принуждала Лютера больше всего подчеркивать отсутствіе у внѣшней нравственной дѣятельности самой по себѣ, независимо отъ ея субъекта, какой либо цѣнности; здѣсь ему пришлось больше всего бороться съ дьяволомъ чelовѣческой гордыни, выразившейся въ фарисейскомъ успокоеніи на сознаніи нравственной цѣнности внѣшнихъ дѣйствій самихъ по себѣ; развѣ можно счесть за подлинное выраженіе антиномизма совѣтъ Лютера посрамлять этого діавола самоправедности ничѣмъ инымъ, какъ грѣхами (139)? Но во второй періодъ, когда Лютеръ принужденъ былъ бороться съ антиномизмомъ анабаптистовъ и проч. (если антиномизмъ явился вслѣдствіе распространенія ученія Лютера, то это не можетъ, конечно, означать, что послѣднее само по себѣ представляло антиномизмъ, хотя было анти-номистично), ему естественно было подчеркивать дѣятельную сторону вѣры и *больше говорить* о нравственной самодѣятельности.

Нашему автору все же приходится возводить излагаемая имъ воззрѣнія къ общимъ принципамъ;—это имѣетъ мѣсто въ третьей главѣ, при ихъ оцѣнкѣ. Здѣсь только можно видѣть, къ какому виду нравственныхъ ученій относить онъ этику Лютера. Г. Устиновъ дѣлаетъ видъ, что видитъ въ ней выраженіе автономной нравственности и повторяетъ по ея адресу комплименты изъ IV-го тома „Основъ христіанства“ проф. М. М. Тарѣева (252 — 253), но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что воззрѣнія Лютера въ квалификаціи г. Устинова далеко не подходятъ подъ понятіе автономной нравственности: констатируя въ нихъ такія специфич-

ческія черты автономной нравственности, какъ субъективизмъ (249) и утилитаризмъ (250), г. Устиновъ вдругъ выдвигаетъ такое свойство ихъ, какъ индифферентизмъ (250). Но, вѣдь, въ такомъ случаѣ, когда сглаживается уже въ личномъ сознаніи грань между добромъ и зломъ, не то что объ автономной—а и вообще о какой бы то ни было нравственности говорить не приходится. Такъ въ конечномъ результатѣ называется упущеніе изъ вниманія того, такъ сказать, этического „тона“, который, правда, слабо, но все же выражается въ ученіи объ оправданіи одною вѣрою.

Устанавливая генезисъ нравственныхъ воззрѣній Лютера, г. Устиновъ желаетъ разсматривать ихъ съ двухъ точекъ зрѣнія: исторической и психологической, но при осуществленіи этого намѣренія переноситъ раздѣленіе лишь точекъ зрѣнія на самые историческіе факторы, участвовавшіе въ формациі воззрѣній Лютера. Читатель остается въ недоумѣніи, почему это съ исторической точки зрѣнія въ качествѣ такихъ факторовъ указываются борьба съ внѣшнимъ абсолютизмомъ папства и номизмомъ католической этики (24—43), а съ психологической— мистика и гуманизмъ (58—76)? Развѣ послѣдніе не были такими же историческими теченіями, питавшими окружающую Лютера атмосферу, какъ и первые? Г. Устиновъ какъ будто не совсѣмъ отчетливо представляетъ, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ долженъ былъ говорить объ одномъ и томъ же по существу предметѣ, имѣть дѣло съ одними и тѣми же факторами, но при историческомъ ихъ разсмотрѣніи долженъ былъ констатировать ихъ наличность въ окружающей Лютера исторической атмосферѣ, а при психологическомъ—прослѣдить, какъ отразились они на личности самого Лютера и какой видъ приняли въ его индивидуальной психологіи.

Всѣ указанные недочеты разсматриваемаго сочиненія объясняются тѣмъ, что г. Устиновъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его недостаточно продумалъ свой матеріалъ. Но справедливость требуетъ этотъ основной дефектъ обозначить не иначе, какъ фразой: не успѣлъ до конца продумать... Задачи, подобныя взятой г. Устиновымъ, не разрѣшаются годичной работой и даже вообще трудомъ одного. Г. Устинову пришлось большую часть своего времени и усилій отдать на ознакомленіе съ нѣмецкой литературой, переводъ которой, повп-

димому, не такъ-то легко давался ему (см., напр., 32, 34—37 и др.), и на выборку изъ нея нужнаго матеріала. Съ точки зрѣнія абсолютной оцѣнки къ этой работѣ, не говоря о способѣ выполненія ея самой, надо было бы еще прибавить: 1) выясненіе самаго понятія нравственности и ея различныхъ видовъ и 2) воспользоваться этими общими представленіями для квалификаціи самыхъ нравственныхъ воззрѣній Лютера. Все, относящееся къ этимъ двумъ слоямъ работы, г. Устинову приходилось за недостаткомъ времени наскоро заимствовать со стороны безъ должной личной переработки, но достаточную заслугу его составляетъ и то, что онъ взялся за выполненіе первой, основной части этой грандіозной программы и для годичнаго срока сдѣлалъ больше чѣмъ достаточно. Степени кандидата богословія онъ заслуживаетъ“.

48) О сочиненіи студента *Цуйманова Александра* на тему: „Грамматико-археологическій разборъ текста книги Левить въ отдѣлахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ содержаніе ветхозавѣтныхъ установленій касательно жертвъ и очищеній“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Цуйманова состоитъ изъ 6 главъ, въ которыхъ послѣдовательно обзрѣваются: ветхозавѣтныя установленія относительно жертвоприношеній. Въ виду тетратомичности ветхозавѣтныхъ жертвъ, первые 4 главы въ сочиненіи посвящены каждая отдѣльному виду жертвъ—всеожженію, жертвѣ за грѣхъ, жертвѣ за вину и жертвѣ мирной, далѣе 5-ая глава имѣетъ дѣло съ установленіемъ признаковъ жертвопригодности животныхъ и заключительная 6-ая—съ предписаніями касательно ветхозавѣтныхъ безкровныхъ (хлѣбныхъ) приношеній. Какъ видно, г. Цуймановымъ достаточно захваченъ въ поле зрѣнія тотъ матеріалъ книги Левить, который касается ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній, но почему-то отсутствуютъ данныя объ очищеніяхъ. Рецензентъ полагаетъ, что писавшій ошибочно истолковалъ жертвоприношеніе и очищеніе, какъ понятія синонимичныя, или разложилъ обрядность левитскихъ очищеній, о какихъ приходилось писать, на рядъ жертвенныхъ ритуаловъ, а потому

и говоритъ только о жертвоприношеніяхъ. Безспорно, что ветхозавѣтное жертвоприношеніе давало левитскую чистоту жертвователю, т. е. каппара, являющееся центромъ сотериологии жертвоприношенія, однако въ той же книгѣ Левитъ находится и описаніе жертвъ родильницы, лицъ, страдающихъ истеченіями, и особенно исцѣленныхъ и исцѣлившихся отъ проказы,—все это могло подлежать изслѣдованію г. Цуйманова, если въ другихъ случаяхъ въ сложномъ очистительномъ обрядѣ онъ и могъ видѣть послѣдовательность и своеобразную комбинацію уже описанныхъ имъ по масоретскому тексту Библии жертвенныхъ отдѣльныхъ актовъ, наприм. въ рѣчи о днѣ Очищенія. Обращаясь отъ возможнаго содержанія труда г. Цуйманова къ его наличному виду, рецензентъ находитъ умѣстнымъ предпослать нѣсколько словъ о методѣ разработки тематическаго вопроса. Г. Цуймановъ писалъ по типу западныхъ *preparations* къ Ветхому Завѣту, давая детальный разборъ масоретскаго текста и сопровождая каждый разобранный отдѣлъ Библейскаго подлинника небольшимъ археологическимъ *exposè*. Собственно это—черновая работа, но цѣнная, поскольку сообщаетъ писавшему дѣйствительныя познанія по еврейскому языку Библии, взаимныя отрывочныя свѣдѣнія, обычно почерпаемые изъ западныхъ библейскихъ истолковательныхъ трудовъ, оставляющихъ нерѣдко печальный слѣдъ въ лингвистической сумятицѣ въ умѣ русскаго компилятора. Съ этой стороны работа г. Цуйманова отличается отъ тѣхъ монографій, гдѣ связано, но изъ вторыхъ рукъ, излагается исторія и частные моменты въ установленіи ветхозавѣтнаго культа. Но работа по первоисточнику, насколько она ни заманчива требуетъ свѣрки добытыхъ данныхъ и расширенія ихъ путемъ привлеченія вторыхъ пособій: у г. Цуйманова таковыхъ оказалось немного, — Кейль, Троицкій, Штейнбергъ, одинъ разъ знаменитый анатомъ Гиртль, вотъ и всѣ авторы изъ арсенала учено-вспомогательныхъ аппаратовъ, какимъ пользуется г. Цуймановъ, но главнымъ образомъ онъ штудировалъ грамматику еврейскаго языка Гезеніуса, хотя и не по новому изданію Кауча. Въ виду сказаннаго *lapsus* рецензируемой работы относимы на счетъ писавшаго, а не выводимы изъ ошибокъ и промаховъ его руководителей.

Во-первыхъ, если писавшій давалъ своему разбору значе-

ніе для Библейской археологіи, то почему онъ не помѣстилъ собственнаго перевода изученнаго имъ детальцо текста, наприм. было бы весьма желательнымъ имѣть переводъ 2 стиха 4 главы кн. Левить, гдѣ рѣчь о грѣхѣ, примиряемомъ жертвою. Во-вторыхъ, напрасно г. Цуймановъ стремится мѣстами изъяснять смыслъ словъ по корнямъ, несуществующимъ въ Библейскомъ еврейскомъ языкѣ; у него выходитъ, что *potina sunt omnia*, а это далеко не всегда бываетъ. Такъ по г. Цуйманову слово хацеръ—дворъ происходитъ отъ корня хацаръ—окружать, дворъ окружаетъ жилище или скинію, но такового корня библейскій языкъ не знаетъ, а въ библейско-еврейскомъ лексиконѣ находимъ слово хациръ, означающее траву, газонъ. Парохеть, наименованіе завѣсы, отдѣлявшей въ скиніи и храмѣ святое отъ святѣйшаго, по г. Цуйманову, деривація корня парохъ, означающаго ломать (вѣроятно, дѣлать), но такового корня опять нѣтъ у евреевъ, а находятся созвучныя формы, какъ существительное перехъ—твердость, суровость, а поэтому парохеть скорѣе—твердая завѣса, изъ жесткаго, нескладчатаго матеріала. Слово паръ—молодой быкъ г. Цуймановъ производитъ отъ корня параръ—пахать, быкъ—пахарь, но параръ означаетъ дѣлать, какъ созвучный глаголь поръ (пс. 74, 13), а слово паръ скорѣе деривація корня паръ, размножаться, т. е. опредѣляетъ молодаго быка въ отличіе отъ юнаго быка бакаръ рахъ. Кесевъ или аллографическое кесевъ нашъ авторъ производитъ отъ какого-то глагола кавасъ, означающаго быть смиреннымъ, что соотвѣтствуетъ природѣ агнца, но онъ забылъ, кто теперь называется кавасомъ на востокѣ, тогда получалось бы нѣчто, напоминающее коллективистическое цонъ о мелкомъ рогатомъ скотѣ. Имѣющійся въ Библии омофоническій глаголь кавашъ означаетъ: наступать, угнетать, подчинять, овладѣвать и т. п., слѣдовательно говорить не о кротости агнца (овцы), а поэтому если и можетъ дать имя агнцу, то только по енантіосеміи, когда деривація глагола принимаетъ обратный смыслъ, напр. отъ корня бара—дѣлили слово берить—союзъ или отъ самахъ—радовался семахотъ—плачь и трауръ по усопшемъ. Слово когенъ—священникъ по г. Цуйманову означаетъ настоятель (вѣроятно, предстоятель), между тѣмъ соотвѣтствующій глаголь ничего не даетъ для такого толкованія, являясь скорѣе самъ, какъ *denomina-*

tivum. Иногда, толкуя происхождение словъ, г. Цуймановъ упускаетъ изъ виду, что еврейское письмо бѣдно въ знакахъ, въ противоположность вѣроятному богатому звуковому составу еврейскаго языка, почему разнзвучавшія слова одинаково записаны, такъ и интересующій его при рѣчи о жертвѣ за грѣхъ глаголь мааль—вѣроломно поступать и существительное меиль—верхняя одежда, несмотря на тождественное начертаніе въ согласныхъ, могутъ быть различными въ произношеніи и отсюда не однокоренными. Слово каведъ—печень, вполне возможно, не деривація корня каведъ, что заставило бы смотрѣть на нее, какъ на самую тяжелую по ткани часть животнаго организма, наиболѣе компактное образованіе (ср. корень каваръ, кавадръ, *αθη ανδρος*). Производство слова дамъ—кровь отъ корня думъ—молчать, какъ обозначенія движенія, совершающагося беззвучно, въ отличіе отъ сонорнаго дыханія, т. е. органическаго движенія воздуха, требовало бы большаго обоснованія по своей глубокой оригинальности. Слово бегема по нашему автору обозначаетъ животное, находящееся при человѣкѣ (одомашненное), но тогда какъ же plural. этого слова въ Іова 40, 15 обозначаетъ чудовище; скорѣе бегема—просто животное, живущее стадами въ отличіе отъ большинства хищныхъ звѣрей, встрѣчающихся въ одиночку.

Въ третьихъ желателенъ былъ бы систематическій лексиконъ разобранныхъ ритуальныхъ отдѣловъ кн. Левитъ, устанавливавшій бы жертвенную терминологию. Здѣсь требовались бы данныя изъ психологіи культа, наприм. высоко интересно выясненіе семасіологіи слова кипперъ и его дериваціи каппарà (особенно управление предлогомъ аль), чѣмъ полагалось бы прочное лингвистическое основаніе для трактациі вопроса о спасительномъ значеніи ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній, равно хорошо было бы сдѣлать поясненіе смысла жертвоприношенія на основѣ корня каравъ, отмѣчающаго въ гифильной дериваціи начальный актъ ветхозавѣтнаго жертвоприношенія, завершающагося кропленіемъ (апликаціей) крови. На такія семасіологическія справки наталкивался нашъ авторъ, когда наприм. встрѣчалъ піэльную деривацію глагола хата грѣшить—гехита въ смыслѣ не указанія на сообщеніе грѣха, но наоборотъ приобщенія къ святости, очищенію, почему деривація хатагъ означаетъ

грѣхъ, а также жертву за грѣхъ, источникъ очищенія, или когда въ Лев. 19, 20 слово нехерфеть получаетъ смыслъ обрученной, а не опозоренной, какъ обычно.

Въ четвертыхъ замѣчаются по мѣстамъ археологическія неточности. Такъ сложеніе кусковъ жертвеннаго мяса до вида цѣльнаго животнаго для еврейскаго всесожженія въ текстѣ Библии не доказано. По г. Цуйманову вечернее всесожженіе горѣло всю ночь, а утреннее весь день, но могло ли это быть, если утромъ и вечеромъ приносилось по агнцу, а о какомъ-либо чудесномъ дѣйствіи въ Библии не сказано, талмудъ говоритъ только о томъ, что дождь не тушилъ никогда огня на жертвенникѣ (Пиркэ Авотъ 5, 5). Выраженіе „тамидъ“ о всесожженіи, т. е. жертва постоянная, относится не къ тому, что оно непрерывно горѣло, но къ регулярной повторяемости всесожженія дважды каждый день. Нѣтъ у г. Цуйманова разъясненія выраженія леашматъ гаамъ, при рѣчи о жертвѣ за грѣхъ, какимъ образомъ грѣхи первосвященника дѣлали отвѣтственнымъ народъ. О требованіи непорочности отъ животныхъ, предлагаемыхъ въ жертву, сказано слишкомъ обще, такъ наприм. для жертвы усердія можно было приносить и тельца и агнца съ членами несо-размѣрно длинными или короткими (Лев. 22, 23). При изложеніи послѣдовательности жертвоприношенія кропление (зерика) изложено смѣшанно съ закланіемъ (шехита), а воскресенію не дано точнаго ритуальнаго опредѣленія. При рѣчи о сехитѣ — возложеніи жертвователемъ рукъ на животное сказано, что этотъ актъ символизируетъ передачу грѣховъ, тогда какъ скорѣе онъ указываетъ на отождествленіе жертвователя съ жертвеннымъ животнымъ, передачу индивидуальности, почему и смерть животнаго является, какъ mors visaria, образомъ смерти грѣшника. Таковъ мессіанизмъ жертвоприношенія.

Но наряду съ указанными недостатками сочиненіе г. Цуйманова имѣетъ и крупныя достоинства: оно безспорно свидѣтельствуешь о способности автора къ самостоятельной работѣ надъ ветхозавѣтнымъ священнымъ текстомъ, къ должной оцѣнкѣ микрологическихъ грамматико-стилистическихъ изысканій, а поэтому, какъ годичная курсовая работа, вполне заслуживаетъ увѣнчанія его автора кандидатскою степенью и отмѣтки полнымъ балломъ“.

б) Доцента ієромонаха Варволомея (Ремова):

„Очень небольшая работа студента Цуйманова обнаруживаетъ въ авторѣ большого любителя оригинальнаго языка ветхозавѣтной Библии; съ этой стороны онъ достоинъ похвалы, похвалы за то, что трудился надъ тѣмъ, что обычно у насъ въ пренебреженіи. Наши русскіе изслѣдователи очень мало занимаются черновой работой, предпочитая ей болѣе идейную. И конечно бѣдность, недостаточность въ удовлетвореніи потребностей въ научной литературѣ вынуждаетъ браться за работы общаго характера, за работы идеологическія... Какъ бы то ни было, но все-таки рѣдкость большая, что г. Цуймановъ, вопреки общимъ вкусамъ, занялся черновой работой, — грамматическимъ разборомъ интересовавшихъ его мѣстъ книги Левитъ и извлеченіемъ изъ нихъ археологическаго матеріала. Привѣтствуемъ трудъ г. Цуйманова и позволяемъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы подобнаго рода работы стали обычнымъ явленіемъ у занимающихся ветхозавѣтной библией. Конечно, цѣлью всякихъ нашихъ работъ по изученію Писанія должно быть постиженіе, усвоеніе въ возможную мѣру его духа. Но если слова Писанія духоносны, то ничего не можетъ быть цѣннѣе и полезнѣе, лучше для насъ, какъ съ благоговѣніемъ тщательно изучать букву Писанія, его святыхъ слова!..

Г. Цуймановъ взяту ю имъ на себя работу выполнялъ старательно и съ усердіемъ. Жаль только, что авторъ недостаточно углубился въ предметъ своей работы. Несомнѣнно его извиняетъ то обстоятельство, что онъ—начинающій работникъ и при томъ на мало воздѣланной почвѣ. Но отсюда съ необходимостью слѣдуетъ только то, что ошибокъ и промаховъ г. Цуйманова нѣтъ основаній ставить ему въ большой минусъ. Г. Цуймановъ, нужно надѣяться, не оставитъ своихъ работъ надъ ветхозавѣтной библией; дай Богъ, чтобы его будущія работы шли съ большей основательностью и проникновеніемъ. Вполнѣ присоединяясь къ сдѣланнымъ первымъ рецензентамъ замѣчаніямъ, мы выскажемъ съ своей стороны только нѣсколько сужденій методологическаго характера о недостаткахъ въ изслѣдованіи г. Цуйманова. Авторъ пишетъ ученую работу, въ благородномъ исканіи первой ученой степени онъ занимается *грамматическимъ разбо-*

ромъ нужныхъ ему мѣсть изъ книги Левить. Понятно, что продѣлывать свою работу *more seminarico* не зачѣмъ. А нашъ авторъ дѣлаетъ именно такъ: въ его разборѣ очень много элементарнаго матеріала, много элементарныхъ частныхъ и этотъ матеріаль слишкомъ элементарно и неумдро изслѣдуется. Есть много интереснаго хотя бы въ еврейскихъ предлогахъ, этихъ еуществительныхъ, *именахъ* по природѣ (вѣдь всѣ слова еврейскаго языка—имена), а между тѣмъ г. Цуймановъ даетъ о предлогахъ очень маленькія и невыразительныя справки (напр. на стр. 2, 11). Мы утверждаемъ, что г. Цуймановъ могъ бы найти для себя много важнаго и полезнаго, онъ могъ бы при немного большемъ проникновеніи почерпнуть очень много интереснаго въ „жизни словъ“: вѣдь „слова—хамелеоны, они живутъ спѣша; у нихъ свои законы, особая душа. Они спѣшать мѣняться, являя всѣ цвѣта; поблекнуть, обновятся, и въ томъ ихъ красота“. Тѣмъ болѣе автору слѣдовало обратить вниманіе на то, чтобы его грамматика была не элементарной, что вѣдь отъ него требовалось дать разборъ, именно грамматико-археологическій, т. е. изъ изслѣдованія текста такъ или иначе сдѣлать выводы, опредѣляющіе порядокъ жертвъ и очищеній. Авторъ какъ будто дѣлаетъ это: каждый разобранный имъ отдѣлъ онъ сопровождаетъ небольшимъ очеркомъ регламентированнаго въ немъ жертвоприношенія. Повидимому, г. Цуймановъ этотъ очеркъ ставитъ въ связь съ своимъ элементарно-грамматическимъ разборомъ текста. Но это и есть только повидимому. Прежде всего въ разборѣ текста, право, нѣтъ ничего археологическаго, никакихъ археологическихъ данныхъ для сужденія о жертвоприношеніяхъ соответствующихъ отдѣловъ. А въ сопровождающихъ разборъ очеркахъ не чувствуется связи съ этимъ разборомъ: просто даны очерки жертвоприношеній, какъ они даются въ курсахъ библейской археологіи. Нѣтъ здѣсь посредствующаго звена, нѣтъ по-длинно археологическаго разбора, и читателю непонятно соединеніе въ одной главѣ сочиненія г. Цуйманова двухъ разныхъ ничѣмъ не связанныхъ отдѣловъ. Не хватаетъ по-длинно грамматическаго анализа текста, не показаны результаты его для опредѣленія установленій о жертвахъ и очищеніяхъ. Хотѣлось бы изложенія документальнаго и конкретнаго и опредѣленій опредѣленныхъ и твердыхъ. Хотѣ-

лось бы въ самомъ разборѣ болѣе солидной внѣшности изложенія, болѣе глубокихъ экскурсовъ (см. напр. стр. 2, 8, 13, 15, 20, 48, 58, 62, 80).

При всѣхъ недостаткахъ своихъ работа г. Цуйманова производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Очень отраднo видѣть въ сочиненіи г. Цуйманова явныя на каждой страницѣ его серьезность и дѣловитость. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, сочиненіе г. Цуйманова носитъ на себѣ печать его любви къ еврейскому языку и постоянныхъ занятій еврейской Библиею. Г. Цуймановъ за время академическаго курса укрѣпился въ симпатіяхъ и интересѣ къ этой важной отрасли академической науки. Признаемъ г. Цуйманова достойнымъ степени кандидата богословія“.

49) О сочиненіи студента *Четыркина Ивана* на тему: „Славянская идея въ русской литературѣ XIX вѣка“.

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Авторъ понялъ свою тему весьма широко. „Славянская идея“ для него, какъ она проявилась въ русской литературѣ, это—„интересъ и симпатіи къ славянскимъ народамъ“ (стр. 4). Но интересы и симпатіи могутъ быть различными, и авторъ совершенно справедливо на первой же страницѣ своего сочиненія говоритъ о томъ разнообразномъ содержаніи, съ которымъ являлась эта идея на русской почвѣ: „То подъ ней разумѣютъ наши всегдашнія, часто безотчетныя, племенные влеченія къ зарубежному славянству. То она отождествляется съ чисто научными изслѣдованіями въ области славянской археологіи, этнографіи, филологіи. То славянскую идею понимаютъ въ смыслѣ осуществленія оригинальной культуры. То, наконецъ, эта идея, выросшая въ такъ называемый славянскій вопросъ, является исключительно политическимъ факторомъ и принимается какъ созданіе внѣшняго крѣпкаго всеславянскаго союза“. Все это разнообразное содержаніе „славянской идеи“, въ большей или меньшей степени, вошло въ кругъ интересовъ автора. Поэтому мы вправѣ были бы ожидать отъ него болѣе точнаго и выразительнаго опредѣленія „славянской идеи“, чѣмъ простое указаніе на „интересъ и симпатіи“ къ славянскимъ народамъ. Предварительное исчерпывающее выясненіе этого понятія

въ той широтѣ, въ какой принялъ его авторъ, не только опредѣлило бы собою напередъ постановку всего вопроса въ сочиненіи, но и дало бы читателю нити для того, чтобы ему легче было ориентироваться во всемъ разнообразіи разсматриваемыхъ въ сочиненіи фактовъ и въ ихъ освѣщеніи.

Широко понятой „славянской идеѣ“ отвѣчаетъ въ сочиненіи и широко взятое понятіе „русской литературы“. Авторъ имѣетъ дѣло съ проявленіями разнообразныхъ интересовъ и симпатій къ славянскому міру не только въ изящной литературѣ, но и въ публицистикѣ, въ программахъ и дѣятельности различныхъ обществъ и кружковъ, въ научной славистикѣ, даже въ „дѣловыхъ бумагахъ“ и живыхъ отношеніяхъ. Этого расширенія рамокъ изслѣдованія, съ принципиальной точки зрѣнія, по нашему мнѣнію, нельзя вмѣнать автору въ вину. Наоборотъ, оно заслуживаетъ одобренія, какъ пріемъ, подсказываемый неразрывной связью всей русской литературы новаго времени съ публицистикой, дѣятельностью различныхъ кружковъ и обществъ, направленіями общественной и научной мысли. Проявленія славянской идеи въ русской изящной литературѣ совершенно неотдѣлимы отъ славянскихъ интересовъ въ публицистикѣ, въ дѣятельности обществъ и кружковъ, наконецъ, въ научномъ славяновѣдѣніи. И если авторъ съ излишней подробностью останавливается на исторіи обществъ, ставившихъ себѣ цѣлью, между прочимъ, сближеніе различныхъ славянскихъ народовъ, или съ очевидной легковѣсностью говорить о движеніяхъ въ научномъ славяновѣдѣніи, то эти отрицательныя свойства сочиненія слѣдуетъ поставить въ зависимость отъ недостатка познанія автора въ областяхъ, соприкасающихся съ его темой, а также отъ неумѣреннаго пользованія осложненнымъ историко-литературнымъ методомъ, но отнюдь не отъ самаго метода, по существу правильнаго и умѣстнаго въ сочиненіи.

Все сочиненіе состоитъ изъ шести главъ съ „предисловіемъ“ и „послѣсловіемъ“ (всего 446 стрр., въ $\frac{1}{4}$ л.). *Первая глава* имѣетъ своимъ предметомъ „исторію славянской идеи до XIX вѣка“; *вторая*—„начальные годы XIX вѣка и первое серьезное проявленіе въ русской литературѣ славянской идеи“; *третья*—„панславистскія тенденціи въ русскихъ тайныхъ обществахъ“; *четвертая*—„славянскую идею въ 30—

50-х годах“; *пятая*—„славянофильство, его представители и противников“; *шестая*—„славянскую идею в 60—90-х годах и научное славяновѣдѣніе“; *послѣсловіе* подводитъ итоги всему сказанному.

Не всѣ перечисленные отдѣлы сочиненія разработаны съ одинаковой тщательностью и успѣшностью. Ниже другихъ должна быть поставлена первая глава, хотя и являющаяся до нѣкоторой степени сверхдолжной заслугой автора, однако страдающая случайностью собраннаго матеріала и спорностью сужденій. Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ пособій авторъ въ этой главѣ, между прочимъ, проводитъ мысль, что въ древней Руси южныхъ славянъ знали преимущественно какъ единовѣрцевъ и почти не знали какъ единоплеменниковъ. Съ этой мыслью можно не соглашаться. Уже начальная русская лѣтопись, свидѣтельство которой о славянахъ не совсѣмъ удачно использовано авторомъ (стр. 8—9), различаетъ единовѣрныхъ грековъ отъ единовѣрныхъ и соплеменныхъ русскимъ славянъ. Въ другихъ памятникахъ можно было бы найти слѣды опредѣленнаго отношенія русскихъ къ болгарамъ и сербамъ, какъ къ родственнымъ народамъ. Послѣдующія главы сочиненія разработаны весьма успѣшно. Но и въ нихъ можно отмѣтить нѣкоторыя погрѣшности, спорныя положенія и такое освѣщеніе фактовъ, съ которыми можно не соглашаться. Такъ, во 2-ой главѣ, намъ кажется, переоцѣнено значеніе Шишкова въ исторіи „славянскаго вопроса“ (стр. 102—107): его интересовалъ больше церковно-славянскій языкъ, чѣмъ живыя отношенія къ славянамъ. Въ 3-ей главѣ, говоря о панславистскихъ тенденціяхъ въ обществѣ „соединенныхъ славянъ“ и въ другихъ обществахъ, авторъ долженъ былъ бы выяснитъ условный характеръ этого панславизма, который наполовину порожденъ, кажется, болѣзненнымъ патріотизмомъ поляковъ и имѣлъ очень мало отношенія къ южнымъ славянамъ. Въ 5-ой гл. находимъ ошибочное утвержденіе, что у славянофиловъ совершенно отсутствовалъ элементъ политической, хотя при этомъ авторъ и ссылается на К. Д. Кавелина (стр. 306). Едва ли также кто согласится съ авторомъ, что наименованіе славянофильства „почти вовсе не имѣло ничего общаго съ славянской идеей“ (стр. 312). Неточно авторъ называетъ Брюкнера „нѣмецкимъ профессоромъ“ (стр. 313); Брюкнеръ—онѣ-

меченный полякъ. Въ 6-ой гл. на стр. 430 читаемъ: „...Дриновъ М. С., профессоръ-болгаринъ Харьков. у—та, только недавно умершій (въ концѣ прошлаго года)“. Но Дриновъ скончался 28 февраля 1906 года. Эта ошибка является слѣдствиемъ простаго недоразумѣнія. Наконецъ, нельзя не выразить сожалѣнія, что авторъ, такъ тщательно въ разныхъ главахъ отмѣтившій стихотворенія русскихъ поэтовъ съ славянскими мотивами, оставилъ безъ вниманія и даже не привелъ въ извѣстность тѣхъ стихотвореній различныхъ славянскихъ поэтовъ, которыя были въ разное время переведены на русскій языкъ.

Всѣ указанные,—и подобные имъ неуказанные,—пробѣлы, недосмотры, и погрѣшности не мѣшаютъ, однако, намъ признать разсматриваемое сочиненіе хорошей студенческой работой. Прежде всего надобно признать большой заслугой автора то, что онъ, при отсутствіи цѣльныхъ и серьезныхъ работъ на предложенную ему тему, самостоятельно собралъ обильный и разнообразный матеріалъ изъ многочисленныхъ источниковъ. Ему приходилось прокладывать себѣ дорогу собственными усиліями, перечитывать очень много произведеній русскихъ писателей, изслѣдованій, воспоминаній, журнальныхъ статей. Собранный такимъ образомъ матеріалъ разработанъ и систематизированъ съ примѣненіемъ надлежащаго метода, достаточно полно и цѣлесообразно. Тонъ сочиненія, какъ работы историческаго характера,—вполнѣ объективный, не переходящій ни въ восторженное, ни въ пренебрежительное отношеніе къ различнымъ варіаціямъ славянской идеи. Изложеніе—хорошее, литературное. Вообще сочиненіе свидѣтельствуетъ о достаточномъ умѣніи автора обращаться съ перомъ. Оно даетъ автору полное право на полученіе искомой степени“.

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Г. Четыркинъ пытается въ своемъ сочиненіи прослѣдить судьбу славянской идеи не только въ русской литературѣ и не только въ XIX столѣтіи. Первая глава его сочиненія посвящена исторіи славянской идеи до XIX в. Въ послѣдующихъ II—VI главахъ онъ говоритъ о судьбахъ славянской идеи въ русской политикѣ—объ отношеніи къ этой идеѣ императоровъ Александра I и Николая I, говоритъ о пан-

славистскихъ тенденціяхъ въ тайныхъ обществахъ, о славянофилахъ и западникахъ, о возникновеніи и развитіи научнаго славяновѣдѣнія. Литература, съ которою мы соединяемъ представленіе о поэзіи и поэтахъ въ широкомъ смыслѣ, отстываетъ у него нѣсколько на задній планъ, хотя и ей онъ отводитъ значительное мѣсто.

Такое расширеніе темы, разумѣется, должно было сказаться нѣкоторымъ уцербомъ на изслѣдованіи отдѣльныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ темы.

У русскихъ поэтовъ авторъ могъ бы найти больше, чѣмъ онъ нашелъ. Г. Четыркинъ заявляетъ, что ему „приходилось иногда просматривать всего поэта или писателя, а потомъ откладывать его въ сторону за неимѣніемъ славянскаго элемента“ (стр. 442). Въ числѣ этихъ отложенныхъ оказались Гоголь и Тургеневъ. Авторъ очевидно имѣлъ мало времени для размышленія надъ произведеніями этихъ писателей. Развѣ Тарасъ Бульба и нѣкоторые маленькіе отрывки у Гоголя не касаются взаимоотношенія различныхъ славянскихъ племенъ (малоросовъ, поляковъ) и не даютъ матеріала для сужденія о нихъ? Затѣмъ, развѣ разсужденія Потугина въ „Дымъ“ Тургенева не направляются противъ славянской самооцѣнки, нѣкоторыя „стихотворенія въ прозѣ“ (русскій языкъ), идеализація Инсарова въ „Наканунъ“, развѣ все это не имѣетъ отношенія къ славянской идеѣ?

Въ своемъ разсужденіи о славянофилахъ авторъ близко подошелъ къ вліянію на славянофиловъ идеалистической философіи. „Только въ Россіи словенскій духъ дошелъ до самосознанія“ (стр. 368). Этотъ славянофильскій тезисъ долженъ быть комментированъ гегелевскою философіею. Но авторъ не имѣлъ времени обратиться къ ознакомленію съ нѣмецкимъ идеализмомъ.

Не ознакомился достаточно авторъ и съ литературою по славяновѣдѣнію. Онъ даетъ указанія трудовъ славистовъ, но указанія его случайны и отрывочны. Кочубинскій, Ор. Миллеръ и др. (стр. 430) дали гораздо больше, чѣмъ сколько онъ имъ приписываетъ, положимъ оговариваясь „намъ извѣстны“ такіе то труды, но могло бы быть автору извѣстно и побольше.

Широкое пониманіе темы обусловило собою и то, что авторъ далеко несамостоятеленъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своего труда.

Но это широкое пониманіе имѣло и благую сторону. Авторъ прочиталъ много и о многомъ. Много онъ узналъ, и его духовный горизонтъ несомнѣнно значительно расширился вслѣдствіе его работы надъ своимъ сочиненіемъ.

Пишетъ онъ литературно, разсуждаетъ въ общемъ основательно.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно“.

50) О сочиненіи студента *Ярещенко Александра* на тему: „Цѣнность жизни по сужденію разума и по ученію Откровенія“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Таръева*:

„Сочиненіе начинается вступительными замѣчаніями о значеніи проблемы цѣнности въ „наше время“. Затѣмъ, въ „обзорѣ существующихъ рѣшеній вопроса о цѣнности жизни“, предлагается изложеніе и критика теорій пессимизма и оптимизма (по статьѣ Грота). Въ отдѣлѣ „Смыслъ жизни“ идутъ сужденія о „саморазумѣніи“, какъ смыслъ жизни (терминъ и содержаніе заимствуются изъ книги П. Бакунина *Основы вѣры и знанія*), и объ утвержденіи жизни, повышеніи ея интензивности, какъ цѣли жизни (по Гюйо). Это—центральная глава изслѣдованія. Основная мысль ея—въ первой половинѣ—та, что вопросъ о смыслѣ жизни есть вопросъ о ея онтологической подлинности, о ея истинности, а истинная сторона человѣческой жизни открывается не въ ея видимомъ обнаруженіи, а въ разумномъ самосознаніи, причемъ сознаніе, чтобы не быть пустымъ отраженіемъ мимолетныхъ впечатлѣній, должно напитываться духовною сущностью, т. е. быть „сознаніемъ связи человѣка съ жизнью въ ея цѣломъ“.

„Чтобы осмыслить свою жизнь — пишетъ г. Ярещенко на стр. 70—80,—человѣкъ долженъ стать истиннымъ человѣкомъ, а истиннымъ человѣкомъ онъ будетъ только тогда, когда познаетъ свою духовную сущность... Духовная сущность открывается человѣку въ его разумномъ сознаніи. Углубляясь въ себя, познавая себя, свѣряясь съ своимъ разумнымъ сознаніемъ, человѣкъ узнаетъ, что онъ не простой организмъ природы, не безсознательный механизмъ, а духовно-разумное существо, обладающее высшей, самостоя-

тельной, духовной сущностью, которая стоит выше его логического разума и одна только и дѣлаетъ его свободно-разумнымъ существомъ, самосознающей личностью. Прислушиваясь къ голосу своего разумнаго сознанія, человѣкъ познаетъ высшіе законы, по которымъ онъ долженъ жить, какъ духовно-разумная личность“. Мысли автора не достигли полной ясности, но очевидна въ нихъ нѣкоторая глубина религиозно-мистическаго взгляда на личность. Равнымъ образомъ и во второй половинѣ отдѣла авторъ сумѣлъ подняться съ біологической почвы, на которую онъ неосмотрительно выступаетъ вслѣдъ за Гюйо, на высоту религіи и духа. „(Стр. 121). Такъ какъ человѣкъ живетъ не только физической, а еще и главнымъ образомъ жизнью духовно-разумной, то, само собою разумѣется, что (?) на его обязанности лежитъ утвержденіе не только физической жизни, но и духовно-разумной, и этой послѣдней въ особенности, потому что только благодаря ей человѣкъ и есть человѣкъ“ и т. д. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ „Цѣнность жизни“ (стр. 142—232) идетъ рѣчь о цѣнностяхъ въ жизни—о трудѣ, любви, красотѣ, искусствѣ, истинѣ, свободѣ, которая (стр. 217) „является первымъ и послѣднимъ основнымъ и самымъ цѣннымъ изъ того, чѣмъ можетъ человѣкъ обладать въ своей жизни и что можетъ сдѣлать жизнь человѣческую осмысленной и цѣнной“. На каждую изъ этихъ разнообразныхъ темъ авторъ отозвался красивыми и вдумчивыми страницами. Послѣдній отдѣлъ „Цѣнность жизни по ученію Откровенія“ составляетъ вторую часть. Въ то время, какъ всѣ разсмотрѣнные отдѣлы, объединяемые въ первую часть, раскрываютъ цѣнность жизни съ точки зрѣнія разума, во второй части излагаются данныя Откровенія, и переходъ къ новой точкѣ зрѣнія достаточно мотивируется въ началѣ отдѣла. „И цѣль, и смыслъ, и цѣнность жизни, открытыя путемъ разума, никогда не могутъ имѣть для человѣка безусловнаго и абсолютнаго значенія до тѣхъ поръ, пока онъ не познаетъ свою духовную сущность, какъ самобытную и самостоятельную сущность, не зависимую отъ внѣшняго окружающаго міра, получающую свое бытіе отъ Бога. Только признавъ за своей духовной природой самобытное и самостоятельное существованіе, ведущее начало отъ Высшей (,) Абсолютной (,) Духовной Сущности Бога, человѣкъ можетъ познать жизнь

абсолютнымъ смысломъ и оцѣнить ее, какъ абсолютную цѣнность. Судѣвать это личнымъ своимъ разумомъ человѣкъ не въ состояніи; онъ можетъ только увѣровать въ это“. Въ содержаніи этого отдѣла авторъ весьма близокъ къ наличной богословской литературѣ.

Въ общемъ, рецензируемая работа, довольно обширная (246 стр.), не есть раскрытіе какой-либо одной идеи, но это мысли по разнымъ вопросамъ, изложенныя съ нѣкоторою отрывочностью, даже, не во всемъ согласованныя между собою. Нельзя сказать, чтобы теорія „саморазумѣнія“ и теорія „утвержденія и интенсификаціи жизни“ гармонизировали между собою; свобода понимается то мистически, то въ смыслѣ „сознанной необходимости“. Тѣмъ не менѣе работѣ нельзя отказать въ крупныхъ достоинствахъ. Разнообразіе затронутыхъ въ ней предметовъ не помѣшало автору о каждомъ изъ нихъ сказать что-нибудь значительное. По всему видно, что авторъ работалъ съ увлеченіемъ. Степени кандидата богословія авторъ достоинъ“.

б) *Ординарнаго профессора С. С. Глаголева:*

„Предъ вступленіемъ въ самостоятельную жизнь г. Ире-щекко посвятилъ годъ обсужденію вопроса о смыслѣ и цѣнности жизни. Онъ отнесся къ дѣлу изслѣдованія этого вопроса внимательно и серьезно и далъ хотя небольшое (около 100 страницъ шрифта Богословскаго Вѣстника), но толковое и обстоятельное изслѣдованіе.

Разумѣется, ему пришлось трактовать вопросъ, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета, онъ знакомился съ вопросомъ преимущественно по изложеніямъ, а не по первоисточникамъ и подвергъ разсмотрѣнію далеко не всѣ типическія формы его рѣшенія. Онъ схематизировалъ и упростилъ современное состояніе вопроса.

Въ отдѣльныхъ мѣстахъ своего сочиненія онъ допустилъ сомнительныя, а порою и прямо невѣрныя утвержденія.

Въ своей вступительной главѣ онъ восхищается культурными завоеваніями современнаго человѣчества, его побѣдами надъ пространствомъ и временемъ. Но всѣ эти побѣды — до тѣхъ поръ побѣды, пока мы современнаго человѣка оцѣниваемъ черезъ сравненіе съ человѣчествомъ прошлыхъ вѣ-

ковъ. А если взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія заданій—намѣченныхъ для рѣшенія вопросовъ, то окажется, что дѣло обстоитъ далеко не блестяще. Человѣкъ не можетъ подняться выше 10 верстъ надъ землею и не можетъ опуститься глубже одной версты подъ земную поверхность. Не изобрѣтены приборы, чтобы видѣть закрытое, наприм., внутренности живого организма (рентгеновскіе лучи—первый, робкій шагъ къ этому), не удлиннена жизнь. Гдѣ же здѣсь побѣды надъ пространствомъ и временемъ?

Противопоставляя культурнымъ побѣдамъ неудовлетворенность человѣчества, авторъ представляетъ, что вопросъ о смыслѣ этихъ побѣдъ, какъ и о смыслѣ жизни, поставилъ разумъ. Конечно, вопросы ставить разумъ, но данный вопросъ подсказанъ разуму чувствомъ неудовлетворенности и страданія. Въ раю, пожалуй, этого вопроса разумъ бы и не поднялъ.

На 35 стр. авторъ говоритъ, что наше мышленіе „можетъ представить себѣ несуществованіе той или иной вещи“. Выраженіе неудобное: несуществованія *представить* нельзя.

При разсужденіи о счастья (см. особенно 97 стр.) авторъ потребность счастья ставитъ рядомъ съ другими потребностями. Но на самомъ дѣлѣ, какъ это въ сущности раскрывается и въ работѣ г. Ярещенко, потребность счастья есть сумма всѣхъ нашихъ потребностей.

На 143—144 стр. г. Ярещенко надѣется, что Мечниковъ нанесетъ рѣшительный ударъ пессимизму, открывъ условія для гармоничнаго развитія силъ и безболѣзненной старости человѣка. Напрасная надежда. Во 1) Мечниковъ этихъ условій не откроетъ; во 2) если ихъ кто-нибудь и откроетъ, то на самомъ дѣлѣ останутся и душевныя страданія, и страхъ смерти, и дряхлость, дѣлающая съ точки зрѣнія самого Мечникова существованіе человѣка безсмысленнымъ.

На 145 стр. нашъ авторъ въ самоубійствахъ видитъ побѣду естественнаго разума надъ инстинктомъ жизни. Думается, что это—не такъ. Провалился человѣкъ на экзаменахъ и кончаетъ самоубійствомъ. Здѣсь уже причина самоубійства лежитъ въ недостаткѣ разума и познанія. А потомъ? Разумъ во многихъ случаяхъ могъ бы выяснитъ страдающимъ людямъ, что страданія ихъ пройдутъ и что счастье возможно для нихъ, какъ и для другихъ. Кончаютъ само-

убійствомъ, не умѣя перенести страданій и ужасовъ момента, а разумъ—и очень даже немудреный—давно формулировалъ: „все образуется“, „перемелется, все мука будетъ“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грамматика и выраженія автора вызываютъ недоумѣнія.

На 134 стр. въ примѣчаніи—*„въ полнѣ“*.

На 161 стр. „Это не трудъ поденщика, изголодавашагося о вкусномъ обѣдѣ, не тяжкая карма верблюда“... Что это за выраженіе и что это за индійская *карма* верблюда?

На 235 стр. „Сотворивъ міръ невидимый, неорганическій и міръ видимый органическій... Богъ“... Нельзя понять: неорганическій міръ есть ли міръ видимый или невидимый?

Но въ общемъ изложеніе автора ясно и стиль у него легкій, литературный, даже нѣсколько поэтичный.

Въ своихъ разсужденіяхъ, конечно не исключительно благодаря своимъ силамъ, а благодаря хорошему руководству, онъ вообще стоитъ на правильномъ пути.

Итогомъ его изслѣдованія является обращенный къ человечеству призывъ жить для славы Божіей. Остается пожелать, чтобы самъ авторъ—только что вступающій въ жизнь—послѣдовалъ этому призыву.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполне удовлетворительно“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій §§ 164—168 и 171.— 2) Определеніе Святѣйшаго Синода, *отъ 8—20 января 1911 года за № 93*.—3) Циркулярный указъ Святѣйшаго Синода *отъ 8 апрѣля 1904 года за № 3*.—4) Изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи казеннымъ содержаніемъ ни въ Академіи, ни въ Семинаріи не пользовались: *Великинъ Алексѣй, іеромонахъ Сергій (Дабичъ), Добровъ Георгій, Дьяковъ Святославъ, Кронтовскій Николай, Лебедевъ Александръ, Лилеевъ Константинъ и Тихомировъ Константинъ*.—Всѣ они заявили Совѣту о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству.—5) По § 109, лит. б. п. 8, академическаго устава „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата богословія (§§ 165 и 166)“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическій курсъ студентовъ:

- 1) Плотникова Александра,
Соколова Михаила (Моск.),
Иеромонаха Герасима (Садковского),
Подлуцкаго Ивана,
- 5) Струмѣнскаго Михаила,
Виноградова Николая,
Попова Тихона,
Смоленскаго Алексѣя,
Волкова Бориса,
- 10) Лебедева Николая,
Ярещенко Александра,
Иеромонаха Сергія (Дабича),
Козырева Сергѣя,
Орлова Василя,
- 15) Иеромонаха Нектарія (Иванова),
Лобова Гавріила,
Оглоблина Аркадія,
- 18) Паргачевскаго Алексѣя—

удостоить степени *кандидата богословія*, съ причисленіемъ къ *первому* разряду и предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній;

- 20) Лебедева Александра,
Дьякова Святослава,
Синева Николая,
Цуйманова Александра,
Соболева Василя,
Голобородько Михаила.
- 25) Устинова Павла,
Свящ. Скворцова Константина,
Сергіевскаго Николая,
Глаголева Николая,
Соколова Михаила (Виѣ.).
- 30) Бѣляева Тихона,
Вознесенскаго Александра,
Иеромонаха Максима (Руберовскаго),
Василевскаго Ивана,
Доброва Георгія,

- 35) Четыркина Ивана,
Иеромонаха Иоанна (Маргіева),
Пятикрестовскаго Сергѣя,
Нечаева Тихона,
Свящ. Крылова Димитрія,
40) Свящ. Кузнецова Павла,
Лилеева Константина,
Авраменко Михаила,
Лобанова Василия,
Введенскаго Пантелеимона,
45) Тихомирова Александра,
Зыкова Вячеслава,
Ключарева Василия,
Тихомирова Константина,
Свящ. Левковскаго Александра,
50) Величкина Алексѣя—

удостоить степени *кандидата богословія* съ причисленіемъ ко *второму* разряду;

- Богоявленскаго Николая,
Залѣскаго Сергѣя,
Кронтовскаго Николая и
54) Ярошевича Евгенія—

удостоить званія *дѣйствительнаго студента*, съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительныхъ курсовыхъ сочиненій,—какое постановленіе и представить на утвержденіе Его Преосвященства.

Въ случаѣ утвержденія Его Преосвященствомъ постановленія, изложеннаго въ п. 1-мъ.—

2) Препроводить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ списокъ всѣхъ окончившихъ академическій курсъ воспитанниковъ съ требуемыми опредѣленіями Святѣйшаго Синода, отъ 3 марта—10 апрѣля 1892 года за № 590 и 8—20 января 1911 года за № 93, свѣдѣніями и отзывами о нихъ и съ приложеніемъ подлинныхъ заявленій 38 воспитанниковъ о томъ, какую группу наукъ преподавать и вообще на какую должность по духовно-учебному вѣдомству поступить они желали бы и въ какія епархіи.

3) По изготовленіи дипломовъ на степень кандидата бого-

словія и аттестатовъ на званіе дѣйствительнаго студента,— препроводить въ Учебный Комитетъ и всѣ документы означенныхъ воспитанниковъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, кои будутъ оставлены при Академіи въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ.

4). Студенту *Берникову* Сергѣю, въ виду болѣзненнаго его состоянія, разрѣшить сдать устныя испытанія по предметамъ IV курса, представить проповѣдь и курсовое сочиненіе— послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1914 года,— послѣ чего и имѣть сужденіе объ удостоеніи его академической степени или званія.

IV. а) Предложеніе *Пресвященнаго Ректора* Академіи:

„Имѣю честь предложить Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса объ оставленіи при Академіи на годичный срокъ кого-либо изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи, въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ“.

б) Представленіе экстраординарнаго профессора Академіи (сверхъ штата) *Н. Л. Тунницкаго*:

„Имѣю честь почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи обратить вниманіе на оканчивающаго въ этомъ году курсъ Академіи со степенью кандидата богословія *Михаила Струмѣнскаго*. Его кандидатское сочиненіе, написанное на тему: „Книжные и литературные интересы въ Троице-Сергіевской лаврѣ со временъ ея основанія до XVII вѣка“ представляетъ собою весьма хорошее изслѣдованіе, которое въ усовершенствованномъ видѣ могло бы, съ большой пользой для науки, появиться въ печати. Троицкая лавра въ XIV—XVI вв. была однимъ изъ самыхъ видныхъ центровъ книжнаго дѣла и литературныхъ интересовъ въ Россіи; она служила часто передаточнымъ пунктомъ, черезъ который книжное движеніе того времени отъ южныхъ славянъ, изъ Константинополя и Аѳона распространялось по Россіи. Отсюда предложенная г. Струмѣнскому тема имѣетъ не только узкій, специальный интересъ, но и широкое историко-литературное значеніе. Г. Струмѣнскій въ теченіе года занимался съ большимъ успѣхомъ рукописями лаврскаго книгохранилища: ему удалось собрать всѣ приписки на рукописяхъ, дать палеографическое описаніе цѣлаго ряда рукописей, установить размѣры дѣя-

тельности многих писателей, трудившихся въ лаврѣ или вообще имѣвшихъ къ ней отношеніе. Для завершения цѣннаго и полезнаго труда г. Струмѣнскаго ему въ слѣдующемъ году нужны такія условія жизни, которыя дѣлали бы для него возможнымъ болѣе или менѣе продолжительный доступъ къ рукописнымъ сокровищамъ, хранящимся въ лаврской и нашей, академической, библіотекахъ. Такія условія могли бы быть созданы для него стипендіатствомъ.

Въ виду изложеннаго беру на себя смѣлость покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ оставленіи г. Струмѣнскаго сверхштатнымъ стипендіатомъ съ содержаніемъ изъ Синодальныхъ суммъ въ положенномъ штатомъ размѣрѣ—700 рублей въ годъ“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—*а*) § 73: „Совѣту Академіи предоставляется оставлять при Академіи на годичный срокъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ двухъ наиболѣе даровитыхъ изъ окончившихъ по первому разряду образованіе въ Академіи кандидатовъ богословія для усовершенствованія въ избранной Совѣтомъ отрасли наукъ, въ частности и для приготовленія къ занятію преподавательской должности въ Академіи“; *б*) § 75: „Профессорскіе стипендіаты получаютъ содержаніе изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Св. Синода, въ установленномъ штатомъ размѣрѣ“ (нынѣ, за 3%-мъ вычетомъ на пенсію,—по 679 рублей въ годъ каждый).—2) По § 109, лит. *б* п. 2, академическаго устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ и назначеніе имъ содержанія“ значителенъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Оставить при Академіи на 1914—1915 учебный годъ, въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ, окончившихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи, занявшихъ въ разрядномъ спискѣ 1-ое и 2-ое мѣста—*Александра Плотникова*—по кафедрѣ исторіи Греко-восточной церкви и *Михаила Соколова (Моск.)*—по кафедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей, съ производствомъ имъ, съ 16-го августа текущаго 1914 года, содержанія по 679 рублей въ годъ каждому, — о чемъ и представить на утвержденіе Его Преосвященства.

2) Признавая вышеизложенное представление экстраординарного профессора (сверхъ штата) Н. Л. Туницкаго заслуживающимъ уваженія, — просить ходатайства Его Преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи оставить на 1914—1915 учебный годъ окончившаго нынѣ курсъ по первому разряду и занявшаго въ разрядномъ спискѣ 5-ое мѣсто кандидата *Михаила Струминскаго* при Академіи, въ званіи *сверхштатнаго профессорскаго стипендіата* (по кафедрѣ исторіи русской литературы), съ назначеніемъ на его содержание оклада въ положенномъ штатомъ академіи размѣрѣ—679 р. въ годъ—изъ суммъ Святѣйшаго Синода.

V. Занимались составленіемъ *рописанія повѣрочныхъ испытаній* студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, имѣющихъ прибыть въ августъ мѣсяцъ текущаго 1914 года для поступленія въ составъ новаго (LXXIII) академическаго курса.

Справка: По § 109, лит. б. п. 7, устава духовныхъ академіи „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи, а также опредѣленіе состава испытательныхъ комиссій“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Проектъ рописанія повѣрочныхъ испытаній представить при журналѣ настоящаго собранія на утвержденіе Его Преосвященства.

На семь журналѣ резолюція Преосвященнаго Трифона, Епископа Дмитровскаго, Управлявшаго Московской епархіей: „1914 г. іюля 1. Утверждается“.

22 августа 1914 года.

№ 10.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, — Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессора — М. М. Таръевъ и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессора —

С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынинъ; ординарные профессора—А. И. Алмазовъ, С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Богословскій; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Слушали: 1. а) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, Управлявшимъ Московскою епархіею, съ надписью: „1914 г. іюля 3. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 1 іюля за № 11087:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 11 Іюня 1914 г. за № 277, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной Академіи о продленіи и. д. доцента сей академіи *Александрю Туберовскому* исполняющагося 16 Августа сего года срока для представленія магистерской диссертациі, на одинъ годъ. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: продлить и. д. доцента названной академіи Александрю Туберовскому срокъ для представленія магистерской диссертациі на одинъ годъ, т. е. до 16 Августа 1915 года; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 г. іюля 28. Въ Совѣтъ Императорской Московской Дух. Академіи“—указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 24 іюля за № 12290:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 3 Іюля 1914 г. за № 299, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи о продленіи и. д. доцента сей академіи,

священнику *Иоанну Смирнову* исполнившася 14 Марта сего года срока для представлѣнія магистерской диссертациі, на одинъ годъ. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: продлить и. д. доцента названной академіи, священнику *Иоанну Смирнову* срокъ для представлѣнія магистерской диссертациі до 14 Марта 1915 года; о чемъ Ваше Преосвященство увѣдомить указомъ“.

Опредѣлили: Содержаніе указовъ Святѣйшаго Синода за №№ 11087 и 12290 объявить исправляющимъ должность доцента Академіи *А. М. Туберовскому и священнику Г. М. Смирнову*.

II. а) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 г. іюля 4. Въ Совѣтъ Императорской Московской Дух. Академіи“ — указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 іюля за № 11151:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представлѣніе Вашего Преосвященства, отъ 11 Іюня 1914 г. за № 279, съ ходатайствомъ о назначеніи профессорамъ Императорской Московской духовной академіи *Смирнову и Туницкому*, командируемымъ въ г. Псковъ на XVI Всероссийскій Археологическій Съѣздъ, пособія на путевые расходы по означенной командировкѣ. Приказали: Выслушавъ настоящее ходатайство Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ, на основаніи бывшихъ сужденій, опредѣляетъ: назначить двумъ профессорамъ Императорской Московской духовной академіи *Смирнову и Туницкому* путевое пособие по командировкѣ въ г. Псковъ на XVI Всероссийскій Археологическій съѣздъ, въ размѣрѣ по 75 руб. каждому, съ отнесеніемъ сего расхода, всего въ количествѣ ста пятидесяти рублей, на счетъ экстраординарнаго кредита по духовно - учебному капиталу; о чемъ Ваше Преосвященство увѣдомить указомъ“.

б) Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 30 іюля 1914 года:

„Императорское Московское Археологическое Общество имѣетъ честь сообщить, что, въ виду мобилизациі и необхо-

дмости занять всѣ учебныя заведенія Пскова ново-прибывающими войсками и запасными, Общество должно было, совместно съ мѣстными властями, принять рѣшеніе *отложить XVI Всероссийскій Археологическій Съѣздъ*, назначенный къ созыву съ 22 Іюля по 6 Августа текущаго года, до болѣе благопріятнаго времени“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. а) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 г. іюля 8. Въ Совѣтъ Императорской Московской Дух. Академіи“ — указъ на имя его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 7 іюля за № 11314:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 11 Іюня 1914 г. за № 276, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи въ степени *доктора богословія* экстраординарнаго профессора сей академіи, магистра богословія *Димитрія Введенскаго*, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе „Патріархъ Іосифъ и Египеть. (Опытъ соглашенія данныхъ Библии и Египтологіи)“: и 2) отзывъ о семъ сочиненіи Члена Святѣйшаго Синода Преосвященнаго Финляндскаго, отъ 4 Іюля 1914 г. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Финляндскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить экстраординарнаго профессора Императорской Московской духовной академіи, магистра богословія, Димитрія Введенскаго въ степени доктора богословія, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Патріархъ Іосифъ и Египеть. (Опытъ соглашенія данныхъ Библии и Египтологіи)“. О чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 г. авг. 3. Въ Совѣтъ Академіи“ — указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 30 іюля за № 12602:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 11 Іюня сего года № 278, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи экстраординарнаго профессора оной по кафедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, *Димитрія Введенскаго* въ званіи *ординарнаго профессора*. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить экстраординарнаго профессора названной академіи по кафедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, *Димитрія Введенскаго* въ званіи ординарнаго профессора по занимаемой имъ кафедрѣ, со времени утвержденія его Святѣйшимъ Синодомъ въ степени доктора богословія т. е. съ 4 Іюля сего года; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: 1) Изготовить для профессора *Д. И. Введенскаго* установленный дипломъ на степень доктора богословія и выдать его по принадлежности.—2) Объ утвержденіи профессора *Введенскаго* въ степени доктора богословія и званіи ординарнаго профессора Академіи внести въ формулярный о службѣ его списокъ и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

IV. Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 г. іюля 28. Въ Совѣтъ Императорской Московской Дух. Академіи“ — указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 24 іюля за № 12291:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 3 Іюля 1914 г. № 300, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи въ званіи почетнаго члена сей академіи ординарнаго профессора Императорской С.-Петербургской духовной академіи *Николая Глубоковскаго*. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Пре-

освященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить ординарнаго профессора Императорской С.-Петербургской духовной академіи Николая Глубоковскаго въ званіи почетнаго члена Императорской Московской духовной академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Изготовить для ординарнаго профессора Императорской Петроградской Духовной Академіи *Н. Н. Глубоковскаго* установленный дипломъ на званіе Почетнаго Члена Академіи и просить его о принятіи сего званія.

V. Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 года, Августа 1 дня. Послать въ Императорскую Московскую Духовную Академію и Московскую Духовную Семинарію“—циркулярный указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 26 іюля за № 15:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Управляющаго Московскою епархіею Преосвященнаго Дмитровскаго, отъ 3 Іюля 1914 г. № 301, по вопросу о *празднованіи исполняющагося 1 Октября сего 1914 года 100-лѣтняго юбилея Императорской Московской духовной академіи*. Приказали: Признавая нынѣ неблаговременнымъ торжественныя празднованія юбилеевъ духовно-учебныхъ заведеній и принимая во вниманіе, что нѣкоторымъ изъ сихъ заведеній уже разрѣшено Святѣйшимъ Синодомъ празднованіе ихъ юбилеевъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: увѣдомить циркулярными указами епархіальныхъ Преосвященныхъ, что празднованіе какъ разрѣшенныхъ Святѣйшимъ Синодомъ, такъ и предполагаемыхъ на мѣстахъ юбилеевъ духовно-учебныхъ заведеній *должно быть отложено* до болѣе благопріятнаго времени“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и исполненію.

VI. Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью „1914 г. авг. 6. Въ Совѣтъ Императорской Московской Дух. Академіи“—указъ на имя

Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 2 августа за № 12739:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященнаго Митрополита Московскаго, отъ 6 Іюня сего года № 244, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи и. д. доцента оной по каедрѣ пастырскаго богословія *Василія Виноградова* въ степени магистра богословія, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Уставныя Чтенія“, и въ должности доцента академіи. Преосвященный Псковскій, разсматривавшій означенное сочиненіе, признаетъ автора его заслуживающимъ степени магистра богословія. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленію Преосвященнаго Митрополита Московскаго и отзыву Преосвященнаго Псковскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить и. д. доцента Императорской Московской духовной академіи по каедрѣ пастырскаго богословія *Василія Виноградова* въ степени магистра богословія за означенное сочиненіе и въ должности доцента помянутой академіи по занимаемой имъ каедрѣ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: 1) Изготовить для доцента Академіи *В. И. Виноградова* установленный дипломъ на степень магистра богословія и выдать его по принадлежности.—2) Объ утвержденіи *г. Виноградова* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

VII. Препровожденный (въ копіи) Московскою Духовною Консисторіею, при [отношеніи отъ 19 августа за № 18954, указъ изъ Святѣйшаго Синода на имя Преосвященнаго *Димитрія, Епископа Можайскаго*, временно управляющаго Московскою епархіею, отъ 8 августа за № 13083:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе по предложенію о назначеніи на вакантную должность настоятеля церкви при Императорской Миссіи въ Афинахъ окончив-

шаго курсъ Московской Духовной Академіи іеромонаха Сергія (Дабича). Приказали: По бывшемъ сужденіи, имѣя въ виду, что со стороны Министерства Иностранныхъ Дѣлъ не имѣется препятствій къ такому замѣщенію должности настоятеля Посольской церкви въ Афинахъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: на должность настоятеля церкви при Императорской Миссіи въ Афинахъ назначить окончившаго курсъ Императорской Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, іеромонаха Сергія (Дабича), съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита,—о чемъ и послать Преосвященному Митрополиту С.-Петербургскому указъ, увѣдомивъ таковымъ и Ваше Преосвященство“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. а) Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

- 1) 19 мая, № 5: „6 іюня 1914. Ходатайствовать“.
- 2) 22 мая, № 6: „6 іюня 1914. Ходатайствовать“.

б) Резолюціи Преосвященнаго Трифона, Епископа Дмитровскаго, Управлявшаго Московскою епархією, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

- 1) 28 мая, № 7: „1914 г. іюня 10. Утверждается“.
- 2) 5 іюня, № 8: „1914 г. іюля 1. Утверждается“.
- 3) 5 іюня, № 9: „1914 г. іюля 1. Утверждается“.

Опредѣлили: Резолюціи принять къ свѣдѣнію и исполненію.

IX. Сданное Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, Управлявшимъ Московскою епархією, съ надписью: „1914 г. іюня 20. Въ Совѣтъ Императорской Московской Академіи для обсужденія“—отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Іакова, Архіепископа Казанскаго и Свіязскаго, отъ 5 іюня с/г. за № 3062:

„Бывшіе питомцы Императорской Московской Духовной Академіи, проживающіе въ г. Москвѣ, въ виду исполняющагося 1 Октября 1914 г. столѣтія ея существованія, въ благодарную память о воспитавшей ихъ высшей школѣ, рѣшили, между прочимъ, учредить на добровольные взносы особую стипендію при Императорской Московской Духов-

ной Академіи имени приснопамятнаго Митрополита Московскаго Платона (Левшина), за счетъ которой могли бы воспитываться лучшіе студенты Императорской Московской Академіи съ правомъ при окончаніи академическаго курса прибавлять къ собственнымъ своимъ фамиліямъ фамилію— „Платоновъ“, какъ это ранѣе практиковалось по отношенію къ лучшимъ ея питомцамъ.

Учрежденіе стипендіи въ ознаменованіе столѣтняго юбилея Московской Духовной Академіи, конечно, дѣло хорошее; но совсѣмъ непонятно, почему она должна быть *Платоновскою*. Приснопамятный Митрополитъ Московскій Платонъ (Левшинъ) не имѣлъ и не могъ имѣть къ празднующей свой столѣтній юбилей Московской Академіи никакого отношенія. Академія основана уже послѣ его смерти, а при жизни Митрополита Платона были лишь предположенія объ этой Академіи, предположенія къ тому же далеко не совпадавшія съ его желаніями и взглядами. Если академическій столѣтній юбилей нужно ознаменовать учрежденіемъ студенческой стипендіи, то таковая юбилейная стипендія по всей справедливости должна быть *Филаретовскою*. Приснопамятный Митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ) полвѣка стоялъ у кормила Академіи, съ самага ея основанія, твердо руководилъ ею, праздновалъ ея пятидесятилѣтіе, ознаменовалъ это послѣднее торжество учрежденіемъ особыхъ юбилейныхъ капиталовъ при всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Московской епархіи; процентами съ этихъ капиталовъ доднесъ, въ видѣ пособія, ежегодно пользуются профессора Московской Академіи, также и преподаватели Московской и Виѣанской Семинарій. Поэтому Академическая юбилейная стипендія должна быть *Филаретовскою*, и дополнительная фамилія, если таковой суждено осуществиться, должна быть „*Филаретовъ*“. Но я не отрицаю потребности учрежденія или, лучше сказать, возстановленія Платоновской стипендіи. Приснопамятный Митрополитъ Платонъ (Левшинъ) вполнѣ этого заслуживаетъ. Только стипендія Платоновская по моему мнѣнію должна быть возстановлена по другому поводу и другими средствами. Поводомъ къ ея возстановленію должно быть исполнившееся столѣтіе со дня его *блаженной кончины*, а средствами должны быть пожертвованія *Московского* духовенства и ближайшимъ образомъ *Московскихъ монастырей*, основанныхъ Митрополи-

томъ Платономъ или благоустроенныхъ и благодѣтельствовавшихъ имъ. Собрать тысячъ десять въ два, три или четыре года изъ ежегодныхъ отчисленій отъ своихъ доходовъ такимъ обителямъ, каковы: Троице-Сергіева Лавра, Спасо-Виеанскій монастырь, Чудовъ монастырь, Церервинскій монастырь, съ Иверскою часовнею, и проч. не представитъ особаго затрудненія.

Въ виду этого беру на себя смѣлость обратиться къ Вашему Высокопреосвященству съ покорнѣйшею просьбою, не признаете ли благовременнымъ и благопотребнымъ обратиться къ Московскимъ приходскимъ церквамъ и главнымъ образомъ къ Московскимъ монастырямъ съ предложеніемъ образовать путемъ добровольныхъ пожертвованій въ теченіе одного, двухъ или трехъ лѣтъ капиталъ, необходимый на учрежденіе, или, лучше сказать, на возстановленіе при Императорской Московской Духовной Академіи *стипендіи имени Приснопамятнаго Митрополита Московскаго Платона (Левшина) въ ознаменованіе столѣтія со дня его блаженной кончины*“.

Справка: Вопросъ о возстановленіи при Императорской Московской Духовной Академіи, ко дню столѣтняго юбилея ея, на добровольныя пожертвованія, „Платоновской“ стипендіи возбужденъ былъ не Совѣтомъ Академіи, а организованною съ соизволенія Московскаго Епархіальнаго Начальства особою „Юбилейною Коммиссіею бывшихъ питомцевъ Московской Духовной Академіи (въ г. Москвѣ)“, председателемъ коей состоитъ о. законоучитель Александровскаго военнаго училища, протоіерей Н. П. Добронравовъ,—и никакихъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи этого дѣла у Совѣта Академіи не имѣется.

Опредѣлили: Съ возвращеніемъ отношенія, почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что Совѣтъ Академіи, съ своей стороны, вполне раздѣляетъ изложенныя въ ономъ мысли Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Іакова.

Х. Отношеніе Московской Духовной Консисторіи, отъ 11 іюля за № 15778:

„Московская Духовная Консисторія имѣетъ честь увѣдо-

мить, что экстраординарный профессоръ Императорской Московской Духовной Академіи, *священникъ Ілія Гумилевскій*, резолюціею Преосвященнѣйшаго Трифона, Управляющаго Московской епархіею, отъ 3-го сего іюля, опредѣленъ на священническую вакансію при Московскомъ Каѳедральномъ Христа Спасителя соборѣ. Сообщая о семъ, Московская Духовная Консисторія покорнѣйше проситъ Совѣтъ Академіи выдать приложенный при семъ указъ священнику Гумилевскому подъ его росписку, каковую препроводить въ Консисторію“.

Справка: Росписка священника И. В. Гумилевскаго въ полученіи указа препровождена въ Московскую Духовную Консисторію 14 іюля с. г. за № 1168.

Опредѣлили: О назначеніи *священника И. В. Гумилевскаго* на священническую вакансію при Московскомъ Каѳедральномъ Христа Спасителя соборѣ (съ оставленіемъ въ должности экстраординарнаго профессора Академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ литургики) внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

XI. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 13 іюня за № 2962:

„Учебный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи, что опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 23 мая сего года за № 4542, профессорскій стипендіатъ Императорской Московской Духовной Академіи *іеромонахъ Іеронимъ (Черновъ)* назначенъ на должность втораго преподавателя Св. Писанія въ Курскую духовную семинарію“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Отношенія.

а) Совѣта Императорской Кіевской Духовной Академіи, отъ 14 іюня за № 979, съ увѣдомленіемъ о полученіи двухъ книгъ, возвращенныхъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи при отношеніи отъ 22 мая за № 278.

б) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 4 іюня за № 1767, съ увѣдомленіемъ о полученіи книгъ, возвра-

щенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 22 мая за № 282.

в) Императорскаго Московскаго Румянцовскаго Музея, отъ 14 и 21 іюня за №№ 780 и 804, съ увѣдомленіемъ о полученіи книгъ, возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 22 мая за № 279, и рукописи подъ № 474 („Кормчая“ изъ собранія Пискарева).

г) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 16 августа за № 2389, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей Московской Синодальной Библіотеки: греческой за № 381 и славянской за № 328.

д) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 18 іюня за № 1141, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей Лаврской библіотеки подъ №№ 34, 129, 172, 179, 254, 695, 739 и 791.

е) О. Настоятеля Волоколамскаго Іосифова монастыря архимандрита Нифонта, отъ 18 іюня за № 117, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи монастырской библіотеки подъ № 664 („Сборникъ“).

ж) Императорской Академіи Наукъ, отъ 9 іюля за № 378, съ увѣдомленіемъ о полученіи высланныхъ Совѣтомъ Академіи трехъ рукописныхъ томовъ библиографическаго труда епископа Дамаскина (Семенова-Руднева) подъ №№ 112, 113 и 114.

з) Совѣта Императорской Петроградской Духовной Академіи, отъ 27 іюня за № 1535, съ увѣдомленіемъ о полученіи высланной Совѣтомъ Московской Духовной Академіи рукописи академической библіотеки подъ № 1283 (Собраніе словъ и поученій Св. Димитрія Ростовскаго).

и) Г. Наблюдателя церковныхъ школъ Костромской епархіи К. Казанскаго, отъ 5 іюля за № 60, съ возвращеніемъ принадлежащихъ академической библіотекѣ книгъ: 1) Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, т. IX, и 2) М. Соколовъ. Матеріалы по старинной славянской литературѣ.

і) Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, отъ 26 іюня за № 808, съ разрѣшеніемъ продлить срокъ пользованія рукописью изъ собранія Григоровича за № 818

и Мосхопольскимъ изданіемъ греческихъ аколоуей 1741—1742 гг.—еще на три мѣсяца.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Отношеніе Правленія Императорской Казанской Духовной Академіи, отъ 25 іюля за № 3610:

„Правленіе Академіи имѣеть честь при семъ препроводить въ Правленіе Московской Духовной Академіи слѣдующіе документы бывшаго студента Казанской Академіи *Александра Смирнова*, переведеннаго въ Московскую Духовную Академію:

1) Свидѣтельство о прохожденіи имъ I-го курса Академіи за № 3515.

2) Метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи за № 9137.

3) Копія формулярнаго о службѣ списка діакона Д. Смирнова за № 16968.

О полученіи сихъ документовъ Правленіе Академіи покорнѣйше проситъ увѣдомить“.

Опредѣлили: Документы студента *Александра Смирнова* хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи, а о полученіи ихъ Правленіе Императорской Казанской Духовной Академіи увѣдомить.

XIV. Циркулярное отношеніе (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) Предсѣдателя Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, Высокопреосвященнѣйшаго *Сергія*, Архіепископа Финляндскаго и Выборгскаго, отъ 5 августа за № 3516:

„Преосвященный Ректоръ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи предложилъ организовать на пожертвованія служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, именно на процентное отчисленіе отъ ежемѣсячнаго содержанія *особый лазаретъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ въ дѣйствующей арміи*. Лазаретъ могъ бы носить названіе: „Летучій (или постоянный—стаціонарный) имени Преподобнаго Серафима Саровскаго лазаретъ русскихъ духовно-учебныхъ заведеній“. Имя великаго молитвенника русской земли избирается потому, что объявленіе войны Германіей совпало съ днемъ его прославленія (19 іюля). Размѣры лазарета, а равно

и видъ его (т. е. летучій или постоянный) опредѣлились бы въ зависимости отъ общей суммы пожертвованій. Вполнѣ привѣтствуя мысль Преосвященнаго Ректора, покорнѣйше прошу Васъ увѣдомить меня въ возможно непродолжительномъ времени: 1) выражаютъ ли служащіе во вѣренномъ Вамъ учебномъ заведеніи готовность жертвовать на нужды военнаго времени известное процентное отчисленіе изъ своего ежемѣсячнаго содержанія и сколько именно процентовъ; 2) какая приблизительно сумма въ мѣсяцъ составитъ изъ такихъ отчисленій по учебному заведенію; 3) согласны ли служащіе дать своимъ пожертвованіямъ указанное выше высокопатріотическое назначеніе.

Для организаціи и веденія этого дѣла предположено учредить „Комитетъ Краснаго Креста русскихъ духовно-учебныхъ заведеній“ подъ моимъ предсѣдательствомъ. Отчисления и другія могущія поступать пожертвованія направляются, впредь до особыхъ распоряженій, на имя товарища Предсѣдателя Комитета — Преосвященнаго Анастасія, Епископа Ямбургскаго, ректора Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи.

Къ сему считаю полезнымъ прибавить, что служащіе въ центральныхъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства рѣшили жертвовать 2% на свой особый лазаретъ“.

Въ обсужденіи означеннаго предложенія приняли участіе *все* члены академической корпораціи, имѣвшіе возможность присутствовать въ настоящемъ собраніи.—Единодушно выразивъ готовность отчислять на призрѣніе раненыхъ и больныхъ воиновъ, съ августа мѣсяца с/г. и на все время военныхъ дѣйствій, не менѣе 2% получаемаго ими ежемѣсячно содержанія (многіе подписали и большія суммы), члены корпораціи, принимая во вниманіе:

1) что по оглашеннымъ въ повременной пѣчати свѣдѣніямъ „Комитетъ Краснаго Креста духовно-учебныхъ заведеній“ уже учрежденъ Святѣйшимъ Синодомъ и на ожидаемыя пожертвованія служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ предположено организовать этапный лазаретъ для раненыхъ и больныхъ воиновъ въ зданіяхъ Минской духовной семинаріи, причемъ ежемѣсячное содержаніе одной койки исчислено приблизительно въ *сто пятнадцать руб-*

лей (115 р.), не включая сюда крупнаго расхода на первоначальное оборудованіе лазарета;

2) что при такихъ условіяхъ суммы ежемѣсячныхъ отчисленій по Академіи (160—165 р.р.) будетъ недостаточно даже для содержанія *двухъ* коекъ въ помянутомъ лазаретѣ, — остановились на мысли учредить при Академіи *свой* особый лазаретъ, воспользовавшись для этой цѣли большою палатою академической больницы, въ значительной мѣрѣ, конечно, уже оборудованной и въ теченіи почти всего года пустующей. — Въ предположеніи, что и корпорація сосѣдней Виѣанской Духовной Семинаріи не откажется присоединиться своими пожертвованіями къ академической организаціи (предположеніе это въ дѣйствительности и оправдалось), а также въ виду полной готовности нѣкоторыхъ членовъ семействъ академическихъ преподавателей и студентовъ Академіи безвозмездно принять на себя трудъ по *спеціальному* оборудованію лазарета и по уходу за ранеными,—было исчислено, что лазаретъ при Академіи можетъ быть открытъ не менѣе, какъ на *десять* коекъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что вновь сооруженная двухъэтажная каменная пристройка къ библиотечному академическому корпусу въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не можетъ быть использована для нуждъ Академіи и должна пустовать, такъ какъ Центральнымъ Управленіемъ Вѣдомства еще не отпущено въ распоряженіе академическаго Правленія средствъ на ея оборудованіе шкафами для книгъ, а между тѣмъ, какъ видно изъ воззваній общественныхъ организацій,—въ Москвѣ обнаружилась громадная нужда въ свободныхъ помѣщеніяхъ для размѣщенія раненыхъ и больныхъ воиновъ, число которыхъ превысило всѣ предварительные расчеты,—члены корпораціи пришли къ заключенію, что Академія свободно могла бы на время уступить указанную пристройку въ распоряженіе, напр., своего Почетнаго Члена—Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны или одной изъ Московскихъ общественныхъ организацій, объединившихся подъ флагомъ „Краснаго Креста“,—для устройства здѣсь большаго (уже независимаго отъ Академіи) лазарета для раненыхъ и больныхъ воиновъ на 100—150 коекъ, тѣмъ болѣе, что и Святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ отъ 20 іюля с/г. за

№ 6502, призываетъ монастыри, общины и всѣ духовныя учрежденія къ такому именно исползованію всѣхъ свободныхъ помѣщеній.

Опредѣлили: Просить Преосвященнаго Ректора Академіи особымъ докладомъ представить вышеизложенныя предположенія членовъ академической корпораціи на Архипастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XV. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Вотъ уже въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ *М. Д. Муретовъ* читаетъ студентамъ Академіи курсъ лекцій по Священному Писанію Новаго Завѣта, принимаетъ на себя исполненіе различныхъ порученій Совѣта Академіи, преимущественно по разсмотрѣнію и оцѣнкѣ магистерскихъ диссертаций, и участвуетъ въ засѣданіяхъ Совѣта съ правомъ рѣшающаго голоса, *безъ особаго за все это вознагражденія*, продолжая, кромѣ того, по прежнему нести на себѣ важный и отвѣтственный трудъ редактированія переводовъ святоотеческихъ твореній для академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“.

Высоко цѣняя участіе въ жизни и дѣятельности Академіи столь выдающагося специалиста по одному изъ важнѣйшихъ предметовъ академическаго курса наукъ и опытнаго профессора - руководителя, какъ *М. Д. Муретовъ*,—Совѣтъ Академіи въ октябрѣ мѣсяцѣ 1912 года, по моему предложенію, уже возбуждалъ ходатайство предъ Святѣйшимъ Синодомъ о назначеніи профессору Муретову хотя бы небольшого денежнаго вознагражденія за его труды по чтенію лекцій и исполненію порученій Совѣта, но Святѣйшій Синодъ, „не признавая нынѣ (указъ—отъ 7 декабря 1912 года за № 18618) возможнымъ дѣлать въ отношеніи профессора Муретова изъятіе изъ установленнаго порядка“, постановилъ: ходатайство это отклонить.

Съ теченіемъ времени взглядъ высшей церковной власти на пользованіе трудами и опытностію вышедшихъ въ отставку заслуженныхъ профессоровъ Академіи, повидимому, измѣнился и настоящее положеніе профессора *М. Д. Муретова* является дѣйствительно изъятіемъ изъ установлен-

наго порядка, но только въ обратномъ смыслѣ: тогда какъ заслуженные профессора Императорскихъ Петроградской и Кіевской Духовныхъ Академій, вышедшіе за послѣднее время въ отставку и продолжающіе чтеніе лекцій въ Академіи на правахъ сверхштатныхъ профессоровъ, получаютъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, вознагражденіе въ размѣрѣ полного оклада содержанія доцента (1440 р.),—онъ продолжаетъ нести свой нелегкій и въ высшей степени полезный трудъ безмездно.

Принимая во вниманіе, что Святѣйшій Синодъ въ опредѣленіи своемъ отъ 7 декабря 1912 года не отрицалъ заслугъ профессора Муретова и высокой оцѣнки участія его въ ученой и учебной дѣятельности Академіи, отклонивъ ходатайство Совѣта лишь по причинамъ формальнаго свойства,—предлагаю Совѣту Академіи возобновить помянутое ходатайство хотя бы по отношенію къ будущему, если ужъ признано будетъ невозможнымъ вознаградить профессора Муретова за его прежніе 2½-лѣтніе труды“.

Опредѣлили: Соглашаясь съ предложеніемъ Преосвященнаго Ректора Академіи, просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о назначеніи сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи *М. Д. Муретову*, съ начала 1914—1915 учебнаго года, за его труды по чтенію лекцій и исполненію порученій Совѣта Академій, вознагражденія хотя бы въ размѣрѣ жалованья доцента Академіи, т. е. *900 рублей* въ годъ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „13 сент. 1914. Исполнить. Къ XIV статьѣ нужно поясненіе“.

1 сентября 1914 года.

№ 11.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Феодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ *М. Д. Муретовъ*, ординарные профессора—*А. И. Алмазовъ*, *С. С. Глаголевъ*, *М. М. Тарѣвъ*,

М. М. Богословскій и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.—Съ правомъ совѣщательнаго голоса: всѣ доценты, исправляющіе должность доцента и лекторы новыхъ языковъ.

Отсутствовали изъ числа членовъ Совѣта: и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынь, ординарные профессора—С. И. Соболевскій и А. А. Спасскій.

Слушали: 1. а) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, Управлявшимъ Московскою епархіею, съ подписью: „1914 г. іюн. 15. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи“—циркулярный указъ изъ Святѣйшаго Синода отъ 13 іюня за № 10:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленный Преосвященнымъ Предсѣдателемъ Учебнаго Комитета, отъ 3 іюня 1914 года за № 2776, журналъ Комитета, № 357, о вызовѣ въ составъ новообразуемыхъ въ 1914 году курсовъ Императорскихъ духовныхъ академій воспитанниковъ изъ духовныхъ семинарій Приказали: Разсмотрѣвъ изъясненныя въ представленіяхъ Преосвященныхъ Митрополитовъ С.-Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго и Архіепископа Казанскаго предположенія академическихъ Совѣтовъ относительно вызова на казенный счетъ къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Императорскія духовныя академіи окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій и донесенія епархіальныхъ и семинарскихъ начальствъ о числѣ воспитанниковъ, признанныхъ благонадежными для прохожденія академическаго курса, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: 1) Изъ числа рекомендованныхъ мѣстными епархіальными и семинарскими начальствами воспитанниковъ духовныхъ семинарій вызвать на казенный счетъ къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ академіи въ 1914 г. 78 воспитанниковъ, а именно: въ С.-Петербургскую 20,—по одному воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Новгородской, Олонецкой, Рязской, Тверской, Холмской, Псков-

ской, Литовской, Воынской, Екатеринославской, Одесской, Ставропольской, Таврической, Владимірской, Вологодской, Нижегородской, Ярославской, Вятской, Самарской и Сибирской, въ Кіевскую академію 20,—по одному воспитаннику изъ семинарій: Могилевской, Новгородской, Тверской, Воронежской, Кишиневской, Курской, Подольской, Черниговской, Донской, Владимірской, Калужской, Орловской, Смоленской, Тамбовской, Ярославской, Рязанской, Вятской, Благовѣщенской и двухъ воспитанниковъ изъ Кіевской семинаріи, въ *Московскую академію* 20,—по одному воспитаннику изъ семинарій: *Архангельской, Минской, Тверской, Воынской, Кіевской, Курской, Полтавской, Подольской, Тифлисской, Виванской, Владимірской, Вологодской, Орловской, Тамбовской, Ярославской, Рязанской, Пермской* и трехъ воспитанниковъ изъ *Московской семинаріи*, и въ Казанскую академію 18—по одному воспитаннику изъ семинарій: Ставропольской, Черниговской, Костромской, Нижегородской, Тамбовской, Рязанской, Астраханской, Иркутской, Казанской, Пермской, Самарской, Тобольской, Томской, Уфимской, Александровской, Красноярской, Оренбургской и Саратовской; 2) Поручить Совѣтамъ Императорскихъ духовныхъ академіи, по окончаніи пріемныхъ испытаній, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія о составѣ новообразованныхъ курсовъ, съ указаніемъ принятыхъ въ число студентовъ этихъ курсовъ какъ по вызову изъ духовныхъ семинарій, такъ и волонтеровъ, и 3) поручить епархіальнымъ Преосвященнымъ предписать семинарскимъ начальствамъ, чтобы они—а) неуклонно исполняли, при представленіи воспитанниковъ для вызова въ духовныя академіи, всѣ требованія, изложенныя въ указахъ Святѣйшаго Синода на сей предметъ, какъ въ смыслѣ своевременнаго представленія относящихся къ сему свѣдѣній, такъ и полноты послѣднихъ, касательно общаго числа учащихъ въ семинаріяхъ и въ VI классѣ, а также и успѣховъ рекомендуемыхъ воспитанниковъ, въ среднемъ выводѣ по наукамъ за первые 5 классовъ и въ годовомъ баллѣ за VI классъ, б) обращали, согласно особымъ постановленіямъ вышшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ для поступленія въ академіи какъ по способностямъ, успѣхамъ и благонравію, такъ и по состоящую здоровья и склонности ихъ къ продолженію ду-

ховнаго образованія, в) на основаніи указа Святѣйшаго Синода, отъ 19 марта 1871 г. за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками по прибытіи на мѣсто не отказываться отъ поступленія въ академію, а по окончаніи академическаго курса ученія—отъ вступленія на духовно-учебную службу, г) выслали по предписанному въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки, вмѣстѣ съ другими требующимися документами избранныхъ воспитанниковъ, непосредственно въ академическіе Совѣты, не допуская ни въ какомъ случаѣ передачи таковыхъ документовъ въ Совѣты академій, черезъ самихъ воспитанниковъ, и д) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными и суточными для проѣзда деньгами, а также необходимымъ на экипировку пособіемъ, на основаніяхъ, изъясненныхъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ 5 Мая 1905 года за № 2228 (Церк. Вѣд. № 21). Для исполненія изложеннаго опредѣленія послать Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому, Московскому и Кіевскому и Архіепископу Казанскому печатные циркулярные указы, увѣдомивъ таковыми же и прочихъ епархіальныхъ Преосвященныхъ“.

Справка: Изъ вызванныхъ, во исполненіе сего указа, въ составъ новаго академическаго курса воспитанниковъ духовныхъ семинарій явились къ повѣрочнымъ испытаніямъ въ Академію 18 человекъ.—Не явились воспитанники семинарій: *Московской*—Павель *Солнцевъ*—по болѣзни и *Тифлисской*—по неизвѣстной причинѣ.

б) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 г. авг. 3. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 30 іюля за № 12604:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 21 іюня 1914 г. № 24166, по прошеніямъ болгарскихъ уроженцевъ *Антоня Станкова, Ивана Мавродіева, Николая Васильева, Михаила Серафимова* и *Георгія Антонова*, на имя Императорскаго Россійскаго Посланника въ Болгарію, о принятіи ихъ въ

русскія духовныя академіи, съ назначеніемъ имъ стипендій. Приказали: Согласно настоящему предложенію Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣтамъ Московской и Кіевской Императорскихъ духовныхъ академій допустить болгарскихъ уроженцевъ Антона Станкова, Ивана Мавродіева, Николая Васильева, Михаила Серафимова и Георгія Антонова къ приемнымъ испытаніямъ, послѣ медицинскаго освидѣтельствованія, для поступленія первыхъ трехъ въ Императорскую Московскую, а остальныхъ двухъ въ Императорскую Кіевскую духовныя академіи, и 2) назначить имъ, въ случаѣ выдержанія испытаній для поступленія въ академіи, стипендіи изъ Синодальныхъ средствъ, съ отнесеніемъ расхода на эти стипендіи, въ установленномъ размѣрѣ, на счетъ духовно-учебнаго капитала по Отд. 1 § 2 смѣты расходовъ спеціальныхъ средствъ вѣдомства Святѣйшаго Синода; о чемъ Ваше Преосвященство и Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго увѣдомить указами“.

Справка: Поименованные въ семь указѣ Святѣйшаго Синода болгарскіе уроженцы Николай *Васильевъ*, Иванъ *Мавродіевъ* и Антонъ *Станковъ* къ повѣрочнымъ испытаніямъ с./г. въ Академію не явились.

в) Отношенія 17-ти Правленій духовныхъ семинарій съ препровожденіемъ документовъ рекомендованныхъ ими къ поступленію въ составъ новаго (LXXIII) академическаго курса воспитанниковъ:

Архангельской—Сергѣя Орлова,
Визанской—Дмитрія Воздвиженскаго,
Владимірской—Николая Магницкаго,
Вологодской—Зосимы Трубачева,
Волынской—Александра Калиновича,
Кіевской—Ильи Донца,
Курской—Григорія Сергѣева,
Минской—Петра Пинкевича,
Московской—Петра Доброва.
„ „ —Николая Соколова,
„ „ —Павла Солнцева,
Орловской—Сергѣя Гражданскаго,
Пермской—Бориса Ареѣева,

Подольской—Антоня Стефановича,
Полтавской—Николая Базилевскаго,
Рязанской—Василія Побѣдинскаго,
Тамбовской—Александра Уметскаго,
Тверской—Алексѣя Одинцова и
Ярославской—Дмитрія Мизерова.

г) Заявленіе *Преосвященнаго Ректора* Академіи о томъ, что, на основаніи §§ 137 и 139 устава духовныхъ академіи, кромѣ 18-ти воспитанниковъ духовныхъ академіи, рекомендованныхъ семинарскими правленіями, имъ были допущены къ повѣрочнымъ испытаніямъ: 1) 46 студентовъ духовныхъ семинарій, прибывшихъ въ Академію на собственныя средства, съ вѣдома и одобренія семинарскаго начальства; 2) 11 семейныхъ священниковъ, окончившихъ семинарскій курсъ по первому разряду и прибывшихъ къ испытаніямъ съ разрѣшенія подлежащихъ епархіальныхъ начальствъ; 3) 1 окончившій курсъ реального училища и 4) 2 болгарскихъ уроженца: *іеродиаконъ Гавріиль* (Мануиловъ) и *Иванъ Малинковъ*—на основаніи разрѣшительнаго указа Святѣйшаго Синода отъ 17 октября 1913 года за № 16663-мъ.—Повѣрочныя испытанія, согласно § 140 устава духовныхъ академіи, произведены были, въ объемъ курса духовныхъ семинарій: *устныя*—по Священному Писанію Новаго Завѣта, догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи (до 1054 года) и по греческому языку (последняго испытанія не держалъ окончившій курсъ реального училища); *письменныя*—по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, систематической философіи и составленію поученія.—Четыре студента духовныхъ семинарій—волонтеры: *Лебедевъ* Дмитрій (Моск. с.), *Остроумовъ* Владиміръ (Моск. с.), *Сизаровъ* Петръ (Моск. с.) и *Ставровскій* Василій (Влад. с.), получившіе неудовлетворительныя баллы *по всемъ письменнымъ работамъ*,—выбыли изъ Академіи до окончанія устныхъ испытаній.

д) Рапортъ производившаго медицинскій осмотръ прибывшихъ къ повѣрочнымъ испытаніямъ врача *П. В. Гранберга*:

„16 и 17-го августа 1914 года мною произведенъ медицинскій осмотръ вновь поступающихъ воспитанниковъ, результатъ котораго слѣдующій: Изъ 78 человекъ, осмотрѣнныхъ мною: Свящ. Розовъ Константинъ, Протопоповъ Алексѣй

Розовъ Сергѣй, Сергѣевъ Григорій, Соколовъ Александръ Московскій, Соколовъ Николай, Шамиловъ Филиппъ, Шуваловъ Павелъ, Орловъ Сергѣй, Остроумовъ Владиміръ, Никаноровъ Анатолій страдаютъ небольшимъ малокровіемъ, что не можетъ служить препятствіемъ къ поступленію въ Академію; Бѣлтовъ Николай, Успенскій Дмитрій страдаютъ малокровіемъ и имѣютъ слабыя легкія, а потому я совѣтовалъ бы имъ не поступать въ Академію до слѣдующаго года; Вижевскій Дмитрій, Сухозанетъ Павелъ страдаютъ малокровіемъ, имѣютъ слабыя легкія и въ виду того, что оба они южане (Волинской губ.), совѣтовалъ бы имъ поступить въ Кіевскую Духовную Академію. Остальные, оставшіеся неперечисленными изъ 78 человекъ, оказались вполне здоровыми и никакихъ препятствій для поступленія въ Императорскую Московскую Духовную Академію съ моей стороны не имѣютъ“.

е) Донесенія экзаменціонныхъ комиссій, производившихъ повѣрочныя испытанія студентовъ [духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, явившихся въ Академію для поступленія въ составъ LXXIII академическаго курса по вызову начальства и по собственному желанію, о достоинствѣ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ на испытаніяхъ.

А) Донесеніе комиссій, производившей испытанія по *Священному Писанію Новаго Завѣта*:

„Экзамень по Священному Писанію Новаго Завѣта держали 78 лицъ: 18 присланныхъ и рекомендованныхъ духовными семинаріями и 60 волонтеровъ; изъ послѣднихъ 12 въ духовномъ санѣ. Всѣ экзаменовавшіеся находили написанные на билетахъ безъ цитаты тексты изъ евангелій и посланій апостольскихъ, что свидѣтельствуемъ, конечно, о достаточномъ знакомствѣ съ текстомъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составили только двое: волонтеръ владимірскій и волонтеръ изъ новоузенскаго реальнаго училища. Свою осѣдомленность съ текстомъ экзаменовавшіеся, кромѣ того, обнаружили еще и тѣмъ, что не затруднялись приведеніемъ къ толкуемымъ отдѣламъ параллельныхъ мѣстъ. Но знаніе текста не всегда было осмысленнымъ. Обычно затруднялись прослѣдить движеніе мысли въ цѣломъ посланіи или даже

въ одной главѣ. Истолкованіе новозавѣтнаго текста отличалось существенными недостатками. Замѣтно было стремленіе толковать то, что понятно и безъ толкованія, отдѣляясь въ то же время лишь общими и пустыми фразами при истолкованіи наиболѣе содержательныхъ и непонятныхъ текстовъ; при томъ общія фразы обнаруживали полное и безпредѣльное господство схоластики въ богословскихъ воззрѣніяхъ питомцевъ духовныхъ семинарій. Наиболѣе неудовлетворительно изъ евангелій толковали нагорную проповѣдь Спасителя (особ. 5 гл. Мѳ.). Изъ посланій по прежнему плохо понимали посланія къ римлянамъ и къ галатамъ, а также и отдѣлъ о духовныхъ дарованіяхъ (1 Кор. гл. 12—14). Не отдавали себѣ отчета въ смыслѣ Мѳ. 24, 23—28 (вол. моск. и виѳ.). При истолкованіи 1 Кор. 12, 13 сбивались даже и лучшіе изъ экзаменовавшихся (присл. кіевск.), тоже и при 1 Кор. 14, 22—24 (вол. симбир.). Въ Рим. 13, 1 не понимали слова „предержащихъ“ (вол. волынск.); сбивало русское „высшихъ“. Былъ неизвѣстенъ смыслъ термина „Сынъ чловѣческій“ (присл. московск.).

Русскія и славянскія надписанія евангелій тоже были непонятны: на вопросъ—что значитъ „отъ Матѳея св. евангеліе“?—отвѣтить не могли (вол. холм.). Особенно было неприятно видѣть, что не отвѣчаютъ на тѣ именно вопросы, которые уже давно разъяснены въ нашей богословской литературѣ авторитетными специалистами. Что студенты семинарій незнакомы съ научными работами, это хоть и печально, но еще извинительно. Но уже едва ли можно счесть нормальнымъ, что научные труды не принимаются во вниманіе и при самомъ семинарскомъ преподаваніи Священнаго Писанія. Какъ нарочно, нѣкоторое знакомство съ научной литературой по Священному Писанію обнаружилъ студентъ нижегородской семинаріи — реалистъ по первоначальному образованію. А въ то же время студенты семинарій не понимали термина „синоптический“ (вол. волынск.). Слѣдуетъ отмѣтить еще, что толкованія нерѣдко были неустойчивы: „да“ и „нѣтъ“, утвержденіе и отрицаніе одного и того же смѣнялись съ поразительнымъ легкомысліемъ. Возможно, что это явленіе зависѣло просто отъ того, что экзаменовавшиеся отвѣчали наугадъ.

Впрочемъ совершенно неудовлетворительныхъ отвѣтовъ

было два: одного московскаго волонтера (балль 2) и волонтера изъ новоузенскаго реальнаго училища (балль 2+). Отвѣты остальныхъ комиссія оцѣнивала сравнительно высокими баллами. Два отвѣта отмѣчено высшимъ балломъ 5 (присл. подольск. и волонт. нижегород.), шесть—балломъ 5—(присл. волын., кievск., моск., пермск. и волонт. симбирск. и смоленск. — свящ.). Хорошихъ балловъ $4\frac{1}{2}$, 4+, 4, 4—) поставлено сорокъ, удовлетворительныхъ ($3\frac{1}{2}$, 3+, 3, 3—)—28. Средній балль всѣхъ экзаменовавшихся—3,8. 18 присланныхъ въ среднемъ выводѣ имѣють 4,236, а 60 волонтеровъ 3,67. Впрочемъ, отвѣты нѣкоторыхъ и присланныхъ были очень плохи (особен. одного изъ московскихъ). Выше средняго въ настоящемъ году были отвѣты священниковъ: 12 духовныхъ лицъ имѣють средній балль 4. Больше всего было представителей московской семинаріи, именно 22; ихъ средній балль 3,444. Семеро виѣанцевъ имѣють 3,857; шестеро владимірскихъ 3,375. Хотя средній балль нынѣшняго года лишь немного ниже прежнихъ лѣтъ ($3\frac{8}{9}$ въ 1911; 3,84 въ 1912 и 3,86 въ 1913), но общее впечатлѣніе значительно не въ пользу настоящаго курса“.

Б) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія по *догматическому богословію*:

„Комиссія, производившая экзаменъ по Догматическому Богословію для поступленія въ Императорскую Московскую Духовную Академію, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія:

Всѣхъ экзаменовавшихся по названному предмету было 77 человекъ. Изъ нихъ двое болгарь, остальные (75)—русскіе. За изъятіемъ 18-ти „присланныхъ“, всѣ другіе (59) представляли собою „волонтеровъ“. Двѣнадцать (12) изъ экзаменовавшихся были въ священномъ санѣ: 11 священниковъ и 1 іеродіаконъ (болгаринъ); прочіе—65 человекъ—свѣтскіе. За исключеніемъ одного реалиста, всѣ—какъ присланные, такъ и волонтеры—являли собою питомцевъ различныхъ духовныхъ семинарій, слѣдовательно, одной и той же духовной школы, и потому, одинаковой приблизительно среды. Болѣе другихъ, по обыкновенію, выставили Московская (22) и Виѣанская (8) семинаріи.

Общее впечатлѣніе отъ данныхъ на экзаменѣ отвѣтовъ удовлетворительное. Не было отвѣтовъ, ни поражавшихъ

глубокимъ знаніемъ, ни полнымъ невѣжествомъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ экзаменовавшіеся могли изложить содержаніе билета по книгѣ, иногда по запискамъ своихъ преподавателей. Основнымъ, „хроническимъ“ недостаткомъ является незнаніе текстовъ и догматическихъ формулъ. Печальное явленіе: современный юноша, питомецъ духовной школы, свободно цитующій свѣтскихъ писателей, не можетъ привести даже такихъ евангельскихъ текстовъ, какъ Ін. XVII, 3, не говоря объ апостольскихъ и пророческихъ изреченіяхъ. Особенную трудность доставляло экзаменовавшимся изложеніе вступительныхъ свѣдѣній, ученія о единствѣ ипостаси при двухъ естествахъ во Христѣ, первосвященническаго служенія, догмата о Церкви и послѣдняго эсхатологическаго отдѣла. Не всегда были удачны отвѣты и на предлагавшіеся экзаменаторами вопросы. Такъ, ученіе о происхожденіи антихриста изъ колѣна Данова отъ жены блудницы отвѣчавшимъ (Виѣ.) было приписано пророку Даниилу. Хожденіе по мытарствамъ Феодоры отождествлено было (Волог.) съ „хожденіемъ по мукамъ“ Богородицы. Достойно замѣчанія, что два москвича—волонтера, отвѣчавшіе о таинствѣ священства, никакъ не могли ориентироваться въ порядкѣ совершенія этого таинства.

Вышіе баллы за осмысленный, полный не только знанія книги, но и болѣе широкой освѣдомленности, отвѣты получили: волынецъ (5), ярославецъ, рязанецъ, курянинъ и подолецъ (5—); всѣ—присланные. Худшія отмѣтки поставлены волонтерамъ семинарій Московской (одному 2+ и тремъ 2^{1/2}), Владимірской, Виѣанской и, къ сожалѣнію, единственному представителю свѣтской школы—реального училища (по 2^{1/2}). Среднія между указанными отмѣтками имѣють:

4 ^{1/2}	пять	человѣкъ.
4+	шесть	„
4	десять	„
4—	десять	„
3 ^{1/2}	десять	„
3+	семь	„
3	десять	„
3—	семь	„

Средній баллъ, полученный на приемномъ экзаменѣ по

Догматическому Богословію, равняется $3\frac{171}{308}$, т. е. немного

болѣе $3\frac{1}{2}$ “.

В) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія *по всеобщей церковной исторіи*:

„На экзаменѣ по общей церковной исторіи предъявлены были требованія, не превышавшія объема семинарской программы и извѣстнаго учебника Евграфъ Смирнова. Наиболѣе твердое и подробное знаніе (говоря, конечно, весьма относительно и не безъ исключеній) экзаменовавшіеся обнаружили въ отдѣлахъ о вселенскихъ соборахъ и объ ересяхъ. Усвоеніе исторіи гоненій на христіанъ, а также патрологическаго отдѣла церковной исторіи (въ особенности же отдѣла о сочиненіяхъ Отцовъ и учителей) слѣдуетъ назвать не твердымъ и сбивчивымъ. Еще болѣе слабые отвѣты экзаменаты давали о различныхъ церковныхъ спорахъ и расколахъ. Совершенно же слабое знаніе—показали въ отдѣлѣ, трактующемъ о взаимоотношеніи между церковію и государствомъ и объ организациі церковнаго управленія. Что же касается той части учебника, гдѣ говорится о распространеніи христіанства, то во многихъ семинаріяхъ ее, очевидно, совершенно опускаютъ, такъ какъ двое изъ подвергнутыхъ испытанію совершенно отказались отвѣчать изъ этого отдѣла. При изученіи исторіи смѣшеніе близкихъ хронологическихъ датъ, аналогичныхъ событій, сходныхъ лицъ и названій должны быть названы обычными, естественными дефектами человѣческой памяти. Всѣ эти дефекты были на лицо, конечно, и теперь. Но совершенно неизвинительны для претендующихъ на поступленіе въ высшую богословскую школу такія грубыя и странныя ошибки, когда Григорія Нисскаго относятъ, напримѣръ, ко II-му вѣку, Кипріяна Карфагенскаго къ IV-V вѣку, а блаженнаго Іеронима помѣщаютъ въ VIII вѣкѣ, когда экзаменаты не можетъ назвать важнѣйшаго сочиненія Иринея Ліонскаго или Аванасію Великому и Іоанну Златоусту приписываетъ противоманихейскія сочиненія. Все это комиссія констатировала въ отвѣтахъ нѣкоторыхъ лицъ, каковы волонтеры семинарій: Московской, То-

больской, Визанской, Волынской и др. Нѣкоторые вопросы, предложенные экзаменовавшимся, имѣли цѣлью обнаружить у нихъ хотя нѣкоторую самую элементарную освѣдомленность съ твореніями Отцовъ Церкви. Но отвѣты даже наиболѣе даровитыхъ экзаменатовъ не обнаружили въ нихъ желаемого интереса къ патрологической литературѣ и хотя бы общаго, но непосредственнаго знакомства съ важнѣйшими ея представителями. При всемъ томъ наиболѣе основательно подготовившимися оказались присланные ученики семинарій. Изъ 18 таковыхъ десять получили высшій баллъ (5,5—), шесть—очень хорошій (отъ 4^{1/2} до 4—) и только два (присланный Визанской семинаріи и одинъ изъ присланныхъ Московской семинаріи) — удовлетворительный баллъ (первый 3+ и второй 3). Далѣе духовныя лица въ большинствѣ случаевъ также обнаружили добросовѣстность въ подготовкѣ. Изъ 12-ти таковыхъ (11 священниковъ и одинъ іеродіаконъ—болгарскій уроженецъ) девять получили очень высокіе баллы (не менѣе 4—), а два изъ нихъ (священники Подольской и Рязанской епархій)—даже полный баллъ (5). Кромѣ того, хорошіе отвѣты слѣдуетъ отмѣтить у двухъ волонтеровъ Московской семинаріи, двухъ волонтеровъ Полтавской семинаріи и волонтеровъ семинарій: Подольской, Олонецкой, Рязанской и Симбирской.—Всѣ эти лица получили баллъ 5 или 5—. Наиболѣе слабые отвѣты, отмѣченные неудовлетворительными баллами (2^{1/2}, 2+, 2 и 1), принадлежали шести лицамъ: волонтеру Новоузенскаго реальнаго училища, тремъ волонтерамъ Московской семинаріи, священнику-волонтеру Костромской семинаріи и волонтеру Волынской семинаріи. При общемъ количествѣ всѣхъ экзаменатовъ въ 77 человекъ среднимъ экзаменаціоннымъ балломъ по общей церковной исторіи въ нынѣшнемъ учебномъ году является довольно высокій—около 4,03“.

Г) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія по *греческому языку*:

„73 студента Духовныхъ Семинарій на экзаменѣ по греческому языку отвѣчали вяло, блѣдно, нетвердо. Очень не-

ярко, невыразительно впечатлѣніе отъ ихъ познаній. Знакомый имъ текстъ посланій — второго къ Коринѳянамъ и къ Евреямъ экзаменовавшіеся переводить не затруднялись, но дальше — въ разборѣ этимологическомъ, синтаксическомъ, въ выясненіи значеній словъ оказывались слабыми. Есть основанія полагать, что подвергавшіеся испытанію подготовились нарочито къ экзамену, но познаній основательныхъ, цѣльныхъ и твердыхъ почти никто изъ нихъ не обнаружилъ. Коммиссія оцѣнила:

2	отв. балломъ	5—,
2	”	”
4 ^{1/2} ,		
8	”	”
±±,		
12	”	”
4,		
14	”	”
4—,		
19	”	”
3 ^{1/2} ,		
9	”	”
±±,		
7	”	”
3.		

Такъ, нѣтъ ни одного неудовлетворительнаго балла; ни одного также отвѣта коммиссія не могла оцѣнить полнымъ балломъ.

Коммиссія считаетъ долгомъ указать наиболѣе характерныя ошибки и недочеты въ отвѣтахъ экзаменовавшихся. Довольно многіе или крайне нетвердо знаютъ, или совсѣмъ не знаютъ формъ отъ столь употребительныхъ глаголовъ, какъ *ὄραω*, *βάλλω*, *ἔρχομαι*, *φέρω*, *πίνω*. Одинъ изъ экзаменовавшихся *ἀπέθανον* производилъ отъ *φαίνω*, другой *θέμενος* отъ *φημί*. Причастіе *ὄν* смѣшивали съ мѣстоименіемъ *ὄν*. Даже и правильныя грамматическія формы вызывали недоумѣнія. Одинъ не могъ отличить *τίς* вопросит. отъ неопред.; другой слово *πεποιθήσει* пытался разобрать, какъ глагольную форму; довольно многіе затруднялись образовать формы плавныхъ глаголовъ; аористъ II нѣкоторые смѣшивали съ I; одинъ не смогъ разобрать *ἀνεστράφημεν*, двое отъ *κράζω* произвели аористъ I *ἔκρασα*. Затруднялись разбираться въ простѣйшихъ случаяхъ словообразованія (*ἀπόστολος*, *ἐπιστολή*). Нѣкоторымъ оказались неизвѣстными значенія словъ: *διαθήκη*, *κατὸς*, *ἔμαρτία*, *παράδεισος*, *ὄσιος*. Что касается до знанія синтаксиса, то и здѣсь на ряду съ отвѣтами, обнаруживавшими знаніе, приходилось выслушивать очень неудачныя. Очень сбивчиво, по болѣе части наугадъ, экзаменовавшіеся

отвѣчали о предлогахъ. Одинъ не смогъ объяснить столь простѣйшаго сочетанія, какъ τὰ ὑμῶν.—

Коммиссія предлагала экзаменовавшимся въ заключеніе отвѣтовъ переводить письменно небольшіе отрывки церковныхъ молитвословіи и пѣснопѣній съ славянскаго на греческій языкъ. Хотя выбрано было для перевода то, что не должно бы представлять затрудненія: слова—самыя употребительныя и самая конструкція — греческая, но писавшіе словъ часто не знали и очень много дѣлали ошибокъ. Разстановку придыханій и удареній, въ особенности когда привходятъ такъ наз. энклитическія слова, студенты экзаменовавшіеся довольно основательно забыли. Слово ἅγιος упорно писали съ тонкимъ придыханіемъ. Изъ всѣхъ этихъ письменныхъ упражненій можно привести нѣкоторыя—съ сохраненіемъ орфографіи. Они характерны для показанія общаго впечатлѣнія и въ комментаріяхъ не нуждаются. „Слава Святѣй, и Единосущѣй, и Животворящей и Нераздѣльнѣй Троицѣ“—*Δόξα τῇ ἁγίῃ καὶ ὁμοουσίᾳ καὶ ζωοποιῇ καὶ ἀδιαίρετῃ Τριάδι.* „Святѣй, посѣти и исцѣли немощи наша“—*Ὁ Ἅγιος ἐλέησον καὶ ἰάσον τὰς νῆσας ἡμῶν.* „Придите, поклонимся и припадемъ Христу Цареву нашему Богу“—*Λεῖτε προσκυνήσομεν, καὶ προσκλισώμεν τῷ Χριστῷ Βασιλεῖ ἡμετέρῳ Θεῷ.* „Поклонимся Отцу и Его Сынови и Святому Духу, Святѣй Троицѣ, во единѣмъ существѣ“—*Προσκυνήσομεθα τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ Ἀυτοῦ καὶ Ἅγιῳ Πνεύματι, Ἅγιῳ Τριάδι ἐν μονῇ οὐσίᾳ.* „Хвалимъ, благословимъ, поклоняемся Господеву“—*Λίδωμεν τὴν δόξαν εὐλογοῦμεν, προσκυνήσομεν τῷ Κυριῷ.* „Хвалите Его вси Ангели Его, хвалите Его вся Силы Его. Тебѣ подобаетъ пѣснь Богу“—*Ἀνεῖτο ἐμοῦ παντες οἱ Ἄγγελοι, αἰνεῖτο πασα δυνατοι ἐμοῦ. Σε πρεπει ὁ ψαλμος τῷ Θεῷ.* „Блажени чистѣи сердцемъ яко тѣи Бога узрять“—*Μακάριοι ἐστι καθαροὶ τῇ καρδίᾳ, οἳ οὕτοι τὸν Θεὸν ὁμοιοῦσι.* „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“—*ὠρασώμεθα φῶς...* (послѣ очень долгихъ размышленій это написано). „Возлюбимъ другъ друга да единомыслиемъ исповѣмъ“—*συναγαλήσομεν φιλαδελφός τὸν φιλαδελφόν ἐν ὁμονίᾳ ὁμολογήσομεν.* „Примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ“—*Εἴλατε, ἐσθίετε τοῦτο σῶμα μου κλαίμενον τῶν ἁμαρτιῶν* (писалось оч. долго). „Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояніе Твое“—*σωζε, ο θεῶς, τοῦς ἀνθρώπους σου καὶ εὐλόγει τὸ κληρονομίαν σου.* „Положи,

Господи, храненіе устомъ моимъ“ — *Θῆσον, Κύριε φυλακίαν στόματι ἡμῶν*. „Все упованіе мое на Тя возлагаю“... *Πίσαν ἐλπίδαν ἐπι σέ τίθῃμι*“... „Господи Боже нашъ, славою и че- стію вѣнчайя“ — *Κύριε, Θεὸς ἡμῶν, δόξα καὶ τιμὴ στεφανοῦ ἡμας*. „Тебѣ“ одинъ изъ писавшихъ изобразилъ чрезъ *Zú*...

Въ прошломъ году общій уровень познаній экзаменовавшихся былъ немного выше, чѣмъ въ нынѣшнемъ: средній баллъ прошлаго года—3, 8, средній баллъ нынѣшняго года—3, 7. (Присланные незначительно лучше волонтеровъ: средній баллъ присланныхъ 3, 9, волонтеровъ въ священномъ санѣ—3, 6, волонтеровъ свѣтскихъ—3, 64; два балла 5—принадлежатъ волонтерамъ—Олонецкой семинаріи и Подольской 1893 г., священнику). Все-таки справедливость требуетъ отмѣтить, что если на этотъ разъ не было значительнаго количества повышающихъ общее впечатлѣніе хорошихъ отвѣтовъ, за то не было и столь плохихъ, какъ въ прошломъ году. Можно признать, что экзаменовавшіеся проявили усердіе: замѣтно, что они „подтянулись“ къ экзамену, и это тѣмъ болѣе, что въ предѣлахъ поставленныхъ умѣренныхъ рамокъ комиссія была требовательной“.

Д) Донесеніе комисіи, разсматривавшей сочиненія по *Священному Писанію Ветхаго Завета*:

„Данною темою: „Ветхій Заветъ въ молитвословіяхъ и пѣснопѣніяхъ православной Церкви“ требовалось разъяснить, какое вліяніе оказалъ Ветхій Заветъ на содержаніе и самый языкъ молитвословій и пѣснопѣній, составленныхъ въ христіанское время и принятыхъ Церковью для общественнаго и домашняго употребленія. Большинство писавшихъ эта тема произвольно расширена, и вниманіе ихъ сосредоточено было, главнымъ образомъ, на употребленіи отдѣловъ изъ ветхозавѣтнаго Писанія въ православномъ богослуженіи (каѳизмы, париміи, шестопсалміе и пр.). Многіе, уклоняясь въ область литургики, подробно излагали чинъ вечерни и, отчасти, утрени; другіе удѣляли много вниманія вопросамъ объ отношеніи ветхаго завета къ новому, о состояніи подзаконнаго человѣка и др. Были такіе, которые писали на тему: „Ветхій Заветъ по молитвословіямъ и пѣснопѣніямъ православной Церкви“; для нихъ исходною точкою служило

выраженіе догматика: „прейде сѣнь законная...“ Одинъ авторъ (присл. Подол. с.) нашель умѣстнымъ говорить въ своемъ сочиненіи о внутреннемъ устройствѣ христіанскихъ храмовъ. По большей части, писали или совсѣмъ не на тему или о томъ, что имѣеть къ темѣ очень отдаленное отношеніе. Волонтеръ Виѣанской семинаріи начинается свое сочиненіе съ упоминанія о сотвореніи міра и человѣка; говорить о жизни первыхъ людей въ раю; сообщаетъ, что „Богъ далъ имъ заповѣдь, которой запрещалось вкушать плоды съ одного дерева—„древа познанія добра и зла“ и т. д. Приблизительно такъ же, но совсѣмъ другимъ языкомъ начинается свое сочиненіе присланный Московск. сем., у котораго читаемъ: „первые дни существованія міра, когда безформенныя, газообразныя массы формировались творческимъ глаголомъ Бога въ небо, землю, когда засіялъ первый лучъ солнца...—все это церковь изображаетъ въ предначинательномъ псалмѣ... Вспоминаетъ церковь и моментъ міровой трагедіи, когда палъ человѣкъ... Но съ особеннымъ вниманіемъ церковь останавливается на изображеніи подзаконнаго человѣка и состоянія его душевныхъ силъ“... У волонтера, не получившаго семинарскаго образованія, читаемъ: „пробудившись къ сознательной жизни, человѣкъ ищетъ отвѣты на тѣ вопросы, которые волнуютъ его мысль... Величайшіе люди всѣхъ временъ пытались объединить эти вопросы, опредѣленно формулировать ихъ и разрѣшить... Такъ создавались философскія системы, такъ появлялись новыя религіи...“ и далѣе въ томъ же духѣ. Волонтеръ Московской сем. въ самомъ началѣ сочиненія находитъ необходимымъ „установить, что нужно понимать, съ одной стороны, подъ Вѣтхимъ Завѣтомъ, а съ другой подъ молитвословіями и пѣснопѣніями“; но послѣ этого многообщающаго начала авторъ въ своемъ сочиненіи говоритъ, главнымъ образомъ, объ употребленіи Псалтири въ православномъ богослуженіи.—Вообще можно сказать, что только въ видѣ исключенія встрѣчаются намеки на правильное пониманіе темы. Даже и лучшія изъ представленныхъ работъ исчерпывающаго отвѣта на поставленный вопросъ не даютъ. Но и независимо отъ этого, всѣ почти сочиненія страдаютъ отсутствіемъ точно выработаннаго плана и послѣдовательности въ развитіи мыслей.

Что касается изложения, то среди сочинений, вообще не отличающихся изяществомъ стиля, нѣкоторыя поражаютъ читателя необыкновенною высокопарностью и обиліемъ громкихъ фразъ, которыми авторы пытались замаскировать безсодержательность своихъ работъ. Начало сочиненія волонтера Волынск. сем. таково: „въ силу основного положенія социальной бюократіи Богоизбраннаго еврейскаго народа—каждое государственное и политическое явленіе въ его культурно-исторической жизни необходимо нужно разсматривать, какъ внѣшнюю продуктивную формулировку такого или иного (принятаго евреями) религіозно - нравственнаго принципа“. Въ томъ же сочиненіи нѣсколько далѣе встрѣчаемъ слѣдующія строки: „...всякій тео-моралистическій принципъ шель... впереди факта и теоретически, такъ сказать,—de jure,—опредѣлялъ и оформлялъ собою этотъ фактъ“... Присланный Подольской сем. въ началѣ своей работы пишетъ: „величественное, вдохновенное и прекрасное христіанское богослуженіе, священная лирика котораго такъ мощно дѣйствуетъ на религіозно-настроенную душу и которымъ такъ восхищаются иностранцы, представляетъ собою, можно сказать, идеальное выраженіе сущности христіанской религіи, ея природы, ея характера“. Въ сочиненіи волонтера Вологодск. сем. встрѣчаемъ періодъ, который, начинаясь въ концѣ первой страницы, кончается далеко не въ самомъ верху третьей. Въ этомъ же сочиненіи употреблены выраженія: „лейтъ-мотивъ“ (стр. 4) и „до здѣ“ (стр. 5), заимствованныя авторомъ изъ совершенно разнородныхъ источниковъ, но одинаково неумѣстныя въ письменной работѣ на пріемныхъ испытаніяхъ.

Въ частности, можно отмѣтить небрежность и невнимательность многихъ авторовъ при цитации текстовъ Писанія и вообще при ссылкахъ на него. Волонтеръ Московск. сем. влагааетъ въ уста Спасителя слѣдующія слова: „Мною законъ и пророцы висятъ“; по замѣчанію волонтера Волынск. сем., „Ветхій Заветъ называется въ Священномъ Писаніи „сѣнью грядущихъ благъ“ и „зерцаломъ гаданія“; онъ же пишетъ: „Православная Церковь заимствовала изъ Ветхаго Завета въ Свое Церковно-общественное Богослуженіе „вся, яже къ назиданію, животу и благочестію“; у волонтера Костр. сем. читаемъ: „законъ былъ для насъ путеводителемъ ко Христу

Гал. III, 24". Волонтеръ Симб. сем. пишетъ: „въ молитвословіяхъ... тайства брака испрашивается брачующимся чадородіе, на подобіе чадородія Іакова и Ревекки“; по мнѣнію волонтера Кишин. сем., Самуиль былъ первосвященникомъ.

Замѣчено въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ подобное же отношеніе къ церковному уставу и богослужебнымъ книгамъ. По замѣчанію одного изъ волонтеровъ Московск. сем., утреннее богослуженіе оканчивается чтеніемъ только псалма 100-го; онъ же полагаетъ, что въ составъ шестопсалмія входятъ псалмы 6 и 77. По мнѣнію другого волонтера Московск. сем., вторая пѣснь канона составляется „по образцу обличительной пѣсни Моисея (Втор. 17 гл.)“; вызываетъ невольное недоумѣніе въ сочиненіи волонтера Московской же семинаріи слѣдующая фраза: „особенно ясно Ветхій Завѣтъ отпечатлѣлся въ всѣхъ 6-ти пѣсняхъ канона“. Воспитанникъ Софійской духовной семинаріи (болгарскій уроженецъ), говоря о содержаніи пѣсней канона, упоминаетъ и о пророкѣ Или, на ряду съ пророками Аввакумомъ и Іоною, при чемъ полагаетъ, что событіе изъ жизни послѣдняго, имѣвшее прообразовательное значеніе, составляетъ предметъ содержанія седьмой пѣсни. Волонтеръ Московской семинаріи заканчиваетъ свое сочиненіе сообщеніемъ, что „на отпѣваніи „непорочны“ берутся изъ 102 псалма“; у него же сказано, что „на полунощницѣ, утрени, вечерни, повечеріи, часахъ читаются предначинательные псалмы“. Молитвы, читаемыя священникомъ при чтеніи или пѣніи псалма: „Благослови душе моя Господа“, присланный Владим. сем. называетъ „свѣтильными“, а волонтеръ Виѣанской сем. (священникъ) — „святилическими“.

Нѣкоторые изъ писавшихъ обнаружили недостаточное знакомство съ славянскимъ языкомъ: напр., волонтеръ Московск. сем. въ началѣ сочиненія пишетъ: „Ветхій Завѣтъ, *какъ „стънъ бо имый грядущихъ благъ“* (Евр. X, 1) долженъ былъ уступить мѣсто Новому Завѣту“; а волонтеръ Костромск. семинаріи, цитую 1 Кор. X, 11, употребляетъ такое выраженіе: „святые Апостолы учили..., что всѣ ветхозавѣтные прообразы *писана быша въ наученіе наше*“.

Лучшія сочиненія принадлежатъ волонтерамъ: Олонецк. сем. (5), Симбирск. (5—) Подольск. (4^{1/2}), Смол. (4+), Кишиневск.

(4) и тремъ—Московской сем. (по 4). Изъ присланныхъ лучшую, сравнительно, работу представилъ студентъ Московской семинаріи, получившій баллъ 4—; тотъ же баллъ имѣютъ два волонтера—Владим. и Рязанск. сем. Изъ 79 разсмотрѣнныхъ сочиненій неудовлетворительнымъ балломъ отмѣчены десять“.

Е) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей сочиненія по *систематической философіи*:

„Тема по систематической философіи, предложенная въ текущемъ году воспитанникамъ семинарій и другимъ лицамъ, державшимъ приемныя испытанія въ Академію, формулировалась такъ: „позитивизмъ, какъ философская доктрина и какъ жизненное явленіе“. Такимъ расчлененіемъ имѣлось въ виду подчеркнуть идеологическій характеръ темы и предотвратить искушеніе разсматривать вопросъ исторически и монографически, что не входитъ въ задачи „систематической философіи“. Однако, случилось какъ разъ обратное: позитивизмъ, „какъ жизненное явленіе“, не только не отгѣнилъ первую теоретическую половину вопроса и не придалъ ей чисто-систематическаго характера, но, будучи самъ понятъ исторически и внѣшне, окрасилъ въ соотвѣтствующій цвѣтъ и „доктрину“ позитивизма, которая оказалась ничѣмъ инымъ, какъ ученіемъ „извѣстнаго французскаго философа Огюста Конта, жившаго тогда-то, писавшаго такія-то произведенія и т. д., и т. д.“. Правда, критика, слѣдовавшая непосредственно за историческимъ введеніемъ, обычно имѣла дѣло уже съ позитивизмомъ вообще, но это „вообще“ являлось какъ то неожиданно и обусловливалось, повидимому, тоже чисто „историческимъ“ и внѣшнимъ переходомъ отъ уже исчерпанной, въ извѣстномъ пунктѣ, „Исторіи философіи“—Страхова къ имѣющимъ быть исчерпаннымъ, въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ, „Начальнымъ основаніямъ философіи“—Кудрявцева. Самостоятельное творчество начиналось лишь съ размышленія надъ понятіемъ „жизненное явленіе“, но и здѣсь, какъ сказано, вмѣсто принципіальнаго рѣшенія вопроса съ точки зрѣнія метафизической, являлись на сцену социализмъ, анархизмъ, безнравственность и под., въ качествѣ примѣровъ практическаго проведенія въ жизнь ученія Конта, какъ будто до Конта

свѣтъ никогда ничего подобнаго не видѣлъ, и какъ будто эти жизненныя явленія строго соотносительны съ чистой теоріей позитивизма. Въ такомъ направленіи исполнено подавляющее большинство работъ, и, такимъ образомъ, въ смыслѣ точнаго отвѣта на поставленный вопросъ, они не удовлетворительны, но, съ другой стороны, принимая во вниманіе сжатость формулировки темы и нѣкоторую неясность понятія „явленія“, хотя и опредѣленнаго ближе, какъ „жизненное“, но все же достаточно широкаго и допускающаго различныя истолкованія, комиссія не нашла возможнымъ ставить это невѣрное истолкованіе въ упрекъ писавшимъ, объясняя это и еще тѣмъ, что при понятномъ экзаменаціонномъ волненіи мысль писавшихъ искала не столько темы, какъ таковой, сколько знакомаго въ ней и легко могла ассоціировать отъ позитивизма, и какъ доктрины и какъ жизненнаго явленія, къ главѣ: „позитивизмъ просто“ въ соответствующемъ семинарскомъ учебникѣ. Ассоціація эта удалась вполнѣ, и комиссіи пришлось имѣть дѣло съ достаточно толковыми и подробными отвѣтами на вопросъ: что такое позитивизмъ, какъ извѣстное философское ученіе, и что можно, до нѣкоторой степени, считать жизненно-практическимъ его выраженіемъ. На тему, формулированную подобнымъ образомъ, отвѣтъ данъ, какъ сказано, вполнѣ удовлетворительный, и этимъ объясняется преобладаніе въ спискѣ среднихъ оцѣнокъ (отъ 3—4). Баллами ниже 3-хъ отмѣчены нѣсколько работъ, являющихся *дословной* копіей соответствующихъ отдѣловъ изъ указанныхъ учебниковъ, съ добавленіемъ небольшой статьи „Контъ“ изъ „философскаго словаря“ Радлова, и одна работа, написанная на тему по собственному выбору и не имѣющую никакого отношенія къ заданной. Балломъ выше 4-хъ отмѣчены: три вдумчивыхъ и сравнительно оригинальныхъ работы (волонтеры Рязанск., Виѣанск. и Холмск. семинарій), одно серьезное и большое сочиненіе (вол. Костромск. сем.), одно, обнаруживающее въ авторѣ хорошую освѣдомленность въ исторіи философіи (вол. Нижегород. сем.) и два не лишеныя таланта и тоже показывающихъ хорошую общую начитанность, хотя и не систематическую (вол. Олонецк. и присл. Кіевск. семинарій). Но, въ цѣломъ, несмотря на преобладаніе балловъ среднихъ и даже хорошихъ, общее впечатлѣніе отъ работъ однооб-

разное и скучное, главнымъ образомъ благодаря рабской зависимости писавшихъ отъ принятаго руководства, усвоеннаго притомъ чисто механически. Разбивается позитивизмъ по всѣмъ правиламъ средневѣковой діалектики, но это не мѣшаетъ ему въ заключеніяхъ, въ отдѣлѣ розовыхъ надеждъ, вновь возвращать себѣ поколебленный тронъ и всѣ утраченныя права. Безусловность научнаго прогресса, чудеса техники, грядущее торжество мира и альтруизма, постепенное углубленіе въ познаніе сущности вещей, Богъ, какъ регуляторъ внѣшнихъ человѣческихъ отношеній и *conditio sine qua* по исполняемости нравственныхъ обязанностей,—таковы перспективы, открывающіяся взору большинства побѣдителей позитивизма и какъ доктрины и какъ жизненнаго явленія.

Lapsus'y сравнительно немногочисленны: „нѣмецкій философъ Контъ“, „эмпириокритицизмъ Канта“, „мирныя вещи“, „вѣчное безсмертіе“, „яркое знамя“, „въ настоящее время, когда, какъ говорятъ, Бога нѣтъ“, „на биржѣ человѣческой мысли“, доказывать прогрессъ значить дуть на холодное“, „отрицаніе прогресса противорѣчитъ закону эволюціи“, „опускающая въ муть позитивнаго теченія термометръ здоровой христіанской морали, мы получаемъ неутѣшительные результаты“, „наше познаніе относительно (скажу словами одного чеховскаго героя)“. Грамматика:—„эмперическій“ (у 10% пишущихъ), „филосовскіе вопросы“ (нерѣдко), „арелигіозность“, „телеологія“—вмѣсто „теологія“, „душу же свою оцетить“ и под.“.

Ж) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей *поученія*:

„Экзаменуящимся предложено было написать поученіе на текстъ кн. Дѣяній X, 35: блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати. Представленныя работы обнаружили поразительную скудость мысли, ненаблюдавшуюся въ такой степени въ предшествовавшіе годы. Гомилетическіе приемы и принципы писавшимъ какъ будто вовсе незнакомы. Прежде всего поражаетъ полное неумѣнье обращаться съ текстомъ. Тогда какъ въ текстѣ очевидное противопоставленіе „даянія и пріятія“ какъ религіозно-нравственныхъ психологическихъ состояній, наши авторы первой своей задачей поставили—обезцвѣтить текстъ; для этого они обрубили текстъ на половину,

представивъ его какъ общее правило: должно подавать. Обобщивъ такъ данный текстъ, они оказались не въ состояніи подвести его подъ какую-либо опредѣленную тему; почти всѣ работы не имѣютъ никакой темы; все содержаніе проповѣдей сводится къ простому перечисленію категорій людей, которымъ слѣдуетъ давать. Особенно много вниманія удѣлялось раненымъ, при чемъ присоединялись мало подходившія разсужденія о войнѣ. Работы получились такія, что, строго говоря, приблизительно $\frac{2}{3}$ ихъ числа слѣдовало бы отмѣтить неудовлетворительными баллами. При сильномъ снисхожденіи комиссія нашла необходимымъ отмѣтить неудовлетворительными баллами около 20, при чемъ въ этомъ числѣ оказались и работы студентовъ, рекомендованныхъ семинаріями. Вполнѣ удовлетворительныхъ работъ едва можно насчитать десятокъ; вполнѣ хорошихъ—только одна, принадлежащая волонтеру Олонецкой семинаріи. Семинаріямъ слѣдовало бы обратить самое серьезное вниманіе на улучшеніе постановки гомилетическихъ работъ“.

ж) Представленные экзаменаціонными комиссіями списки упомянутыхъ лицъ съ обозначеніемъ балловъ, полученныхъ ими на письменныхъ и устныхъ повѣрочныхъ испытаніяхъ, и общую таблицу сихъ балловъ, составленную секретаремъ Совѣта по окончаніи испытаній.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—*а) § 136:* „Пріемъ студентовъ въ Академію производится одинъ разъ въ году, предъ началомъ учебныхъ занятій“; *б) § 137:* „Къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академію допускаются: 1) окончившіе курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ по первому разряду—*а)* рекомендованные семинарскимъ правленіемъ и посылаемые на синодальныя средства и *б)* прибывающіе въ Академію на собственныя средства, но съ вѣдома и одобренія семинарскаго начальства, и 2) имѣющіе гимназическіе аттестаты зрѣлости и окончившіе курсъ военныхъ училищъ“; *в) § 139:* „Женатыя въ студенты Академіи не принимаются. Исключеніе изъ этого правила допускается для всѣхъ Академій, кромѣ С.-Петербургской, съ особаго каждаго разъ разрѣшенія Св. Синода для лицъ изъ бѣлаго духовенства, если они удовлетворяютъ требованіямъ §§ 137 и 141“;

2) § 141: „Изъ числа подвергавшихся повѣрочнымъ испытаніямъ могутъ быть приняты въ Академію только тѣ, кто выдержалъ оныя успѣшно“; 3) § 144: „Своекоштные студенты обязаны жить въ Академіи въ качествѣ пансіонеровъ или полупансіонеровъ. Число ихъ въ каждомъ учебномъ году опредѣляется вмѣстимостью академическихъ зданій. *Примѣчаніе.* Въ Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ постоянное пребываніе въ академическомъ городѣ, за исключеніемъ лицъ, упомянутыхъ въ примѣчаніи 1 къ § 137“.—2) Указомъ Св. Синода отъ 9-го августа 1911 года за № 10593 постановлено было: „Въ разъясненіе § 144 (по новой нумераціи 141-го) Уст. дух. акад., по которому изъ числа подвергавшихся повѣрочнымъ испытаніямъ могутъ быть приняты въ Академію только тѣ, кто выдержалъ оныя успѣшно, установить слѣдующія правила: 1) въ Академію принимаются получившіе по всѣмъ устнымъ испытаніямъ и сочиненіямъ не менѣе трехъ; 2) могутъ быть, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, зачисляемы въ студенты Академіи получившіе неудовлетворительный баллъ не ниже 2 по одному изъ предметовъ устнаго испытанія, если они имѣютъ баллъ по каждому сочиненію не менѣе 3 и средній баллъ по всѣмъ устнымъ отвѣтамъ и сочиненіямъ не менѣе $3\frac{3}{4}$ и 3) получившіе на приѣмныхъ испытаніяхъ двѣ двойки или одну единицу не могутъ быть принимаемы въ Академію“. — 4) По § 109, лит. б. п. 6, академическаго устава „зачисленіе въ студенты Академіи послѣ экзаменовъ“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) По вниманію къ достоинству устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ лицами, державшими повѣрочныя испытанія для поступленія въ составъ новаго (LXXIII) академическаго курса,—ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять въ число студентовъ I курса Академіи:

1. Никонова Александра, волонтера изъ Олонецкой сем.
- Расторгуева Андрея, вол. изъ Симбирской сем.
- Гладкова Василия, вол. изъ Нижегородской сем.
- Свящ. Залевского Николая, вол. изъ Подольской сем.

5. Донца Илью, присланнаго изъ Кіевской сем.
Стефановича Антонія, присл. изъ Подольской сем.
Шамилова Филиппа, вол. изъ Холмской сем.
Соколова Николая, присл. изъ Московской сем.
Калиновича Александра, присл. изъ Волынской сем.
10. Мизерова Дмитрія, присл. изъ Ярославской сем.
Трубачева Зосиму, присл. изъ Вологодской сем.
Свящ. Стрекалова Николая, волонт. изъ Рязанской сем.
Свящ. Теологова Василия, вол. изъ Рязанской сем.
Свящ. Введенскаго Дмитрія, вол. изъ Виѣанской сем.
15. Свящ. Майорова Константина, вол. изъ Смоленской сем.
Побѣдинскаго Василия, присл. изъ Рязанской сем.
Ареѣева Бориса, присл. изъ Пермской сем.
Кораблева Константина, вол. изъ Костромской сем.
Шувалова Павла, вол. изъ Московской сем.
20. Сергѣева Григорія, присл. изъ Курской сем.
Свящ. Поликарпова Валентина, вол. изъ Харьковской семин.
Базилевскаго Николая, присл. изъ Полтавской сем.
Орлова Сергѣя, присл. изъ Архангельской сем.
Вишнякова Павла, вол. изъ Моск. сем.
25. Пинкевича Петра, присл. изъ Минск. сем.
Окунева Тихона, вол. изъ Рязан. сем.
Воздвиженскаго Дмитрія, присл. изъ Виѣан. сем.
Введенскаго Николая, вол. изъ Моск. сем.
Розанова Ивана, вол. изъ Виѣан. сем.
30. Воскресенскаго Владиміра, вол. изъ Моск. сем.
Доброва Петра, присл. изъ Моск. сем.
Забарнаго Петра, вол. изъ Полтав. сем.
Гражданскаго Сергѣя, присл. изъ Орлов. сем.
Бѣлтова Николая, вол. изъ Владим. сем.
35. Ивановскаго Николая, вол. изъ Симб. сем.
Вижевскаго Дмитрія, вол. изъ Волын. сем.
Ильинскаго Николая, вол. изъ Влад. сем.
Иванова Павла, вол. изъ Вологод. сем.
Свящ. Розова Константина, вол. изъ Яросл. сем.
40. Смирнова Василия, вол. изъ Виѣан. сем.
Смирнова Михаила, вол. изъ Виѣан. сем.
Уметскаго Александра, присл. изъ Тамб. сем.
Свящ. Киселева Пимена, вол. изъ Влад.-Впѣ. сем.

- Лебедева Виктора, вол. изъ Моск. сем.
45. Одинцова Алексѣя, присл. изъ Твер. сем.
 Милославскаго Александра, вол. изъ Виѣан. сем.
 Свящ. Кораблева Павла, вол. изъ Костр. сем.
 Рожкова Сергѣя, вол. изъ Холм. сем.
 Алентова Николая, вол. изъ Вологод. сем.
50. Никитскаго Павла, вол. изъ Моск. сем.
 Малинкова Ивана, болг., вол. изъ Софійск. сем.
 Копылова Евгенія, вол. изъ Тобол. сем.
 Свящ. Порубина Михаила, вол. изъ Кишинев. сем.
 Щеглова Виктора, вол. изъ Моск. сем.
55. Иванова Михаила, вол. изъ Полт. сем.,

причемъ, согласно § 139 академическаго устава, о принятіи имѣющихъ женъ священниковъ: Николая *Залевскаго*, Николая *Стрекалова*, Василия *Теологова*, Дмитрія *Введенскаго*, Константина *Майорова*, Валентина *Поликарпова*, Константина *Розова*, Пимена *Киселева*, Павла *Кораблева* и Михаила *Порубина*, съ дозволеніемъ имъ проживать съ семействами на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ Посадѣ,—представить установленнымъ порядкомъ на утвержденіе Святѣйшаго Синода, съ приложеніемъ требуемыхъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 24 сентября 1913 года за № 15278 подробныхъ свѣдѣній объ ихъ семейномъ положеніи.

2) Остальнымъ лицамъ, державшимъ повѣрочныя испытанія: *Вознесенскому* Павлу (вол. Моск. сем.), *Архангельскому* Павлу (вол. Моск. сем.), *Покровскому* Сергѣю (вол. Моск. с.), *Островскому* Дмитрію (вол. Влад. с.), *Протопопову* Александру (вол. Моск. с.), *Магницкому* Николаю (присл. Влад. с.), *Никольскому* Борису (вол. Моск. с.), *Никанорову* Анатолю (вол. Орлов. с.), *Покровскому* Николаю (вол. Моск. с.), свящ. *Розову* Сергію (вол. Костр. с.), іеродіакону Гавріилу (*Мануилу*), болгар. уроженцу (вол. Константиноп. с.), *Сахарову* Алексѣю (вол. Моск. с.), *Соколову* Александру (вол. Моск. с.), *Сидикову* Николаю (вол. Влад. с.), *Соколову* Александру (вол. Виѣан. с.), *Сухозанету* Павлу (вол. Волын. с.), *Благовѣщенскому* Алексѣю (вол. Моск. с.), *Введенскому* Владиміру (вол. Моск. с.) и *Маценко* Максиму (вол. Новоузен. реальн. уч.),—получившимъ на испытанія по одному (на письменныхъ

испытаніяхъ или на устныхъ—при среднемъ баллѣ ниже $3\frac{3}{4}$), по два и болѣе неудовлетворительныхъ балла,—отказать въ приемъ по недостаточной подготовленности ихъ къ слушанію академическихъ лекцій.

3) За исключеніемъ вышеупомянутыхъ (п. 1 опредѣленія) десяти семейныхъ священниковъ и студента *Розанова* Ивана, родители котораго имѣютъ постоянное жительство въ Сергѣевскомъ Посадѣ,—всѣхъ остальныхъ студентовъ, принятыхъ въ составъ I курса, помѣстить въ зданіяхъ Академіи.

4) По утвержденіи журнала настоящаго собранія Его Высокопреосвященствомъ, — представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія о составѣ новаго академическаго курса съ приложеніемъ: а) списка студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, державшихъ повѣрочныя испытанія для поступленія въ Академію, съ обозначеніемъ достоинства ихъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, и б) копій донесеній экзаменаціонныхъ комиссій.

5) Документы рекомендованнаго Правленіемъ Владимірской семинаріи студента *Магницкаго Николая*, получившаго одинъ неудовлетворительный баллъ ($2\frac{1}{2}$) на письменномъ испытаніи по Священному Писанію Ветхаго Заветъа и потому не удостоеннаго приема въ Академію,—возвратить въ Правленіе названной семинаріи, а документы студента *Солнцева Павла*, не явившагося къ повѣрочнымъ испытаніямъ по болѣзни,—препроводить въ Правленіе Московской духовной семинаріи, которымъ онъ былъ рекомендованъ.

II. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„Г.г. наставниками Академіи доставлены мнѣ программы преподаваемыхъ или наукъ и соображенія о предполагаемомъ ходѣ практическихъ занятій на 1914—1915 учебный годъ.— На основаніи § 109, лит. а п. 4, устава духовныхъ академій предлагаю эти программы и соображенія на разсмотрѣніе и утвержденіе Совѣта Академіи“.

Опредѣлили: Признавая представленныя г.г. наставниками Академіи программы преподаванія на 1914—1915 учебный

годъ соотвѣтствующими указаніямъ, преподаннымъ на сей предметъ Святѣйшимъ Синодомъ въ объяснительной запискѣ къ проекту устава духовныхъ академій 1910 года, и научной постановкѣ предметовъ, программы эти утвердить.

III. Имѣли сужденіе: *О распредѣленіи лекцій и практическихъ занятій въ Академіи на 1914—1915 учебный годъ*, причемъ были выслушаны нижеслѣдующія прошенія г.г. наставниковъ Академіи:

а) Экстраординарнаго профессора по кафедрѣ литургіи священника *И. В. Гумилевскаго*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ, на основаніи примѣчанія къ § 84 Устава Духовныхъ Академій, какъ преподающему въ Академіи третій годъ, читать въ 1914—1915 учебномъ году двѣ теоретическихъ лекціи и двѣ практическихъ“.

б) Доцента по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *Н. В. Лысогорскаго*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи, на основаніи примѣчанія къ § 84 академическаго устава, разрѣшить мнѣ въ текущемъ учебномъ году преподавать двѣ теоретическихъ и двѣ практическихъ лекціи“.

в) Доцента по второй кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *іеромонаха Варволомея (Ремова)*:

„На основаніи примѣчанія къ § 84 „Устава Православныхъ Духовныхъ Академій“ покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ въ наступающемъ третьемъ году моей преподавательской службы читать двѣ теоретическихъ лекціи и двѣ посвящать практическимъ занятіямъ“.

г) Доцента по кафедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи оставить за мною прежнее число лекцій, т. е.—двѣ теоретическихъ и одну практическую, такъ какъ въ истекшемъ

1913/1914 учебномъ году я находился въ заграничной командировкѣ и въ наступающемъ году имѣю читать курсъ лекцій лишь второй разъ за свою академическую службу“.

д) И. д. доцента по второй кафедрѣ патрологіи *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)*:

„На основаніи примѣчанія къ § 84 Устава Православныхъ Духовныхъ Академій покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи назначить мнѣ, какъ читающему курсъ лекцій второй годъ, двѣ теоретическихъ лекціи и одну часовую практическую. Считаю нужнымъ обратить вниманіе Совѣта на то, что въ нынѣшнемъ учебномъ году, по крайней мѣрѣ, во второмъ полугодіи мнѣ придется совершенно заново работать надъ составленіемъ курса, такъ какъ въ прошломъ учебномъ году чтеніе лекцій, по возвращеніи изъ командировки, начато мною только съ конца ноября мѣсяца“.

е) И. д. доцента по кафедрѣ церковно-славянскаго и русскаго языковъ съ палеографіей *священника І. М. Смирнова*:

„На основаніи примѣчанія къ § 84 Устава Духовныхъ Академій покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи уменьшить мнѣ, какъ имѣющему преподавать лишь 3-й годъ, общее количество еженедѣльныхъ лекціонныхъ часовъ до четырехъ, изъ которыхъ два мною были бы употреблены на теоретическое изложеніе предмета, а два—на веденіе практическихъ занятій“.

ж) И. д. доцента по кафедрѣ систематической философіи и логики *Ө. К. Андреева*:

„Приступая къ чтенію курса лекцій въ наступающемъ учебномъ году, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ имѣть двѣ теоретическихъ и одну практическую лекціи“.

з) И. д. доцента по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектанства *А. В. Ремезова*:

„На основаніи примѣчанія къ § 84 „Устава Православныхъ Духовныхъ Академій“ имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Акаде-

мін разрѣшити мнѣ, какъ преподавателю, въ первый разъ приступающему къ чтенію своего курса, читать въ наступающемъ учебномъ году двѣ теоретическихкіхъ лекціи и одну посвящать практическимъ занятіямъ“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академіи § 84, *примѣчаніе*: „Начинающимъ преподавателямъ Совѣтъ можетъ разрѣшити въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ и меньшее число лекцій“ (сравнительно съ нормою, каковою признается *пять* лекцій въ недѣлю, а по пастырскому богословію, гомилетикѣ и греческому языку—*четыре* лекціи).—2) По § 109, лит. б п. 3 и лит. а п. 3, того же устава—„опредѣленіе количества лекцій для начинающихъ преподавателей“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея, а „распредѣленіе лекцій, практическихъ занятій съ репетиціями и часовъ преподаванія“— въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Признавая вышеизложенныя просьбы г.г. наставниковъ Академіи объ уменьшеніи числа лекціонныхъ часовъ заслуживающими уваженія,—ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи назначить на 1914—1915 учебный годъ, соответственно числу лѣтъ преподавательской дѣятельности: экстраординарному профессору священнику *И. В. Гумилевскому*, доцентамъ *Н. В. Лысогорскому* и *іеромонаху Варволомею (Ремову)* и и. д. доцента священнику *І. М. Смирнову*—по *четыре* лекціонныхъ часа въ недѣлю (два часа на теоретическія лекціи и два часа на практическія занятія); доценту *Н. Д. Протасову* и и. д. доцента: *іеромонаху Пантелеимоу (Успенскому)*, *Ө. К. Андрееву* и *А. В. Ремезову*—по *три* лекціонныхъ часа въ недѣлю (два часа на теоретическія лекціи и одинъ часъ на практическія занятія).—2) Въ случаѣ удовлетворенія означеннаго ходатайства,—распредѣлитъ лекціи и практическія занятія въ Академіи въ 1914—1915 учебномъ году по слѣдующей таблицѣ:

Распределение лекцій и практических занятій въ Императорской Московской Духовной Академіи на 1914 — 1915 учебный годъ.

дни.	Ч А С Ы.	Первый курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Основное богословіе Основное богословіе 1-я групп. предметъ *) (1, 2, 3, 4) 1-я групп. предметъ (1, 2, 3, 4)
Вторникъ.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	1-й групповой предметъ (1, 2, 4) 1-я групп. предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4) 1-я групп. предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4) Основное богословіе Основное богословіе (пр. з.) Основное богословіе (пр. з.)
Среда.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Греческій языкъ Греческій языкъ Новые языки Новые языки Новые языки Новые языки
Четвергъ.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Систематическая философія и логика Систематическая философія и логика Систематич. философ. и логика (пр. з.) Исторія философіи Педагогика Ист. филос. (пр. з.) Педагогика (пр. з.) Ист. филос. (пр. з.) Педагогика (пр. з.)
Пятница.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣта I Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣта I Исторія философіи Педагогика Исторія философіи Педагогика Исторія древней церкви **) Исторія древней церкви
Суббота.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣта I Свящ. Писаніе Ветх. Заѣта I (пр. з.) Свящ. Писаніе Ветх. Заѣта I (пр. з.) Исторія древней церкви Исторія древней церкви (пр. з.) Исторія древней церкви (пр. з.)

*) 1. Русская гражданская исторія.—2. Библейская исторія, въ связи съ исторіей древняго міра.—3. Церковно-славянскій и русскій языки съ палеографіей.—4. Исторія и обличіе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени.

***) Лекціи по исторіи древней церкви, за болѣзнію преподавателя, въ 1914-15 уч. году не были читаны.

**Распределение лекцій и практическихъ занятій въ
Императорской Московской Духовной Академіи
на 1914 — 1915 учебный годъ.**

дни.	Ч А С Ы.	Второй курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣта II Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣта II (пр. з.) Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣта II (пр. з.) ----- 2-й групповой предметъ *) (1, 2, 3, 4) 2-й групповой предметъ (1, 2, 3, 4)
Вторникъ.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	2-й групповой предметъ (1, 2, 3, 4) 2-й групповой предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4) 2-й групповой предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4) ----- Психологія Психологія
Среда.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Психологія Психологія (пр. зан.) Психологія (пр. зан.) Греческій языкъ Греческій языкъ -----
Четвергъ.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Систематическая философія и логика Систематическая философія и логика Систематич. философія и логика (пр. з.) Патрологія I Патрологія I (пр. з.) Патрологія I (пр. з.)
Пятница.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣта II Исторія русской церкви Исторія русской церкви Патрологія I Патрологія I Исторія и обличеніе русскаго раскола
Суббота.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Исторія и обличеніе русскаго раскола Исторія и обличен. русск. раскола (пр. з.) Исторія и обличен. русск. раскола (пр. з.) Исторія русской церкви Исторія русской церкви (пр. зан.) Исторія русской церкви (пр. зан.)

*) 1. Исторія Греко-восточной, Славянскихъ и Румынской церквей.—2. Еврейскій языкъ съ библейской археологіей.—3. Исторія русской литературы.—4. Исторія и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени.

**Распределение лекцій и практических занятій въ
Императорской Московской Духовной Академіи
на 1914—1915 учебный годъ.**

Дни.	Ч А С Ы.	Третій курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Исторія и облич. русск. сектантства Исторія и обличеніе рус. сектантства Ист. я обличеніе русск. сектант. (пр. з.) Свящ. Писаніе Новаго Завѣта (М. Д. М.) Групповые предметы Групповые предметы
Вторникъ.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Групповые предметы Групповые предметы (пр. з.) Групповые предметы (пр. з.) Аскетика
Среда.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч. Патрологія II Патрологія II Патрологія II (пр. з.) Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I
Четвергъ.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч. Догматическое богословіе Догматическое богословіе (пр. з.) Догматическое богословіе (пр. з.) Литургика Литургика
Пятница.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Литургика (пр. з.) Литургика (пр. з.) Догматическое богословіе Догматическое богословіе Пастырское богословіе Пастырское богословіе
Суббота.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I (пр. з.) Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I (пр. з.) Пастырское богословіе (пр. з.) Пастырское богословіе (пр. з.)

**Распределение лекцій и практическихъ занятій въ
Императорской Московской Духовной Академіи
на 1914 — 1915 учебный годъ.**

дни.	Ч А С Ы.	Четвертый курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Исторія и обличеніе рус. сектанства Исторія и обличеніе рус. сектанства Исторія и облич. рус. сектант. (пр. з.) Свящ. Писаніе Нового Заѣта (М. Д. М.) Церковное право Церковное право
Вторникъ.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Церковное право Церковное право (пр. з.) Церковное право (пр. з.) Аскетика
Среда.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч. Свящ. Писаніе Нового Заѣта II Свящ. Писаніе Нового Заѣта II
Четвергъ.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Нового Заѣта II Свящ. Писаніе Нового Заѣта II (пр. з.) Свящ. Писаніе Нового Заѣта II (пр. з.) Церковная археологія Церковная археологія Церковная археологія (пр. з.)
Пятница.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч. Нравственное богословіе Нравственное богословіе Пастырское богословіе Пастырское богословіе
Суббота.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Нравственное богословіе Нравственное богословіе (пр. з.) Нравственное богословіе (пр. з.) Пастырское богословіе (пр. з.) Пастырское богословіе (пр. з.)

IV.—*О назначеніи студентамъ письменныхъ работъ на 1914—1915 учебный годъ.*

Справка: Устава духовныхъ академій—*а) § 154:* „Въ теченіе года, на первыхъ трехъ курсахъ, студентамъ назначается по три сочиненія на каждый курсъ на темы, данныя преподавателями и одобренныя ректоромъ Академіи. Кромѣ этихъ третнихъ сочиненій, для студентовъ всѣхъ курсовъ обязательно составленіе одной проповѣди на каждомъ курсѣ“.—*б) § 155:* „Сочиненія пишутся по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ Академіи, изъ нихъ два сочиненія — по богословскимъ наукамъ и одно — по общеобразовательнымъ“.—*в) § 156:* „Студенты IV курса пишутъ курсовое сочиненіе для полученія степени кандидата богословія на тему богословскаго характера, одобренную ректоромъ и утвержденную Епархіальнымъ Архіереемъ. Совѣтъ Академіи озабочивается равномернымъ распредѣленіемъ труда по рассмотрѣнію сочиненій между отдѣльными преподавателями, съ такимъ расчетомъ, чтобы одному преподавателю писали не болѣе 5 чело-
вѣкъ“.—

Опредѣлили: Назначить на 1914—1915 учебный годъ студентамъ I, II и III курсовъ по *три* сочиненія по слѣдующимъ предметамъ:

Въ I курсѣ.

- а) По первому групповому предмету,
- б) По исторіи философіи и педагогикѣ,
- в) По Свящ. Писанію Ветхаго Заветъа (I каѳ.).

Во II курсѣ:

- а) По Свящ. Писанію Ветхаго Заветъа (II каѳ.),
- б) По второму групповому предмету,
- в) По патрологіи (I каѳ.).

Въ III курсѣ.

- а) По литургикѣ,
- б) По патрологіи (II каѳ.).
- в) По пастырскому богословію.

Примѣчаніе. Избранныя гг. наставниками Академіи *темы* для означенныхъ сочиненій должны быть предварительно

представлены ими на одобрение Преосвященнаго Ректора Академіи.

2) Для написанія *третьихъ сочиненій* назначить студентамъ I, II и III курсовъ слѣдующіе сроки: для перваго сочиненія—съ *10 сентября по 30 октября*, для втораго — съ *1 ноября по 20 декабря* 1914 года и для третьяго—съ *15 января по 13 марта* 1915 года.

3) Предложить студентамъ IV курса избрать темы для *курсовыхъ сочиненій* изъ числа данныхъ въ концѣ минувшаго учебнаго года наставниками Академіи и утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ.—Срокомъ подачи курсовыхъ сочиненій назначить время съ *15 апрѣля по 1 мая* 1915 года, съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ непредставленія студентомъ IV курса курсоваго сочиненія безъ уважительной причины, онъ, согласно § 167 академическаго устава, будетъ выпущенъ изъ Академіи лишь съ свидѣтельствомъ о выслушаніи имъ академическихъ наукъ.

4) Для студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ назначить *по одной проповѣди*, съ требованіемъ, чтобы они представляли ихъ не поздиѣ *10 дней* до срока, назначеннаго по росписанію.—Росписаніе проповѣдей на 1914—1915 учебный годъ имѣеть быть дано, съ одобренія Преосвященнаго Ректора Академіи, преподавателемъ гомилетики—*В. П. Виноградовымъ*.

5) Установленныя въ 1910 году Совѣтомъ Академіи *правила* относительно участія студентовъ въ *практическихъ занятіяхъ* оставить въ силѣ и на текущій учебный годъ.

6) Вышеизложенныя постановленія объявить студентамъ Академіи съ предупрежденіемъ по отношенію къ студентамъ первыхъ трехъ курсовъ, что кто изъ нихъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не исполнитъ всѣхъ лежащихъ на немъ учебныхъ обязанностей по представленію письменныхъ работъ, участію въ практическихъ занятіяхъ и сдачѣ устныхъ испытаній къ *1 июня 1915 года*, тотъ не можетъ уже рассчитывать на получение въ слѣдующемъ учебномъ году *казенной стипендіи*.

V. Слушали: Препровожденный (въ копіи) при отношеніи

Московской Духовной Консistoriи, отъ 23 августа с. г. за № 19401, указъ изъ Святѣйшаго Синода на имя временно управлявшаго Московскою епархією Преосвященнаго Димитрія, Епископа Можайскаго, отъ 12 августа за № 13297:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе *объ изданіи полемическихъ листковъ объ уніи*. Приказали: Учредить, для изданія подъ руководствомъ Члена Святѣйшаго Синода, Преосвященнаго Антонія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, полемическихъ листковъ объ уніи, комитетъ, подъ предсѣдательствомъ инспектора Императорской Московской Духовной Академіи *архимандрита Иларіона*, въ составѣ доцента той же Академіи *іеромонаха Пантелеимона* и преподавателя Тульской Духовной Семинаріи *іеромонаха Даніила*, съ предоставленіемъ предсѣдателю комитета приглашать къ участию въ его работахъ и другихъ лицъ, по соглашенію съ Преосвященнымъ Харьковскимъ Антоніемъ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство и Преосвященныхъ Тульскаго и Харьковскаго указами“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода объявить (и объявленъ) о. Инспектору Академіи *архимандриту Иларіону* и и. д. доцента *іеромонаху Пантелеимону (Успенскому)*.

VI. а) Заявленіе экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка съ библейскою археологіей *священника Е. А. Воронцова*:

„Для лучшаго изученія еврейскаго и родственныхъ ему семитическихъ языковъ оставленнымъ при Академіи на наступающій учебный годъ профессорскимъ стипендіатомъ *Соколовымъ* ему полезно было бы прослушать курсъ этихъ дисциплинъ въ Петроградскомъ Университетѣ, а поэтому имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать о допущеніи его къ учебнымъ занятіямъ на восточномъ факультетѣ названнаго Университета на тѣхъ условіяхъ, какія изложены въ подаваемомъ вмѣстѣ съ снмъ прошеніи въ Совѣтъ г. Соколова“.

б) Прошение профессорскаго стипендіата Академіи выпуска текущаго 1914 года *Михаила Соколова*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи командировать меня на 1914—1915 учебный годъ въ Петроградъ для изученія еврейскаго и родственныхъ ему языковъ на факультетѣ восточныхъ языковъ Императорскаго Петроградскаго Университета и ходатайствовать предъ Совѣтомъ послѣдняго объ освобожденіи меня отъ платы за обученіе съ разрѣшеніемъ пользованія мнѣ книгами Университетской библіотеки“.

Справка: По § 78 устава духовныхъ академій: „Профессорскіе стипендіаты и въ теченіе перваго года пребыванія въ этомъ званіи могутъ быть командируемы для слушанія специальныхъ курсовъ въ русскія и заграничныя высшія учебныя заведенія“.

Опредѣлили: Просить Правленіе Императорскаго Петроградскаго Университета о разрѣшеніи профессорскому стипендіату Академіи *Михаилу Соколову* слушать въ 1914—1915 учебномъ году лекціи на факультетѣ восточныхъ языковъ названнаго Университета и пользоваться университетской библіотекой, съ освобожденіемъ его отъ установленной платы въ пользу Университета.

VII. а) Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что студентъ IV (LXIX) курса *Берниковъ Сергѣй* сдалъ отложенныя ему по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 5 іюня с. г. на послѣдканикулярное время устныя испытанія по всѣмъ предметамъ IV курса представилъ проповѣдь и курсовое сочиненіе на степень кандидата богословія, получивъ какъ на устныхъ испытаніяхъ, такъ и на письменныхъ работахъ отмѣтки не ниже удовлетворительныхъ.

б) Отзывы о курсовомъ сочиненіи студента IV (LXIX) курса *Берникова Сергѣя* на тему: „Объ иконописномъ подлинникѣ“.

1) Доцента *Н. Д. Протасова*:

„Посредственная студенческая работа.“

Авторъ собралъ русскую литературу темы и по ней составилъ очеркъ образованія иконописнаго подлинника, его

состава и возможнаго развитія. Въ собственномъ смыслѣ научнаго анализа подлежащаго матеріала онъ не даетъ, такъ какъ не имѣлъ подъ руками ни одного оригинала. Даже такой кардинальный вопросъ въ исторіи нашего иконописанія, какъ отношеніе и степень зависимости русскаго подлинника отъ въ собственномъ смыслѣ греческаго—онъ обходитъ молчаніемъ и отдѣляется простымъ замѣчаніемъ о общемъ вліяніи Византіи на Русь. Точно также вопросъ объ аеонскомъ подлинникѣ и собственно византійскомъ оставленъ въ сторонѣ.

Въ работѣ не хватаетъ критическаго отношенія къ чужимъ мнѣніямъ: авторъ продолжаетъ называть менологін подлинниками, и трудъ императора Василія оцѣнивается имъ совершенно невѣрно.

Таковы недостатки работы г. Берникова.

Однако, принимая во вниманіе, что онъ былъ лишень всякаго руководства со стороны автора темы и долженъ былъ самъ собрать нужную литературу, опредѣлить ея цѣнность и вѣсь, методъ и все прочее, его работа можетъ быть названа умѣлой и толковой компиляціей. Онъ умѣетъ писать съ интересомъ, разбираться въ матеріалъ и обращать вниманіе на важныя детали. И, не смотря на то, что большую часть года авторъ былъ въ больницѣ, онъ сумѣлъ выполнить свою обязанность по написанію кандидатскаго сочиненія объемомъ не меньшаго обычной работы студента (стр. 324).

Степени кандидата г. Берниковъ заслуживаетъ“.

2) Инспектора Академіи, экстраординарнаго профессора *архимандрита Иларіона*:

„Сочиненіе г. Берникова очень невелико: въ печати оно заняло бы не болѣе трехъ съ половиною листовъ (около 52 стр.). Трудно поэтому ожидать, чтобы въ сочиненіи былъ широко и всесторонне изслѣдованъ такой большой и сложный вопросъ, какъ вопросъ объ иконописномъ подлинникѣ. Сочиненіе автора и не представляетъ какого-нибудь самостоятельнаго научнаго изслѣдованія. Оно написано по пособіямъ. Въ литературѣ имѣется нѣсколько специальныхъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію иконописнаго подлинника. Всецѣло основываясь на своихъ пособіяхъ, авторъ въ своемъ сочиненіи не даетъ въ научномъ смыслѣ ничего новаго. Въ руко-

писяхъ различныхъ книгохранилищъ имѣются еще не использованные матеріалы: авторъ этихъ матеріаловъ не касается. Въ началѣ сочиненія у автора перечислено цѣлыхъ 129 пособій, большая часть которыхъ не имѣетъ большой научной цѣны да и едва-ли была полезна автору. Напрасно онъ тратилъ время и силы на розыски и на ознакомленіе съ мелкими пособиями, когда у него подъ руками были труды Филимонова, Буслаева, Покровскаго, Сахарова, Забѣлина, Григорова и др. Но во всякомъ случаѣ стремленіе автора привлечь возможно больше литературы вопроса свидѣтельствуешь объ его трудолюбіи. Важнѣйшія пособия прочитаны внимательно; съ вопросомъ авторъ ознакомился достаточно. Но слѣдуетъ отмѣтить, что въ своемъ сочиненіи г. Берниковъ больше преслѣдуетъ цѣли изложенія, нежели научнаго изслѣдованія. Больше половины сочиненія занято изложеніемъ содержанія иконописнаго подлинника: подробно излагаются наставленія подлинника о томъ, какъ писать лицо, одежды, подробно изложены правила иконописной техники. Иногда изложеніе автора излишне подробно: о писаніи, напримѣръ, одеждъ онъ говоритъ на пространствѣ болѣе 60 стр., причемъ авторъ находитъ нужнымъ говорить даже о томъ, что такое „источники“ и „скрижали“ на святительскихъ мантияхъ. Этотъ отдѣлъ объ одеждахъ въ сочиненіи самый скучный. Лучшія въ сочиненіи двѣ послѣднія главы— 7-я и 8-я, въ которыхъ авторъ говоритъ объ исторіи подлинниковъ, объ ихъ постепенномъ развитіи, о составленіи новыхъ редакцій до алфавитной включительно. Но и здѣсь слѣдуетъ отмѣтить неравномѣрность въ обсужденіи затрогиваемыхъ вопросовъ. Исторія подлинниковъ до Симона Ушакова изложена всего на 18 стр. (что равно лишь тремъ печатнымъ), а вслѣдъ за этимъ на 27 стр. излагаются лишь взгляды Ушаковской школы на церковное искусство. Эти страницы заполнены словами изографа Іосифа, выписанными изъ книги Буслаева. Рѣшать спорные научные вопросы авторъ избѣгаетъ. Такъ изслѣдователи иконописныхъ подлинниковъ невольно и неизбежно задаются вопросомъ, какіе подлинники первоначальны—толковые или лицевые. Авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ догматически въ нѣсколькихъ строкахъ. „Первые, то есть, лицевые подлинники по времени предшествуютъ послѣднимъ и составляютъ первоначальное руко-

водство для иконописцевъ въ видѣ лицевыхъ святцевъ, то есть, изображеній святыхъ, расположенныхъ по днямъ церковнаго года“. Всякія доказательства этого положенія г. Берниковъ считаетъ повидимому излишними. Можно въ сочиненіи отмѣтить и мелкіе недостатки. Такъ, напр., рассказавъ о томъ, какъ по подлинникамъ слѣдуетъ готовить доски для иконъ, авторъ сразу переходитъ къ ученію о пропорціяхъ, соблюдавшихся при написаніи фигуры святаго. Связи никакой. Есть и нескладныя выраженія. Сочиненіе, напр., начинается фразой: „Въ первое время своего существованія христіанское искусство было свободною профессіей“. Но въ общемъ о стилѣ сочиненія можно отозваться съ похвалою. Благодаря несложности содержанія и легкости и ясности изложенія, сочиненіе читается не безъ удовольствія.

Сочиненіе свидѣтельствуешь, что г. Берниковъ поработалъ достаточно: онъ не мало прочиталъ и наиболѣе существенное изъ прочитаннаго изложилъ хотя и кратко, но складно и толково. Степени кандидата богословія студентъ Сергій Берниковъ заслуживаетъ“.

Справка: 1) Въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за весь академическій курсъ студентъ *Берниковъ* Сергій имѣеть—4,223. 2) По § 109, лит. б п. 8, устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата богословія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Студента IV го (LXIX) курса *Берникова* *Сергья* удостоить степени кандидата богословія, съ причисленіемъ ко второму разряду, о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

VIII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что студенты: III курса—*Дюлгеровъ* Дмитрій, болгар. урож., и *Цвиневъ* Иванъ, II курса—*Металловъ* Валентинъ и *Заболотскій* Павелъ—сдали отложенныя имъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 5 іюня с. г., на послѣдканикулярное время устныя испытанія по одному или всѣмъ предметамъ соотвѣтствующихъ курсовъ, представили не поданныя своевременно письменныя работы и получили какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ отмѣтки не ниже удовлетворительныхъ.

Справка: По § 109, лит. а п. 14, устава духовныхъ академій „переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значитъ въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Студентовъ: III курса—*Дюлгерова* Дмитрія и *Цвинева* Ивана, II курса—*Заболотскаго* Павла и *Металлова* Валентина перевести въ слѣдующіе курсы и дать соответствующія ихъ успѣхамъ и поведенію мѣста въ разрядныхъ спискахъ.

IX. а) Прошеніе студентовъ Академіи: III курса—*Николая Піуновскаго* и II курса—*Ивана Піуновскаго*:

„Почтительнѣйше просимъ Совѣтъ Академіи разрѣшить намъ въ 1914/15 лекціонномъ году проживать на квартирѣ, внѣ академическаго общежитія, такъ какъ наше разстроенное здоровье требуетъ большаго спокойствія и діетнаго режима, чего нельзя достигнуть въ условіяхъ общежитія. При семъ прилагаются свидѣтельства пользовавшихся насъ врачей“.

б) Свидѣтельство врача Московской городской амбулаторіи *В. Орленкова*:

„Дано сіе студенту Императорской Московской Духовной Академіи Николаю Александровичу Піуновскому для представленія въ Совѣтъ профессоровъ Академіи въ томъ, что онъ—Піуновскій страдаетъ разстройствомъ и переутомленіемъ нервной системы (nevrasthenia), выражающимся головными болями, сердцебіеніемъ, бессонницей. Въ виду этого ему необходимо поселиться на отдѣльной квартирѣ внѣ общежитія“.

в) Свидѣтельство врача *С. Генкель-Фрейдесъ*:

„Симъ удостовѣряю, что Иванъ Александровичъ Піуновскій страдаетъ переутомленіемъ и неврастеніей и для укрѣпленія организма нуждается въ покоѣ и индивидуальной діетѣ. Выдано для представленія въ Совѣтъ профессоровъ Императорской Московской Духовной Академіи“.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода на имя Высокопре-
Журналы Академіи.

освященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, отъ 12 октября 1906 года за № 11174, Совѣту Кіевской Духовной Академіи предоставлено „право разрѣшать студентамъ сей Академіи, не имѣющимъ въ г. Кіевѣ родителей и состоящихъ на казенномъ содержаніи, въ исключительно важныхъ случаяхъ, напимѣръ, болѣзни, нервнаго расстройства, надлежаще удостовѣренныхъ, проживать на частныхъ квартирахъ и получать на руки стипендіальныя деньги, съ тѣмъ, однако, чтобы студенты, перешедшіе съ разрѣшенія Совѣта на квартиру, въ томъ же учебномъ году не возбуждали ходатайства о перемѣщеніи ихъ обратно въ академическій корпусъ“.

Опредѣлили: По вниманію къ засвидѣтельствованному врачами болѣзненному состоянію студентовъ: III курса—*Николая Піуновскаго* и II курса—*Ивана Піуновскаго* и примѣнительно къ изложенному въ справкѣ указу Святѣйшаго Синода отъ 12 октября 1906 года за № 11174,—разрѣшить названнымъ студентамъ жить внѣ академическаго общежитія, на частной квартирѣ,—о чемъ и представить предварительно на Архiepастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

Х. Прошеніе (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) бывшаго студента III курса Академіи *Антонія Орлова*:

„Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1913-го года я, согласно прошенія своего отца, по болѣзни, вынужденъ былъ уволиться изъ Академіи впредь до выздоровленія. Чувствуя себя въ настоящее время вполне здоровымъ и имѣя непреодолимое желаніе окончить академическое образованіе, прерванное на полпути, почтительнѣйше прошу Васъ, Ваше Преосвященство, какъ Предсѣдателя Совѣта Академіи, посодѣйствовать обратному приему моему въ число студентовъ III-го курса. При семъ возвращаю свои документы, присланные мнѣ Правленіемъ Академіи въ январѣ текущаго года“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій § 146, п. 2: „Студентъ, выбывшій изъ академіи болѣе одного года тому назадъ, принимается въ ту же или другую Академію не иначе, какъ по выдержаніи испытаній въ знаніи предметовъ тѣхъ курсовъ, какіе имъ были пройдены“.—2) Студентъ *Антоній*

Орловъ, согласно прошенію отца его, уволенъ былъ изъ Академіи, по болѣзни, постановленіемъ Правленія Академіи отъ 17 декабря 1913 года, утвержденнымъ резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 13 января текущаго 1914 года.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять обратно г. *Антонія Орлова*, какъ выбывшаго изъ Академіи *меньше* года тому назадъ, въ число *своекоштныхъ* студентовъ III курса Академіи *безъ экзамена*.

На семь журналь резолюція Его Высокопреосвященства: „2 окт. 1914 г. Исполнить“.

29 сентября 1914 года.

№ 12.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи *Теодора*, Епископа *Волоколамскаго*, Инспекторъ Академіи *архимандритъ Иларіонъ*, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ *М. Д. Муретовъ*, ординарные профессора—*А. И. Алмазовъ*, *С. С. Глаголевъ*, *М. М. Тарѣевъ*, *М. М. Богословскій* и *Д. И. Введенскій*; экстраординарные профессора—*Н. Л. Туницкій*, *А. П. Орловъ*, священникъ *Д. В. Рождественскій* и священникъ *П. А. Флоренскій*.

Отсутствовали: *И. д. ординарнаго*, заслуженный профессоръ *А. П. Шостыня*, ординарные профессора—*С. И. Соболевскій* и *А. А. Спасскій*; экстраординарные профессора—*П. П. Соколовъ*, *И. В. Поповъ*, *С. И. Смирновъ*, священникъ *Е. А. Воронцовъ*, священникъ *В. Н. Страховъ* и священникъ *И. В. Гумилевскій*.

Слушали: 1. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1 сент. 1914. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 27 августа за № 14292:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представление Вашего Преосвященства, отъ 6 іюня 1914 года № 245, по

ходатайству Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи объ утвержденіи и. д. доцента оной, кандидата богословія, священника *Павла Флоренскаго* въ степени магистра богословія, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „О духовной Истинѣ“; 2) донесеніе Преосвященнаго Харьковскаго, отъ 10 Августа 1914 года № 318, съ отзывомъ о помянутомъ сочиненіи, и 3) представленіе Преосвященнаго Дмитровскаго, временно управлявшаго Московскою епархіею, отъ 11 юня 1914 г. № 278, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи священника Флоренскаго въ званіи экстраординарнаго профессора академіи. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленіямъ Вашего Преосвященства и Преосвященнаго Дмитровскаго и отзыву Преосвященнаго Харьковскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить и. д. доцента Императорской Московской духовной академіи, кандидата богословія, священника *Павла Флоренскаго* въ степени магистра богословія за означенное сочиненіе и званіи экстраординарнаго профессора помянутой академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: 1) Изготовить для священника *П. А. Флоренскаго* установленный дипломъ на степень магистра богословія и выдать его по принадлежности.—2) Объ утвержденіи священника *П. А. Флоренскаго* въ помянутой ученой степени и званіи экстраординарнаго профессора Академіи внести въ послужной его списокъ и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „4 сент. 1914. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 2 сентября за № 14446:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 6 мая 1914 г. № 204, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи законоучителя Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины, магистра богословія, *прото-*

іерей Іоанна Арсеньева въ степени доктора церковной исторіи за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Отъ Карла Великаго до реформаціи“, и 2) отзывъ присутствующаго въ Святѣйшимъ Синодѣ Преосвященнаго Псковскаго о помянутомъ сочиненіи. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Псковскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить законоучителя Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины, магистра богословія, протоіерей Іоанна Арсеньева въ степени доктора церковной исторіи за означенное сочиненіе; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Изготовить для о. законоучителя Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины, *протоіерей І. В. Арсеньева* установленный дипломъ на степень доктора церковной исторіи и выдать его по принадлежности.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „13 сент. 1914. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 11 сентября за № 15208:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 22 Апрѣля 1914 года за № 15415, съ заключеніемъ Хозяйственнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Управленія по представленію Преосвященнаго Митрополита Петроградскаго, отъ 24 сентября 1913 года за № 1457—8882, на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода ходатайства Совѣта Императорской Петроградской Духовной Академіи *объ отпускѣ потребныхъ суммъ для научнаго изданія славянскихъ переводовъ книгъ Священнаго Писанія*. И, по справкѣ, Приказали: Ординарный профессоръ Петроградской Духовной Академіи Иванъ Евсѣевъ обратился въ Совѣтъ Академіи съ докладной запиской о важности и необходимости научнаго изданія славянскаго перевода Библии и съ проектомъ этого изданія на слѣдующихъ условіяхъ: 1) при Петроградской Духовной Академіи, согласно § 1,

п. 2 Устава Духовныхъ Академій, учреждается комиссія для научнаго изданія славянскаго текста Библии; 2) въ составъ Комиссіи входятъ, кромѣ соотвѣтствующихъ по своимъ занятіямъ профессоровъ и доцентовъ Петроградской и другихъ духовныхъ академій, ученые специалисты изъ членовъ Академіи Наукъ, профессоровъ русскихъ университетовъ и вообще лицъ, заявившихъ себя извѣстностью въ области изученія славянскаго библейскаго текста; 3) первый составъ Комиссіи избирается Совѣтомъ Петроградской Духовной Академіи изъ лицъ, ближайшимъ образомъ изъявившихъ готовность принять на себя трудъ по разработкѣ той или иной части предполагаемаго изданія, а впослѣдствіи Комиссія опредѣляетъ и пополняетъ свой составъ путемъ собственнаго избранія желательныхъ участниковъ, съ увѣдомленіемъ о семъ Совѣта Академіи; 4) потребныя для изданія средства, въ виду исключительно высокаго научнаго, духовно-просвѣтительнаго и національнаго характера предпріятія, испрашиваются, по ходатайству Совѣта Академіи, Святѣйшимъ Синодомъ отъ высшихъ государственныхъ учреждений, и 5) непосредственное наблюденіе за дѣятельностью Комиссіи принадлежитъ Совѣту Петроградской Духовной Академіи, и ему Комиссія ежегодно представляетъ отчетъ о своей дѣятельности.—Совѣтъ Петроградской Духовной Академіи вполне согласился съ основными положеніями докладной записки профессора Евсеѣва относительно важности и необходимости научнаго изданія Славянской Библии при Петроградской Духовной Академіи на изложенныхъ въ докладѣ и вышеприведенныхъ условіяхъ, и Преосвященный Митрополитъ Петроградскій Антоній, согласно ходатайству того же Совѣта, представилъ, отъ 18 октября 1911 года за № 1454—9133, означенную записку на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.—Съ своей стороны признавъ насущную потребность научнаго изданія славянскихъ переводовъ книгъ Св. Писанія и принимая во вниманіе, что, по расчетамъ, на расходы по означенному изданію потребуется свыше 80.000 руб., и что дѣло это имѣетъ общекультурное и національное значеніе, Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію, отъ 4 мая—5 іюня 1912 года за № 4310, предоставилъ Г. Синодальному Оберъ-Прокурору испросить, въ установленномъ порядкѣ, ассигнованіе потребныхъ средствъ на предпринимаемое научное

изданіе при Петроградской Духовной Академіи славянскихъ переводовъ Библии изъ Государственнаго Казначейства.— Отъ 24 сентября 1913 года за № 1457—8882, Преосвященнымъ Митрополитомъ Петроградскимъ Владиміромъ была представлена на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода просьба Совѣта Императорской Петроградской Духовной Академіи объ отпускѣ въ распоряженіе названной Академіи средствъ, необходимыхъ для осуществленія дѣла научнаго изданія славянской Библии. При ближайшемъ, по поводу сказанной просьбы, рассмотрѣніи въ Хозяйственномъ при Святѣйшемъ Синодѣ Управленіи вопроса о расходахъ, необходимыхъ на научное изданіе славянской Библии, оказалось, что изъ общей исчисленной на означенное изданіе суммы 80.682 руб. 80 к. въ ближайшемъ времени потребуется къ ассигнованію только 5.000 руб. на предварительныя, изъясненныя въ запискѣ профессора Евсеѣва, работы по изданію, а остальные 75.682 р. 80 коп., исчисленные въ проектѣ изданія на оплату труда авторовъ по научной обработкѣ славянскаго текста Библии и на типографскія издержки, потребуются не сразу, а частями за все предполагаемое время изданія въ 60 лѣтъ. Если эти 75682 руб. 80 к. разложить равномерно на 60 именно лѣтъ, то на каждый годъ будетъ требоваться только 1.261 руб. 38 коп., изъ коихъ 577 руб. на оплату авторскаго гонорара и 686 руб. 38 коп. на типографскія издержки. При такихъ условіяхъ принятіе расходовъ по научному изданію текста славянской Библии на спеціальныя средства Святѣйшаго Синода едва ли явится обременительнымъ для послѣднихъ, и посему Хозяйственное Управленіе, въ случаѣ если Святѣйшему Синоду благоугодно будетъ принять означенные расходы на спеціальныя Синодальныя средства, признавало бы возможнымъ требующіяся на осуществленіе сказаннаго изданія расходъ отнести на счетъ типографскаго капитала, при чемъ необходимыя въ ближайшемъ времени средства на подготовительныя работы по изданію, до пяти тысячъ рублей, отпускать изъ экстраординарнаго кредита по смѣтамъ спеціальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода по означенному капиталу за соотвѣтствующіе годы, кредитъ же на оплату гонорара авторамъ, по расчету его дѣйствительной потребности, вносить въ подлежащее подраздѣленіе смѣтъ соотвѣтствующихъ годовъ по тому же капиталу и издержки

на напечатаніе, въ Синодальныхъ Типографіяхъ, научно-обработаннаго библейскаго текста относить на счетъ соотвѣствующихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ на указанный предметъ по смѣтамъ сихъ Типографій. О семъ Г. Синодальный Оберъ-Прокуроръ предложилъ, отъ 22 апрѣля 1914 года за № 15415, Святейшему Синоду.—По бывшемъ сужденіи по настоящему предложенію, принимая во вниманіе, что при чрезвычайныхъ въ настоящее время расходахъ Государственнаго Казначейства на государственныя потребности, трудно ожидать ассигнованія изъ сего Казначейства средствъ на вышесказанное изданіе, и что, какъ изъясняетъ Хозяйственное при Святейшимъ Синодъ Управление, принятіе расходовъ по сему изданію на спеціальныя средства Святейшаго Синода не представляется обременительнымъ для послѣднихъ, Святейшій Синодъ опредѣляетъ: 1) изложенныя въ настоящемъ предложеніи Г. Оберъ-Прокурора предположенія Хозяйственнаго Управленія объ отпускѣ средствъ на научное изданіе славянскихъ переводовъ книгъ Св. Писанія утвердить къ исполненію; 2) поручить Совѣту Петроградской Духовной Академіи организовать для осуществленія означеннаго изданія Комиссію, въ первомъ ея составѣ, изъ соотвѣствующихъ по своимъ спеціальностямъ профессоровъ и доцентовъ названной и другихъ духовныхъ Академій, членовъ и профессоровъ свѣтскихъ ученыхъ учреждений и учебныхъ заведеній и вообще лицъ, заявившихъ себя извѣстностью въ области изученія славянскаго библейскаго текста; 3) предоставить означенной Комиссіи право пополнять свой составъ избраніемъ желательныхъ лицъ, съ согласія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ избранія, Совѣта Академіи; 4) возложить на Совѣтъ Академіи непосредственное наблюденіе за дѣятельностью Комиссіи и за соотвѣтствіемъ предпринимаемаго изданія цѣлямъ православно-богословской науки и 5) выпускъ книгъ изданія производить съ дозволенія Святейшаго Синода.—Для зависящихъ распоряженій и исполненія по настоящему опредѣленію послать Преосвященному Митрополиту Петроградскому указъ, а въ Хозяйственное при Святейшемъ Синодъ Управление передать изъ опредѣленія выписку, и для свѣдѣнія послать указы же Вашему Преосвященству, Преосвященному Митрополиту Кіевскому и Архіепископу Казанскому“.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „16 сент. 1914. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святейшаго Синода отъ 13 сентября за № 15326:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященнаго Дмитровскаго, временно управлявшаго Московской епархіей, отъ 3 іюля сего года за № 298, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи о разрѣшеніи оставить при академіи на 1914—1915 учебный годъ, въ званіи сверхштатнаго профессорскаго стипендіата, *Михаила Струмънскаго*, съ назначеніемъ на содержаніе его 700 р. Приказали: Принимая во вниманіе, что на точномъ основаніи § 73 Устава православныхъ духовныхъ академій, предоставляется оставлять при академіи на годичный срокъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ лишь двухъ наиболѣе даровитыхъ изъ окончившихъ по первому разряду образованіе въ академіи кандидатовъ богословія, и посему, въ случаѣ оставленія въ академіи, для научныхъ занятій, третьяго лица, оно не можетъ пользоваться правами службы, кои присвоены штатнымъ стипендіатамъ въ академіяхъ, Святейшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Императорской Московской духовной академіи оставить Струмънскаго для научныхъ занятій при академіи, но безъ присвоенія ему званія и служебныхъ правъ профессорскаго стипендіата съ назначеніемъ изъ духовно-учебнаго капитала, на содержаніе его, установленной для профессорскихъ стипендіатовъ суммы, т. е. 700 р. въ годъ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Содержаніе указа Святейшаго Синода за № 15326 сообщить кандидату академіи Михаилу *Струмънскому* и Правленію Академіи—для зависящихъ со стороны послѣдняго распоряженій.

V. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „17 сент. 1914. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя

Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 15 сентября за № 15421:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе болгарскаго уроженца *іеродіакона Гавріила (Мануилова)* о принятіи его въ число студентовъ Императорской Петроградской духовной академіи по балламъ, полученнымъ имъ въ Московской академіи (по составленію поученія—2^{1/2}). Приказали: Разрѣшить Совѣту Императорской Московской духовной академіи принять болгарскаго уроженца *іеродіакона Гавріила (Мануилова)* въ число академическихъ студентовъ перваго курса по балламъ, полученнымъ имъ на приѣмныхъ испытаніяхъ осенью сего года; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

б) Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на представленіи Преосвященнаго Ректора Академіи отъ 15 сентября 1914 года за № 1308: „18 сент. 1914. Студента *Садикова* принять въ Академію на изложенныхъ здѣсь условіяхъ“.

Справка: 1) Студентъ Владимірской духовной семинаріи *Николай Садиковъ* обратился къ Его Высокопреосвященству съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Въ августѣ мѣсяцѣ текущаго года я держалъ приѣмныя испытанія въ Императорскую Московскую Духовную Академію. На письменныхъ и устныхъ испытаніяхъ я получилъ удовлетворительныя и хорошія отмѣтки, за исключеніемъ устнаго экзамена по Догматическому Богословію, по которому имѣю неудовлетворительную отмѣтку три съ минусомъ (3—). Вслѣдствіе этого и по недостатку свободныхъ мѣстъ въ общежитіи Академіи Совѣтъ Духовной Академіи отказалъ мнѣ въ приѣмъ въ число дѣйствительныхъ студентовъ Академіи. Горя же искреннимъ сердечнымъ желаніемъ получить высшее образованіе въ духовной школѣ и имѣя возможность, при отсутствіи свободныхъ мѣстъ въ академическомъ общежитіи, жить въ Сергіевскомъ Посадѣ на частной квартирѣ съ матерью, что дозволяется Уставомъ Духовныхъ Академій, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Васъ, Ваше Высокопреосвященство, какъ Милостивѣйшаго Архипастыря и

Отца, разрѣшить Совѣту Академіи принять меня въ число дѣйствительныхъ студентовъ Академіи съ однимъ неудовлетворительнымъ балломъ „3—“ подъ условіемъ жить на частной квартирѣ въ Сергіевскомъ Посадѣ съ матерью и о семь учинить Свою Милостивѣйшую Архипастырскую резолюцію“.

На семь прошеній послѣдовала таковая резолюція Его Высокопреосвященства за № 4063: „Преосвященному Ректору Академіи для отзыва“.

2) Представленіе Преосвященнаго Ректора Академіи на имя Его Высокопреосвященства, отъ 15 сентября 1914 года за № 1308: „Во исполненіе резолюціи отъ 9-го сего сентября за № 4063 долгомъ считаю почтительнѣйше представить Вашему Высокопреосвященству, что студентъ Владимірской духовной семинаріи *Николай Садиковъ* на приѣмныхъ испытаніяхъ въ Академію, бывшихъ въ августѣ мѣсяцѣ сего 1914 года, дѣйствительно получилъ только одинъ неудовлетворительный баллъ (3—) на устномъ испытаніи по догматическому богословію; на прочихъ же устныхъ испытаніяхъ и на письменныхъ работахъ имѣетъ баллы удовлетворительные (3^{1/2}, 4—, 3^{1/2}—на устныхъ; 3, 3, 3—на письменныхъ). Но Совѣтъ Академіи долженъ былъ отказать ему въ приѣмъ потому, что средній баллъ Садикова не только не достигалъ необходимаго уровня, требуемаго указомъ Святѣйшаго Синода отъ 9 августа 1911 года за № 10593 (3^{3/4}), но и позволилъ ему занять въ разрядномъ спискѣ держащихъ повѣрочныя испытанія лишь 68-е мѣсто (изъ 78).

Если бы Вашему Высокопреосвященству благоугодно было оказать студенту Садикову снисхожденіе и разрѣшить ему, согласно § 144, прим. устава духовныхъ академій, жить съ матерью *на частной квартирѣ*,—принятіе его въ составъ I курса академіи, по моему мнѣнію, не было бы нарушеніемъ справедливости по отношенію къ прочимъ, такъ какъ строгій конкурсъ въ текущемъ году обусловливался именно недостаткомъ мѣстъ въ академическомъ общежитіи“.

в) Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на представленіи Преосвященнаго Ректора Академіи отъ 17 сентября 1914 года за № 502: „20 сент. 1914. Согласенъ“.

Справка: 1) Студентъ Владимірской духовной семинаріи

Николай Магницкій обратился къ Его Высокопреосвященству съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1914 года я держалъ повѣрочныя испытанія для поступленія въ Московскую Императорскую Духовную Академію, въ которую я посланъ былъ Правленіемъ Владимірской духовной семинаріи на казенный счетъ. Но вслѣдствіе неудовлетворительнаго балла (2+), полученнаго мною по Священному Писанію Ветхаго Завѣта (письменно), я не принятъ въ число студентовъ Академіи. Это обстоятельство дѣлаетъ мое положеніе крайне печальнымъ и побуждаетъ меня просить Васъ, Ваше Высокопреосвященство, разрѣшить Совѣту Московской духовной Академіи принять меня въ число дѣйствительныхъ студентовъ Академіи и съ вышеозначенной неудовлетворительной отмѣткой по одному предмету, но при хорошихъ баллахъ по другимъ предметамъ“.

На семь прошеніи послѣдовала таковая резолюція Его Высокопреосвященства за № 4084: „Преосвященному Ректору Академіи для отзыва по содержанію настоящаго прошенія“.

2) Представленіе Преосвященнаго Ректора на имя Его Высокопреосвященства, отъ 17-го сентября 1914 года за № 502:

„Во исполненіе резолюціи за № 4084 долгомъ считаю почтительнѣйше представить Вашему Высокопреосвященству, что студентъ Владимірской духовной семинаріи *Николай Магницкій* на приемныхъ испытаніяхъ въ Академіи, бывшихъ въ августѣ мѣсяцѣ сего 1914 года, получилъ слѣдующіе баллы: а) на *устныхъ* испытаніяхъ: 3¹/₂, 4¹/₂, 5—, 3+; на *письменныхъ* работахъ: 2¹/₂ (по Св. Писанію Ветхаго Завѣта), 3¹/₂ и 3, занявъ въ разрядномъ спискѣ 58-е мѣсто (изъ 78, при среднемъ баллѣ *ниже* 3³/₄).

Какъ студенту, *рекомендованному* Правленіемъ Владимірской духовной семинаріи и получившему на приемныхъ испытаніяхъ лишь одинъ не вполне удовлетворительный баллъ (можетъ быть—по случайной причинѣ), г. Магницкому, по моему мнѣнію, могло бы быть оказано снисхожденіе принятіемъ его въ число *свокоштныхъ* студентовъ I курса Академіи“.

Опредѣлили: Болгарскаго уроженца *ієродіакона Гаврііла* (Мануилова) и студентовъ Владимірской духовной семинаріи Николая *Садикова* и Николая *Магницкаго* внести въ списки студентовъ I курса Академіи.

VI. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую въ журналѣ собранія Совѣта Академіи 22 августа с/г. № 10: „13 сент. 1914 г. Исполнить. Къ XIV статьѣ нужно поясненіе“.

Опредѣлили: Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что:

1) *Все* члены академической корпораціи, рѣшивъ учредить при Академіи *свой* отдѣльный лазаретъ, который съ особаго (по докладу Преосвященнаго Ректора Академіи) разрѣшенія Его Высокопреосвященства (резолюція отъ 3 сентября 1914 г. за № 4004) уже и открытъ въ одной изъ палатъ академической больницы, единодушно постановили отчислять на призрѣніе раненыхъ и больныхъ воиновъ, съ августа мѣсяца с/г. и на все время военныхъ дѣйствій, *не менѣе двухъ процентовъ* получаемаго ими ежемѣсячнаго содержанія (многіе подписали и большія суммы).—Таковыхъ отчисленій на содержаніе лазарета поступило: въ августъ мѣсяцъ—192 р. 45 к., и въ сентябрь—203 р. 45 к.

2) Отъ корпораціи Виѣанской духовной семинаріи, изъявившей готовность принять участіе (также процентнымъ отчисленіемъ отъ жалованія) въ содержаніи академическаго лазарета, пока поступилъ взносъ только за августъ мѣсяцъ с/г., въ количествѣ 75 рублей.

VII. Письмо (на имя Преосвященнаго Ректора) Почетнаго Члена Академіи—Высокопреосвященнаго *Николая*, Архіепископа Варшавскаго и Привислинскаго, отъ 22 сентября сего года:

„Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ къ Вамъ посылаю распоряженіе въ Петроградскій Государственный Банкъ о высылкѣ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи 3,000 руб. (три тысячи 4⁰/₁₀ ренты)—на премію за лучшее сочиненіе студен-

товъ Московской Академіи—въ память незабвеннаго о. Ректора Моск. дух. Академіи, прот. А. В. Горскаго. Процентовъ отъ трехъ тысячъ будетъ 120 руб.—Совѣтъ Академіи выработаетъ правила относительно этой преміи, а меня почитать увѣдомленіемъ о семь.

Прошу принять поздравленіе съ наступающимъ столѣтіемъ ученой дѣятельности Академіи—съ молитвеннымъ пожеланіемъ преуспѣянія и въ будущемъ столѣтіи въ семь дѣлѣ, какимъ ознаменовано было прошедшее столѣтіе. Поклонѣнь, привѣтъ и благословеніе учащимъ и учащимся въ Академіи“.

Опредѣлили: 1) Выразить Высокопреосвященному *Николаю*, Архіепископу Варшавскому и Привислинскому, отъ лица Совѣта Академіи глубокую благодарность за его щедрый даръ. 2) Поручить комиссіи изъ о. Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*, сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и ординарнаго профессора *С. С. Глаголева* выработать проектъ положенія о преміи въ память въ Бозѣ почившаго Ректора Академіи протоіерея Александра Васильевича Горскаго и, по одобреніи онаго Высокопреосвященнымъ Жертвователемъ, представить его установленнымъ порядкомъ на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

VIII. Письмо (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) Московской Богородицержественской, что на Бутыркахъ, церкви о. протоіерея *Михаила Невскаго*:

„Желая, по долгу благодарности, принять посильное участіе въ предстоящемъ празднованіи столѣтняго юбилея Императорской Московской Духовной Академіи, какъ бывший однимъ изъ воспитанниковъ ея, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство принять отъ меня въ пользу состоящаго при Академіи Братства Преподобнаго Сергія два 5⁰/₁₀₀-ныхъ закладныхъ листа Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка: одинъ за № 39402 въ тысячу рублей, другой за № 39403 тоже въ тысячу рублей, съ купонами на срокъ 1-го мая 1915 года.

Номинальную сумму двѣ тысячи рублей, заключающуюся въ означенныхъ двухъ закладныхъ листахъ, прошу присоединить къ неприкосновеннымъ капиталамъ Братства, а про-

центы обращать на составленіе стипендіи для одного изъ обучающихся въ Академіи воспитанниковъ“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора, при- сланные при означенномъ письмѣ процентныя бумаги, на номинальную сумму 2000 рублей, 22 сентября с/г. переданы были въ Совѣтъ Братства Преподобнаго Сергія для вспомо- ществованія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Академіи, который, отношеніемъ отъ того же числа за № 980, и выразилъ о. протоіерею Михаилу Невскому благодарность за его щедрый даръ Братству.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Черезъ два дня исполняется столѣтіе со дня основанія Импе- раторской Московской Духовной Академіи въ стѣнахъ Свято- Троицкія Сергіевы Лавры. Разрѣшенное уже Святѣйшимъ Синодомъ торжественное празднованіе столѣтняго юбилея Академіи, въ виду военныхъ событій, отложено до болѣе благопріятнаго времени. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, съ своей стороны, что Совѣтъ Академіи ничѣмъ не нарушить долж- наго отношенія къ постигшему Отечество бѣдствію, если отмѣтитъ этотъ знаменательный для Академіи день, кромѣ церковнаго празднества Покрову Божіей Матери, еще и избра- ніемъ лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ духовному про- свѣщенію или прославившихся своими заслугами предъ Церковью и учеными трудами,—въ званіе почетныхъ членовъ Академіи. Предлагаю этотъ вопросъ на обсужденіе академи- ческаго Совѣта“.

Справка: 1) По § 10 устава духовныхъ академіи—„Акаде- міи имѣютъ право избирать достойныхъ лицъ въ званіе сво- ихъ почетныхъ членовъ на основаніи сего устава“. — 2) По § 109, лит. в п. 1, того же устава „избраніе въ званіе по- четныхъ членовъ академіи“ значитъ въ числѣ дѣль Со- вѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіаль- наго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Избрать и просить ходатайства Его Высоко- преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утверж- деніи въ званіи Почетныхъ Членовъ Академіи:

1) Высокопреосвященнаго *Митрофана*, Митрополита Черногорскаго,—во уваженіе его неутомимой Архипастырской дѣятельности на пользу Черногорской Церкви, просвѣщенной заботливости о духовномъ преуспѣяніи православнаго черногорскаго народа и ученыхъ богословскихъ трудовъ;

2) Высокопреосвященнаго *Димитрія*, Архіепископа Бѣлградскаго, Митрополита Сербскаго,—во уваженіе его плодотворной Архипастырской дѣятельности на пользу Сербской Церкви и просвѣщенной заботливости о духовномъ преуспѣяніи православнаго сербскаго народа;

3) Высокопреосвященнаго *Назарія*, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго,—во вниманіе къ его широкой Архипастырской, просвѣтительно-миссіонерской, многоплодной дѣятельности;

4) Высокопреосвященнаго *Іоанна*, Архіепископа Рижскаго и Митавскаго,—во уваженіе къ многолѣтней плодотворной учебно-воспитательной дѣятельности его въ званіяхъ преподавателя, инспектора и ректора духовныхъ семинарій,—многочисленныхъ печатныхъ пособій по истолкованію Священнаго Писанія въ духовныхъ семинаріяхъ и многоплодному пастырско-просвѣтительному служенію его въ святительскомъ санѣ;

5) Высокопреосвященнаго *Евлогія*, Архіепископа Волынскаго и Житомирскаго,—въ признаніе его выдающихся заслугъ по защитѣ и поддержанію Православія въ Холмскомъ краѣ;

6) Преосвященнаго *Инокентія*, Епископа Полоцкаго и Витебскаго,—во уваженіе къ его полезной ученой дѣятельности въ должностяхъ — профессора Казанской Духовной Академіи и ректора Киевской Духовной Академіи;

7) Преосвященнаго *Анастасія*, Епископа Ямбургскаго, Ректора Императорской Петроградской Духовной Академіи,—во уваженіе къ его почтенной научно-академической дѣятельности и ученымъ трудамъ по славяновѣдѣнію и сравнительному языкознанію, имѣющимъ церковно-историческое и богословское значеніе;

8) Преосвященнаго *Василія*, Епископа Каневскаго, Ректора Императорской Киевской Духовной Академіи,—во уваженіе къ многолѣтней и плодотворной профессорской дѣятельности его и многочисленнымъ научно-литературнымъ трудамъ по Священному Писанію Новаго Завѣта;

9) О. Намѣстника Свято-Троицкія Сергіевы Лавры архимандрита *Товпи*,—во уваженіе къ его многолѣтнему служенію въ Лаврѣ, съ которой въ теченіе вѣка связана въ своей жизни Императорская Московская Духовная Академія;

10) О. Предсѣдателя Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, протоіерея Павла Ильича *Соколова*,—во уваженіе къ его многолѣтней и многоплодной учено-литературной, духовно-учебной и православно-миссіонерской дѣятельности;

11) О. Протоіерея Николая Яковлевича *Фортинскаго*,—во уваженіе къ его долготѣтней и плодотворной педагогической дѣятельности, сначала къ должности бакалавра Академіи и затѣмъ въ должности законоучителя кадетскаго корпуса въ Москвѣ;

12) Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графини Прасковьи Сергѣевны *Уваровой*,—во уваженіе ея самоотверженной и плодотворной дѣятельности на пользу науки отечественной археологіи, въ частности археологіи церковной;

13) Ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ, Тайнаго Совѣтника, Алексѣя Ивановича *Соболевскаго*,—во уваженіе его неутомимой ученой дѣятельности, цѣнныхъ трудовъ на пользу богословской и церковно-исторической науки и классическаго изданія многочисленныхъ памятниковъ духовной литературы;

14) Заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской Казанской Духовной Академіи (въ отставкѣ), Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ильи Степановича *Бердникова*,—во уваженіе его полувѣковой ученой дѣятельности по разработкѣ многочисленныхъ вопросовъ въ области церковнаго права въ строго-православномъ духѣ;

15) Секретаря Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, бывшаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской Кіевской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Алексѣя Аванасьевича *Дмитріевскаго*,—во уваженіе къ его многолѣтней, плодотворной профессорской и ученой дѣятельности и къ его капитальнымъ ученымъ трудамъ и изданіямъ литургическихъ памятниковъ;

16) Заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской Казанской Духовной Академіи (въ отставкѣ), Дѣйстви-

тельного Статскаго Совѣтника, Θεодора Аванасьевича *Курганова*,—во уваженіе его многолѣтней плодотворной профессорской дѣятельности и ученыхъ литературныхъ трудовъ въ области церковной исторіи;

17) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской Петроградской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ивана Саввича *Пальмова*,—во вниманіе къ свыше тридцатилѣтнему плодотворному профессорскому служенію его, многочисленнымъ ученымъ трудамъ по славяновѣдѣнію и многоплодной практической дѣятельности по сношенію съ славянами;

18) Сверхштатнаго ординарнаго профессора Императорской Петроградской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Александра Александровича *Бронзова*,—во вниманіе къ свыше тридцатилѣтней многоплодной профессорской и учено-публицистической богословской дѣятельности его,—и

19) Профессора живописи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Виктора Михайловича *Васнецова*,—какъ великаго русскаго художника, оригинально объединившаго въ высшемъ художественномъ синтезѣ религіозные идеалы живописи древне-византійской и современно-русской,—и своимъ художественнымъ гениемъ, какъ никто до него, проникшаго въ тайну святости тѣла душевнаго на пути его преображенія въ тѣло духовное.

Х. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„Доводя до свѣдѣнія Совѣта Академіи, что 15-го сентября текущаго 1914 года исполнилось 25 лѣтъ со времени назначенія на штатную преподавательскую должность при Императорской Московской Духовной Академіи экстраординарнаго профессора оной по кафедрѣ психологіи, Статскаго Совѣтника, Павла Петровича *Соколова*,—предлагаю Совѣту войти въ обсужденіе вопроса объ исходатайствованіи г. Соколову званія заслуженнаго экстраординарнаго профессора Академіи“.

Справка: По § 87 устава духовныхъ академіи: „Профессоръ ординарный или экстраординарный, по выслугѣ 25 лѣтъ въ должности академическаго преподавателя, удостои-

вається званія заслуженнаго ординарнаго или экстраординарнаго профессора Академіи“.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ удостоеніи экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ психологіи, Статскаго Совѣтника, *П. П. Соколова* званія заслуженнаго экстраординарнаго профессора Академіи.

XI. Представленный секретаремъ Совѣта проектъ *отчета о состояніи Императорской Московской Духовной Академіи въ 1913—1914 учебномъ году.*

Опредѣлили: Одобривъ представленный проектъ,—отчетъ о состояніи Академіи въ 1913—1914 учебномъ году напечатать въ приложеніи къ академическому журналу „Богословскій Вѣстникъ“ и, согласно § 120 устава духовныхъ академіи, установленнымъ порядкомъ представить оный въ печатномъ видѣ на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

XII. Прошеніе доцента Академіи по кафедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова:*

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Ректоромъ Императорскаго Московскаго Университета о выдачѣ мнѣ разрѣшенія для бесплатнаго пользованія университетской бібліотекой съ правомъ брать книги на домъ“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Правленіемъ Императорскаго Московскаго Университета объ удовлетвореніи вышеизложенной просьбы доцента *Н. Д. Протасова.*

XIII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по второй кафедрѣ патрологіи, кандидата богословія, *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго):*

„19-го сентября сего года мнѣ истекаетъ двухгодичный срокъ со времени поступленія на академическую службу. Въ первый годъ моей службы Совѣтъ Академіи командировалъ меня въ Константинополь и на Афонъ. Въ бібліотекахъ послѣдняго я ознакомился съ рукописями, имѣющими

непосредственное отношеніе ко взятой мною для разработки магистерской диссертациі темѣ о преп. Симеонѣ Новомъ Богословѣ. Прошедшій же учебный годъ ушелъ у меня всецѣло на подготовку для чтенія лекцій и для веденія практическихъ занятій. Прежде чѣмъ писать магистерскую диссертацию, мнѣ предстоитъ предварительно перевести, разработать и изучить добытые мною на Афонѣ матеріалы, именно: пространное житіе преп. Симеона Новаго Богослова, затѣмъ гимны его и слова. Не исполнивши этой подготовительной части работы, странно и не научно было бы браться за составленіе монографической работы о Симеонѣ Новомъ Богословѣ. Въ виду того, что и въ нынѣшнемъ учебномъ году значительнѣйшая часть времени, несомнѣнно, уйдетъ у меня на составленіе лекцій и на другія работы, связанныя съ должностію преподавателя Академіи (я разумѣю главнымъ образомъ чтеніе семестровыхъ и кандидатскихъ сочиненій), я не надѣюсь, по истеченіи нынѣшняго учебнаго года, выполнить подготовительную часть своей работы и въ то же время написать и магистерскую диссертацию. Поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи мнѣ срока для подачи магистерской диссертациі на два года“.

Справка: 1) Согласно ходатайству Совѣта Академіи, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 19 октября 1912 года за № 15913 профессорскій стипендіатъ Академіи, кандидатъ богословія, *іеромонахъ Пантелеимонъ (Успенскій)* утвержденъ былъ, съ 19-го сентября того же 1912 года, въ должности преподавателя Императорской Московской Духовной Академіи по второй каедрѣ патрологіи, въ званіи и. д. доцента, и командированъ на 1912—1913 учебный годъ въ Константинополь, для научныхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ.—2) По § 67 устава духовныхъ академій: „Для полученія должноти доцента академіи надлежитъ имѣть степень не ниже магистра богословія. *Примѣчаніе.* На вакансію доцента можетъ быть опредѣленъ въ качествѣ и. д. доцента кандидатъ богословія, но не болѣе, какъ на два года“.

Опредѣлили: Признавая просьбу и. д. доцента Академіи *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)* заслуживающую уваженія,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства

предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи іеромонаху Пантелеимону срока представленія магистерской диссертациі до 19-го сентября 1916 года.

XIV. Прошенія:

а) Преподавателя Московской духовной семинаріи, кандидата (магистранта) Академіи выпуска 1908 года, *Петра Нечаева*: „Представляя при семъ въ рукописномъ видѣ сочиненіе на тему: „Теизмъ, какъ проблема разума. Германъ Ульрици. (Къ вопросу о методологій научно - философскаго обоснованія теизма)“ для соисканія степени Магистра Богословія, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи дать дѣлу надлежащій ходъ“.

б) Помощника инспектора Московской духовной семинаріи, кандидата (магистранта) Академіи выпуска 1912 года, *Владимира Маркова*:

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи принять къ разсмотрѣнію прилагаемый при семъ въ двухъ экземплярахъ мой печатный трудъ, подъ заглавіемъ: „Къ исторіи раскола—старообрядчества второй половины XIX столѣтія. Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, какъ матеріаль для исторіи раскола и отношеній къ нему правительства (1865—1904)“. Москва. 1914., въ качествѣ диссертациі на соисканіе ученой степени магистра богословія“.

Опредѣлили: Передать на разсмотрѣніе диссертациі: преподавателя Московской духовной семинаріи П. Нечаева—и. д. доцента Академіи по кафедрѣ систематической философіи и логики *Θ. К. Андрееву*, а помощника инспектора той же семинаріи Вл. Маркова—доценту Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *Н. В. Тьсогоорскому*.

XV. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторыми рецензентами вышеозначенныхъ магистерскихъ диссертациій онъ назначаетъ членовъ Совѣта: экстраординарнаго профессора священника *Павла Флоренскаго* (диссертациі г. Нечаева) и ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго* (диссертациі г. Маркова).

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію,

XVI. Представленный и. д. доцента Академіи по кафедрѣ исторіи Греко-восточной, Славянскихъ и Румынской церквей *Ө. М. Россейкинымъ* планъ занятій на 1914—1915 учебный годъ для профессорскаго стипендіата Академіи Александра *Плотникова*:

„Научныя занятія г. Плотникова въ теченіе его стипендіатскаго года могутъ быть посвящены продолженію работъ въ области его кандидатскаго сочиненія. Последнее, какъ было отмѣчено въ отзывѣ о немъ, осталось незаконченнымъ даже въ предѣлахъ плана, намѣченнаго для курсовой работы. Между тѣмъ тема сочиненія допускаетъ и требуетъ расширенія плана привлеченіемъ къ дѣлу новаго матеріала. Въ этомъ направленіи могутъ вестись дальнѣйшія научныя занятія г. Плотникова. Ему предстоитъ, во 1-хъ, продолжить изученіе требуемыхъ планомъ памятниковъ эпохи иконоборчества; во 2-хъ, возстановить какъ внѣшній ходъ иконоборческаго движенія, такъ и его идеологію; въ 3-хъ, расширить и углубить свое общее знакомство съ эпохой, въ чемъ ему поможетъ внимательное ознакомленіе съ научной литературой по исторіи византійскаго государства и церкви VII, VIII и IX вѣковъ. Болѣе частныя указанія и пожеланія по поводу дальнѣйшихъ работъ г. Плотникова найдеть въ отзывѣ о его кандидатскомъ сочиненіи“.

Справка: Устава духовныхъ академій § 77: „Руководство занятіями профессорскаго стипендіата поручается Совѣтомъ преподавателю, при кафедрѣ котораго стипендіатъ оставленъ, а за неимѣніемъ на лицо таковаго въ данное время преподавателю, ближе другихъ стоящему по своей специальности къ предмету занятій профессорскаго стипендіата. Преподаватель-руководитель составляетъ для профессорскаго стипендіата планъ занятій, который подлежитъ разсмотрѣнію и утвержденію Совѣта“.

Опредѣлили: Представленный и. д. доцента Академіи *Ө. М. Россейкинымъ* планъ занятій на 1914—1915 учебный годъ для профессорскаго стипендіата Академіи Александра *Плотникова* утвердить и предложить его г. Плотникову къ руководству и исполненію.

XVII. Отношенія—а) Совѣта Императорской Петроград-

ской Духовной Академіи, отъ 18 сентября за № 2624, и б) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 25 сентября за № 2511,—съ увѣдомленіемъ о томъ, что срокъ пользованія рукописями Софійскаго собранія за №№ 1359, 1365, 1376 и 1385 и книгами, высланными въ Академію при отношеніи Библіотеки отъ 24 мая с/г. за № 1683, продленъ еще на три мѣсяца.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVIII. Отзвы о курсовомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Богоявленскаго Николая* на тему: „Моисей (по даннымъ Библии и общей исторіи)“.

а) Ординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Сочиненіе студента Богоявленскаго обнимаетъ всю исторію вождя народа Божія—отъ дней его дѣтства до кончины.

При разработкѣ взятой нашимъ авторомъ темы онъ принималъ во вниманіе и данныя Библии, и общей исторіи. Приэтомъ, г. Богоявленскій не ограничился справками, какія онъ безъ особаго труда находилъ въ иностранныхъ и русскихъ курсахъ по библейской исторіи, въ энциклопедическихъ словаряхъ и монографіяхъ. Всѣ извлекаемыя имъ справки онъ повѣрялъ по первоисточникамъ. Такъ, онъ обстоятельно познакомился съ Юсифомъ Флавіемъ, Филономъ (*Περὶ βίου Μωσ.*) и раввинистической литературой. Святоотеческая литература также не оставлена авторомъ безъ вниманія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ дѣлаетъ даже попытку указать вліяніе Филона на писанія Отцовъ Церкви (наприм. на Іустина Философа и на Климента Александрійскаго), поскольку послѣдніе касаются интересующаго автора вопроса.

Но представляя изъ себя довольно обстоятельную работу со стороны изученія первоисточниковъ и источниковъ, трудъ г. Богоявленскаго не свободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Такъ, авторъ совершенно напрасно не далъ никакого подраздѣленія въ своемъ сочиненіи. Въ исторіи Моисея ясно намѣчаются отдѣльные моменты: его жизнь до призванія и послѣ призванія къ служенію въ качествѣ вождя народа израильскаго и, наконецъ, его дѣятельность, какъ великаго

законодателя. Между тѣмъ авторъ пожелалъ слить отдѣльные пункты великой исторіи великаго вождя народа Израильскаго въ одно цѣлое, благодаря чему слѣдящій за ходомъ мыслей автора испытываетъ нѣкоторое утомленіе при чтеніи его работы, въ которой отдѣльные моменты исторіи Моисея тянутся непрерывающей, хотя и не всегда крѣпко спаянной, цѣпью.

Въ частности, авторъ допустилъ нѣкоторыя неточности въ своей работѣ. Такъ, онъ склоняется въ пользу того мнѣнія, что фараономъ Исхода былъ Рамзесъ II-й. Это мнѣніе, заимствованное имъ у Бругша, Вигуру и др., онъ принимаетъ на вѣру, хотя онъ могъ бы привести на справку новѣйшія сужденія по вопросу о времени Исхода евреевъ изъ Египта, которыя ставятъ подъ большое сомнѣніе вопросъ о Рамзесѣ, какъ о современникѣ Исхода. Основаніе для такихъ сомнѣній отчасти указаны и въ трудѣ рецензента (Патріархъ Іосифъ и Египетъ), дающаго настоящій отзывъ о работѣ г. Богоявленскаго.

Дѣлая ссылки на раввинистическую литературу, авторъ употребляетъ такія выраженія: „Midrasch Schemot Rabba рассказываетъ... объясняетъ“... (стр. 64, 69 и др.). Мы подозреваемъ, что авторъ принималъ „Midrasch“ за названіе лица, которое рассказываетъ, объясняетъ...

Иногда въ работѣ автора замѣчаются нѣкоторыя отклоненія отъ темы. Онъ подробно трактуетъ, напримѣръ, о характерѣ чуда иривращенія горькой воды въ годную для питья (стр. 152—153), о трудахъ при устройствѣ скиніи Веселіила (стр. 197 и слѣд.) и т. п. Всѣ эти подробности излишни въ трудѣ г. Богоявленскаго. Его трудолюбіе, всюду замѣчаемое въ работѣ, съ пользою для дѣла могло бы быть перенесено на слабую заключительную часть его сочиненія—на обстоятельства смерти Моисея.

Несмотря на указанные недочеты сочиненія г. Богоявленскаго, мы не затрудняемся, однако, признать работу его вполне заслуживающею степени кандидата богословія, такъ какъ авторъ всюду является добросовѣстнымъ и тщательнымъ работникомъ, погрѣшающимъ болѣе въ тѣхъ пунктахъ своего изслѣдованія, гдѣ онъ рѣшаетъ сложные вопросы, которые могъ бы и не рѣшать. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что онъ со вниманіемъ прочиталъ, напри-

мѣръ, въ подлинникѣ трактатъ Филона о Моисеѣ—подвигъ на который рѣшится не всякій кандидатъ богословія“.

б) Доцента *іеромонаха Варволомея (Ремова)*:

„Сочиненіе студента Богоявленскаго носитъ печать большаго труда: авторъ много читалъ, много думалъ, много старался при написаніи самаго сочиненія. Правда, есть много также и недостатковъ въ оцѣниваемой работѣ, но справедливость требуетъ указать, что рѣдкой студенческой работѣ они не присущи. Г. Богоявленскій, повидимому, очень тщательно искалъ въ русской и отчасти нѣмецкой литературѣ полезныхъ ему пособій, и поиски его были не безуспѣшны: въ сочиненіи много цитатъ на многія книги. Но почему же ни въ началѣ, ни въ концѣ работы нѣтъ перечня пособій, которыми пользовался авторъ? Обиліе пособій г. Богоявленскаго—не въ укоръ, но литература, имъ подобранная, не всегда высокаго достоинства: наряду съ солидными учеными трудами цитируются книжки второстепенной и даже прямо невысокой научной цѣнности. Впрочемъ, серьезное отношеніе къ пособіямъ уменьшаетъ вину г. Богоявленскаго. Онъ остороженъ въ цитации и по мѣстамъ не соглашается съ тѣми авторами, которыхъ цитируетъ. Только самый способъ цитации, въ общемъ достаточной, могъ бы быть болѣе совершеннымъ.

Отъ внѣшней стороны цитации переходимъ къ матеріальной сторонѣ ея, а вмѣстѣ и самаго сочиненія. Г. Богоявленскому не достаетъ критицизма въ отношеніи къ имѣвшемуся, въ его распоряженіи матеріалу. Наряду съ этимъ у нашего автора есть рискованныя и мало обоснованныя сужденія: а вѣдь въ исторической работѣ это особенно чувствуется. Г. Богоявленскій, далѣе, не стоитъ въ курсѣ современной научной разработки библейской и общей исторіи. Онъ, правда, привлекаетъ въ качествѣ своихъ пособій и нѣкоторые новые ученые труды, но о многихъ указаніяхъ его на *господствующіе* въ наукѣ взгляды надо говорить въ прошедшемъ времени, и эту поправку приходится вносить съ первой же страницы сочиненія. „Большинство ученыхъ отождествляетъ“... вѣрише было бы измѣнить въ „большинство ученыхъ (прошедшаго столѣтія) отождествляло“... Желательно было бы видѣть въ работѣ г. Богоявленскаго поменьше

элементарнаго, общезвѣстнаго и побольше проникновенія въ глубь предмета. Отъ этого выигралъ бы самый стиль сочиненія: монотонный и мало выразительный, онъ оживился бы. Впрочемъ, есть въ работѣ г. Богоявленскаго и удачныя страницы.

Г. Богоявленскій хотѣлъ дать историческую работу. Можно признать, что въ общемъ онъ успѣлъ сдѣлать это. Но отъ работавшаго по даннымъ Библии мы въ правѣ потребовать болѣе широкаго и детальнаго знакомства съ Писаніемъ, въ особенности съ Пятокнижіемъ, тщательнаго анализа (по подлиннику) самаго свящ. текста. Работѣ г. Богоявленскаго не хватаетъ широты историческаго и идейнаго кругозора. Видно, что авторъ старался удѣлить всей жизни и дѣятельности Моисея равное количество своего вниманія и труда. Но періодъ 40-лѣтняго странствованія Израиля по пустынь и дѣятельность въ это время Моисея обслѣдованы и представлены въ сочиненіи совсѣмъ мало и блѣдно. Недостатокъ изслѣдованія этого важнаго и интереснаго вопроса мы не ставимъ въ значительный минусъ автору: для этого понадобилось бы самостоятельное сочиненіе.

Еще одно замѣчаніе. Въ работѣ г. Богоявленскаго собрана, и собрана очень добросовѣстно, масса матеріала біографическаго и историческаго, но характеристики великаго пророка-вождя народа Божія не дано. Есть много штриховъ выразительныхъ и разнообразныхъ, но нѣтъ даже и попытки очертить личность Моисея...

Вотъ наши впечатлѣнія отъ усерднаго и кропотливаго труда г. Богоявленскаго. Много положили нашъ авторъ прилежанія, и исполнилъ достоинъ искомой имъ степени кандидата богословія“.

Справка: 1) Николай Богоявленскій окончилъ курсъ Императорской Московской Духовной Академіи въ текущемъ 1914 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента и правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго курсоваго сочиненія.—2) Въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за весь академическій курсъ дѣйствительный студентъ Богоявленскій имѣетъ 4,192.—3) По § 109, лит. б. п. 3, устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата богословія“ зна-

чится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Дѣйствительнаго студента *Богоявленскаго Николая* удостоить степени кандидата богословія, съ причисленіемъ ко *второму* разряду, — о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

ХІХ. Прошеніе студента ІІІ курса Академіи *Геннадія Боголюбскаго* о разрѣшеніи ему прослужать въ 1914—1915 учебномъ году курсъ лекцій и сдать въ концѣ года установленное испытаніе *по русской гражданской исторіи*.

Опредѣлили: Просьбу студента *Боголюбскаго* удовлетворить, но съ тѣмъ, чтобы онъ избранный имъ для дополнительнаго спеціального изученія предметъ (русскую гражданскую исторію) считалъ для себя *обязательнымъ* и представилъ въ теченіе 1914—1915 учебнаго года *третье сочиненіе* по этому предмету, помимо трехъ сочиненій, назначенныхъ студентамъ ІІІ курса.

ХХ. Прошенія студентовъ: ІІІ курса—*Владимира Доброва* и ІІ курса—*Николая Воздвиженскаго*—о разрѣшеніи имъ прослужать въ текущемъ учебномъ году курсъ лекцій и сдать въ концѣ года установленное испытаніе *по англійскому языку*.

Справка: По нынѣ дѣйствующему уставу духовныхъ академій *новые языки* преподаются въ Академіи лишь—для желающихъ (§ 130).

Опредѣлили: Просьбы студентовъ *Доброва* Владиміра (ІІІ к.) и *Воздвиженскаго* Николая (ІІ к.) удовлетворить.

ХХІ. Прошеніе студента ІІ курса Академіи *Александра Смирнова*:

„Первый годъ моего пребыванія въ высшей духовной школѣ прошелъ въ Казанской Духовной Академіи, изъ которой обстоятельства заставили меня, при переходѣ на второй курсъ, перейти для продолженія образованія въ Московскую Духовную Академію. Такъ какъ предметы 1-го и 2-го курсовъ въ Казанской и Московской Духовныхъ Академіяхъ

не совпадаютъ, то я прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи, во-первыхъ, освободить меня отъ слушанія и экзаменовъ слѣдующихъ предметовъ второго курса: психологіи, патрологіи и исторіи литературы—ужь слушанныхъ мною на первомъ курсѣ въ Казанской Духовной Академіи. А во-вторыхъ, допустить къ слушанію и экзаменамъ вмѣстѣ съ первымъ курсомъ слѣдующихъ предметовъ: палеографіи съ церковно-славянскимъ и русскимъ языкомъ, исторіи древней церкви и исторіи философіи, такъ какъ эти науки мною слушаны въ Казанской Академіи не были“.

Опредѣлили: Освободить студента Смирнова отъ вторичной сдачи испытаній по патрологіи (I каѳ.), психологіи и исторіи русской литературы, предоставивъ ему взамѣнъ того прослушать въ 1914—1915 учебномъ году курсы лекцій и сдать въ концѣ года установленныя испытанія по исторіи древней церкви, исторіи философіи и церковно-славянскому и русскому языкамъ съ палеографіей.

XXII. Собственноручныя показанія студентовъ перваго курса о выборѣ ими для спеціального изученія въ теченіе академическаго курса групповыхъ предметовъ (по группамъ А и Б), а также о желаніи ихъ изучать одинъ изъ новыхъ языковъ.

По симъ показаніямъ изъявили желаніе слушать:

А. I. Исторію философіи:

Изъ языковъ:

1. Алентовъ Николай	Нѣм.
Ареѣевъ Борисъ	Франц.
Базилевскій Николай	Франц.
Свяц. Введенскій Димитрій	Нѣм.
5. Введенскій Николай	Нѣм.
Вижевскій Дмитрій	Нѣм.
Вишняковъ Павелъ	Франц.
Воздвиженскій Дмитрій	Нѣм.
Гладковъ Василій	Нѣм.
10. Гражданскій Сергѣй	Нѣм.
Добровъ Петръ	Нѣм.
Донецъ Илья	Франц.
Забарный Петръ	Франц.

	Свящ. Залевскій Николай	Нѣм.
15.	Ивановскій Николай	Франц.
	Ивановъ Михаилъ	Англ.
	Ивановъ Павелъ	Нѣм.
	Ильинскій Николай	Нѣм.
	Калиновичъ Александръ	Нѣм.
20.	Свящ. Киселевъ Пименъ	Франц.
	Копыловъ Евгеній	Нѣм.
	Кораблевъ Константинъ	Нѣм.
	Свящ. Кораблевъ Павелъ	—
	Лебедевъ Викторъ	Нѣм.
25.	Магницкій Николай	Нѣм.
	Свящ. Майоровъ Константинъ	Франц.
	Малинковъ Иванъ, болг. урож.	Нѣм.
	Герод. Гавріиль (Мануиловъ), болг. урож.	—
	Мизеровъ Дмитрій	Нѣм.
30.	Никитскій Павелъ	Нѣм.
	Никоновъ Александръ	Франц.
	Окуневъ Тихонъ	Франц.
	Щинкевичъ Петръ	Англ.
	Свящ. Поликарповъ Валентинъ	Нѣм.
35.	Свящ. Порубинъ Михаилъ	Нѣм.
	Расторгуевъ Андрей	Франц.
	Рожковъ Сергѣй	Франц.
	Розановъ Иванъ	Англ.
	Свящ. Розовъ Константинъ	Нѣм.
40.	Садиковъ Николай	Нѣм.
	Сергѣевъ Григорій	Нѣм.
	Смирновъ Василій	Нѣм.
	Смирновъ Михаилъ	Англ.
	Стефановичъ Антонъ	Франц.
45.	Свящ. Стрекаловъ Николай	Нѣм.
	Свящ. Теологовъ Василій	Нѣм.
	Трубачевъ Зосима	Нѣм.
48.	Уметскій Александръ	Нѣм.

А. II. Педагогику:

1.	Бѣлтовъ Николай	Франц.
	Воскресенскій Владиміръ	Нѣм.
	Милославскій Александръ	Нѣм.

Одинцовъ Алексѣй	Франц.
5. Орловъ Сергѣй	Нѣм.
Побѣдинскій Василій	Нѣм.
Соколовъ Николай	Нѣм.
Шамиловъ Филиппъ	Нѣм.
Шуваловъ Павелъ	Нѣм.
10. Щегловъ Викторъ	Франц.

Б. Предметы первой группы.

(Русскую гражданскую исторію и Исторію Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени, въ связи съ исторіей Славянскихъ церквей и Румынской):

1. Алентовъ Николай.
Свящ. Введенскій Димитрій.
Донецъ Илья.
Ильинскій Николай.
5. Свящ. Майоровъ Константинъ.
Малинковъ Иванъ, болг. урож.
Герод. Гавриилъ (Мануиловъ), болг. урож.
Никоновъ Александръ.
Свящ. Розовъ Константинъ.
Свящ. Стрекаловъ Николай.
11. Уметскій Александръ.

Б. Предметы второй группы.

(Библейскую исторію, въ связи съ исторіей древняго міра, и Еврейскій языкъ съ библейской археологіей):

1. Ареѣевъ Борисъ.
Базилевскій Николай.
Бѣлтовъ Николай.
Введенскій Николай.
5. Воскресенскій Владиміръ.
Гладковъ Василій.
Забарный Петръ.
Свящ. Залевскій Николай.
Ивановскій Николай.
10. Свящ. Киселевъ Пимень.

- Копыловъ Евгеній.
Свящ. Кораблевъ Павелъ.
Лебедевъ Викторъ.
Магницкій Николай.
15. Никитскій Павелъ.
Одинцовъ Алексѣй.
Окуневъ Тихонъ.
Пинкевичъ Петръ.
Побѣдинскій Василій.
20. Свящ. Поликарповъ Валентинъ.
Свящ. Порубинъ Михаилъ.
Расторгуевъ Андрей.
Садиковъ Николай.
Свящ. Теологовъ Василій.
25. Шампиловъ Филиппъ.
Шуваловъ Павелъ.
27. Щегловъ Викторъ.

Б. Предметы третьей группы.

*(Церковно-славянскій и русскій языки съ палеографіей и Исторію
русской литературы):*

1. Вижевскій Дмитрій.
Вишняковъ Павелъ.
Воздвиженскій Дмитрій.
Гражданскій Сергѣй.
5. Добровъ Петръ.
Ивановъ Михаилъ.
Калиновичъ Александръ.
Кораблевъ Константинъ.
Милославскій Александръ.
10. Орловъ Сергѣй.
Рожковъ Сергѣй.
Розановъ Иванъ.
Сергѣевъ Григорій.
Смирновъ Василій.
15. Смирновъ Михаилъ.
Свящ. Стрекаловъ Николай.
Стефановичъ Антонъ.
18. Трубачевъ Зосима.

Б. Предметъ четвертой группы.

(Исторію и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени):

1. Ивановъ Павелъ.
2. Мизеровъ Дмитрій.

Опредѣлили: Утвердивъ распредѣленіе студентовъ I курса по группамъ, собственноручныя показанія ихъ хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

XXIII. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „20 сент. 1914. Въ Совѣтъ Академіи — для отзыва“ — прошеніе на имя Его Высокопреосвященства священника церкви села Палкина, Красинскаго уѣзда, Смоленской епархіи *Іоанна Андреева*—о принятіи его въ Императорскую Московскую Духовную Академію *вольнотелель*.

Опредѣлили: Съ возвращеніемъ прошенія, почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что Совѣтъ Академіи, съ своей стороны, не встрѣчаетъ препятствій къ допущенію священника *Іоанна Андреева* къ слушанію академическихъ лекцій на условіяхъ, изложенныхъ въ § 147 академическаго устава, т.е. безъ предоставленія ему права участвовать въ практическихъ занятіяхъ и репетиціяхъ студентовъ, подавать третныя сочиненія, представлять диссертации для полученія академическихъ ученыхъ степеней или званія и подвергаться переходнымъ и выпускнымъ испытаніямъ.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „25 окт. 1914. Исполнить“.

29 сентября 1914 года.

№ 13.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный орди-

нарный профессор М. Д. Муретовъ, ординарные профессора— А. И. Алмазовъ, С. С. Глаголевъ, М. М. Таръевъ, М. М. Богословскій и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессора — Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ П. А. Флоренскій.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессора—С. И. Соболевскій и А. А. Спасскій; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ; И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Слушали: Отзвы о сочиненіи экстраординарнаго профессора Императорской Московской Духовной Академіи по кафедрѣ исторіи русской церкви, магистра богословія, С. И. Смирнова подь заглавіемъ „Древне-русскій духовникъ“. Москва, 1913 г., съ приложеніемъ „Матеріалы для исторіи древнерусской покаянной дисциплины“. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва, 1912 г., представленномъ на соисканіе степени доктора церковной исторіи.

а) Ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ русской гражданской исторіи М. М. Богословскаго:

„Работа проф. С. И. Смирнова состоитъ изъ двухъ обширныхъ томовъ. Одинъ томъ „Древне-русскій духовникъ. Изслѣдованіе по исторіи церковнаго быта“. М. 1913 г. (VIII—290) заключаетъ въ себѣ самый текстъ изслѣдованія съ приложеніемъ списка великокняжескихъ и царскихъ духовниковъ и рѣчи „Исповѣдь землѣ“, произнесенной авторомъ на актѣ Московской Духовной Академіи 1 октября 1912 г. Другой томъ „Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины“. М. 1912 г. (568) содержитъ въ себѣ а) тексты памятниковъ покаянной письменности (1—244), б) обширныя замѣтки къ нимъ (245—464) и в) указатель къ текстамъ.

Во введеніи къ изслѣдованію авторъ выясняетъ задачу работы. Проф. Смирновъ предупреждаетъ читателя своей книги, что онъ не найдетъ въ ней исторіи церковнаго законодательства о духовникѣ. Не историко-каноническое изслѣдованіе о духовникѣ въ древней Руси было его цѣлью. Такая

задача была бы по его мнѣнію невыполнимой. Не воля законодателя создавала древне-русскую дисциплину покаянія и ея органъ. Воля собора или іерарха вмѣшивалась въ отношенія духовнаго отца къ дѣтямъ, только разрѣшая отдѣльные частные казусы и внося въ эти отношенія только частичныя исправленія. Духовничество сложилось бытовымъ порядкомъ и, какъ всякое прочно установившееся бытовое явленіе, оно мало замѣчалось и отмѣчалось. Поэтому авторъ, изучая древне-русское духовничество, занимается преимущественно бытовой его стороною. Изслѣдованіе древне-русскаго духовничества съ бытовой его стороны и есть та задача, которую ставилъ себѣ авторъ. На его книгу надлежитъ смотрѣть, какъ на изслѣдованіе по исторіи церковнаго быта (1—2).

Опредѣливъ задачу и характеръ своей работы, проф. Смирновъ считаетъ нужнымъ предувѣдомить читателя объ одномъ ея пробѣлѣ. Совершенно неизвѣстно начало древне-русскаго духовничества. Въ половинѣ XII в. институтъ тайной исповѣди представляется уже вполне сложившимся на Руси. Но откуда получили мы покаянную дисциплину, изъ Византіи или изъ Болгаріи, и въ какомъ видѣ перешелъ въ русскую церковь духовникъ—органъ тайной исповѣди—въ видѣ ли духовнаго отца монаха, приближающагося къ монастырскому старцу или же въ видѣ блага священника, эти вопросы нельзя разрѣшить съ полной достовѣрностью. Ни характеръ первоначальной покаянной дисциплины на Руси, ни процессъ образованія или сформированія ея—недоступны для изслѣдователя.

Третій вопросъ, на которомъ авторъ останавливаетъ свое вниманіе во введеніи, это вопросъ о терминологіи духовника въ древнихъ русскихъ памятникахъ. Здѣсь приводится обширный перечень названій, которыми обозначался древнерусскій духовникъ. Въ названіяхъ духовника: „духовный отецъ“, „игумень“ авторъ склоненъ видѣть подтвержденіе своего взгляда, проведеннаго въ его магистерской диссертаци „Духовный отецъ въ древней восточной церкви“, взгляда, по которому тайная исповѣдь сложилась въ монастыряхъ христіанскаго Востока, а ея органъ—духовникъ развился въ бытовой сторонѣ своей изъ монастырскаго старчества. „Духовный отецъ“ и „игумень“—термины, созданные мона-

стыремъ. „Если бы“, пишетъ далѣе авторъ (12), „прослѣдить всю терминологию древне-русской покаянной дисциплины, безъ сомнѣнія встрѣтились бы и еще аналогичныя явленія. Напр., духовническая епитимія называлась у насъ *заповѣдью*, терминомъ, взятымъ изъ старчества“. Намъ кажется однако, что такое объясненіе происхожденія термина *заповѣдь* вызвано увлеченіемъ любимую мыслью. Этотъ терминъ встрѣчается въ древне-русскомъ юридическомъ языкѣ и обозначаетъ наказаніе, штрафъ за нарушеніе запрещенія.

Исслѣдованіе о древне-русскомъ духовникѣ распадается на семь главъ. Глава первая посвящена вопросу объ организаціи духовничества въ древней Руси. Изложивъ устройство духовничества въ греческой церкви, гдѣ духовниками были обыкновенно лица монашествующія, имѣющія пресвитерскій санъ и особо назначенныя на должность духовниковъ отъ епископа, такъ что каждому духовнику опредѣлялся особый округъ, на который простиралась его дѣятельность; указавъ затѣмъ на отличіе отъ этого порядка въ югославянскихъ церквахъ, гдѣ исповѣдывали бѣлые священники, но также не всѣ, а специально назначенные на то епископомъ, притомъ каждый въ своемъ округѣ, авторъ переходитъ къ характеристикѣ особенностей духовничества въ русской церкви. Здѣсь авторъ встрѣчается съ мнѣніемъ Голубинскаго, который утверждалъ, что не всѣ приходскіе священники въ древней Руси имѣли право духовничества. Такое порученіе давалось епископами особо, и духовники составляли особый классъ. Каждый духовникъ имѣлъ опредѣленный округъ. Ранѣе авторъ раздѣлялъ этотъ взглядъ Голубинскаго. Теперь, пересмотрѣвъ вновь вопросъ, онъ принужденъ отъ этой теоріи отказаться и выдвигаетъ противъ нея весьма основательныя возраженія (17—19). Однако проф. Смирновъ не хочетъ совершенно порвать съ прежнимъ взглядомъ. На Руси пришлое греческое и югославянское духовенство устранивало духовничество по своимъ образцамъ. Возможно, что въ глубокой древности у насъ тоже былъ отдѣльный классъ духовниковъ, но онъ исчезъ очень рано, до половины XII вѣка. Авторъ готовъ даже видѣть и въ болѣе позднее время слѣды этого исчезнувшаго института. Но доказательства этихъ слѣдовъ нельзя не признать недостаточными. Въ словахъ митрополита Фотія о наиболѣе опытныхъ

духовникахъ (20), въ томъ, что кievскій соборъ въ 1640 г. склонялся къ рѣшенію, чтобы попу, незнающему устава, было воспрещено исповѣдывать, равно какъ и въ томъ, что учительные памятники нашей древности удерживаютъ не искусныхъ и неумѣющихъ учить священниковъ отъ принятія къ себѣ дѣтей духовныхъ—мы рѣшительно не можемъ усмотрѣть доказательствъ того, что до половины XII в. у насъ былъ особый классъ духовниковъ. Въ особенности неудачной мнѣ считаемъ приводимую здѣсь цитату изъ Посошкова о бѣльшей важности въ ряду обязанностей священника „ученія и паствы дѣтей духовныхъ“ сравнительно съ церковно-служеніемъ. Въ словахъ писателя XVIII в., притомъ такого индивидуальнаго писателя, какъ Посошковъ, едва ли можно усматривать хотя бы отдаленнѣйшій слѣдъ порядковъ, исчезнувшихъ къ половинѣ XII в. Далѣе авторъ изслѣдуетъ организацію духовничества въ древне-русскомъ монастырѣ и въ древне-русскомъ приходѣ. Болѣе всего данныхъ приводится относительно духовничества въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Однако съ указаніемъ причины такого обилія данныхъ едва-ли можно согласиться. Для объясненія этой причины авторъ опять возвращается къ своей основной мысли. „Монашество было“, говоритъ онъ (21), „тѣмъ учрежденіемъ, которое выработало дисциплину тайной исповѣди и институтъ духовника. *Поэтому* (курсивъ нашъ) наиболѣе обстоятельныя данныя о древнѣйшей покаянной дисциплинѣ на Руси мы получаемъ изъ источниковъ о Кіево-Печерскомъ монастырѣ“. Намъ кажется, что обиліемъ свѣдѣній объ устройствѣ исповѣди въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ мы обязаны тому, что вообще сохранилось большое количество источниковъ, говорящихъ объ этомъ важнѣйшемъ изъ древне-русскихъ монастырей (лѣтопись, патерикъ и др.).—Характеризуя приходское духовенство, авторъ правильно на нашъ взглядъ поступаетъ, вводя подраздѣленіе характеристики по мѣстностямъ и отмѣчая отличіе порядковъ въ сѣверной Руси съ ея волостями-приходами, рѣдкими церквами и малочисленнымъ духовенствомъ. Въ сѣверной Руси духовническая организація связана съ приходской, въ остальной независима отъ нея и проникнута полнѣйшей свободой съ обѣихъ сторонъ, и со стороны духовника, и со стороны духовнаго сына. Слѣдуетъ однако сдѣлать

оговорку, что характеристику приходской организации духовничества нельзя распространять на большіе сѣверные города съ ихъ многочисленными церквами и монастырями.

Въ главахъ II и III проф. Смирновъ даетъ обстоятельную характеристику нравственнаго значенія, бытового положенія и оффиціальной дѣятельности древне-русскаго духовника. Въ представленіи древне-русскаго общества нравственное значеніе духовника было очень высоко. Духовному отцу подобаетъ безусловное послушаніе. Его воля въ нравственно-религіозной сферѣ—законъ для его духовныхъ дѣтей. Духовный отецъ—молитвенникъ и предстатель за духовныхъ дѣтей предъ Богомъ. „Покаяльная семья“, какъ авторъ обозначаетъ союзъ духовнаго отца съ дѣтьми, отражаетъ на себѣ черты древне-русской юридической семьи съ безусловной властью въ ней отца. Идеально духовный отецъ не смѣняемъ, и разлучаетъ его съ покаяльной семьей только смерть. Однако въ жизни этотъ идеалъ оказывается недостижимымъ и въ дѣйствительности наблюдается и смѣна духовниковъ, и одновременное существованіе нѣсколькихъ отцовъ духовныхъ у одного духовнаго сына. Авторъ объясняетъ причины смѣны духовниковъ и ихъ множественности въ иныхъ случаяхъ. Общую причину онъ видитъ въ малой осѣдлости и чрезвычайной подвижности древне-русскаго общества. Князья переходятъ изъ одного княжества въ другое. Дружина пользуется правомъ отъѣзда. Крестьяне переходятъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Передвиженія, вызываемыя государевой службой, и разныя чрезвычайныя обстоятельства создавали въ иныхъ случаяхъ невозможность обратиться къ своему духовнику и заставляли обращаться къ другому. Наконецъ, къ числу причинъ разсматриваемаго явленія относится и скитальческій образъ жизни самого духовенства до XVIII в. Въ частности замѣтимъ, что выборы церковнаго причта древне-русскими приходами также имѣли здѣсь значеніе. Священникъ избирался приходомъ на срокъ; по истеченіи срока договоръ прихода съ нимъ не всегда возобновлялся, и такимъ образомъ связь его, какъ духовника, съ духовными дѣтьми разрывалась.

Изобразивъ идеально-возвышенное положеніе духовника въ представленіяхъ древне-русскаго общества, авторъ живыми и яркими чертами характеризуетъ его житейское по-

ложеиіе и тѣ отношенія его къ духовной семьѣ, какія можно наблюдать по памятникамъ, рисующимъ эти отношенія на практикѣ. Въ этой характеристикѣ совершенно правильно, на нашъ взглядъ, расположены свѣтъ и тѣни. Почеть, которымъ окружался духовникъ, а съ другой стороны факты, показывающіе совершенно противоположное къ нему отношеніе, даютъ на страницахъ III главы впечатлѣніе рѣзкаго, но правдиваго контраста. На этихъ страницахъ вѣрно отражена сама жизнь съ ея обычными повседневными свѣтотѣнями. Главы II и въ особенности III-я написаны на основаніи собраннаго авторомъ запаса матеріаловъ, поражающаго своимъ обиліемъ и свидѣтельствующаго о громадной его эрудици. Проф. Смирновъ пользовался печатными памятниками въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, въ Актахъ Археографической экспедиціи, Актахъ Юридическихъ, Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Руси, въ Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ, въ Актахъ Холмогорской и Устюжской епархій, въ сборникахъ Ѳедотова-Чеховскаго, кн. Хилкова, Щукина, Лихачева и др. Сверхъ печатнаго матеріала проф. Смирновъ привлекъ къ дѣлу и неизданные акты изъ рукописныхъ сборниковъ библиотекъ Троице-Сергіевой Лавры, Софійской, Волоколамской, гр. Уварова. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ духовной изъ Сборника Троицкой Лавры № 532, л. 758 неясное для автора и обозначенное имъ знакомъ вопроса (?) мѣсто: „священникъ Селиверстъ, что въ чертерѣ у Алексѣевского монастыря“ надо понимать „въ Чертольѣ“. Алексѣевскій монастырь находился въ Москвѣ тамъ, гдѣ теперь находится Храмъ Спасителя, и мѣстность эта носила названіе Чертоля (56).

Главу IV проф. Смирновъ посвящаетъ характеристикѣ нравственнаго міросозерцанія древне-русскаго духовника. Эта характеристика дѣлается на основаніи извѣстнаго „Вопрощанія Кирика“. По мнѣнію С. И. Смирнова трудно указать другой какой-либо памятникъ Кіевскаго періода письменности, который бы такъ рельефно рисовалъ своего автора со стороны его міросозерцанія, какъ Вопрощаніе рисуетъ новгородскаго духовника половины XII в. (109). Но „Вопрощаніе“ характеризуетъ не только своего автора. Кирикъ—это типъ. Его міросозерцаніе свойственно древне-русскому духовнику послѣдующихъ вѣковъ. Оно продержалось слишкомъ долго,

цѣлыхъ семь столѣтій (130). Проф. Смирновъ усматриваетъ и въ наши дни въ простомъ народѣ черты того же самаго нравственнаго міросозерцанія, которымъ проникнуто Вопросаніе (132). Намъ кажется, что, избравъ Вопросаніе за исходную точку характеристики, авторъ занялъ прочную и надежную позицію. Элементы, которые онъ отмѣчаетъ, разбирая памятникъ XII в., встрѣчаешь дѣйствительно и въ послѣдующіе вѣка въ памятникахъ, отражающихъ нравственныя возрѣнія русскаго общества. Та же точная регламентація житейскаго обихода, то же формальное пониманіе нравственнаго подвига. Самый разборъ памятника и анализъ взглядовъ Кирика по тщательности и отчетливости, съ которыми онъ сдѣланъ, и по точности изложенія выводовъ мы считаемъ образцомъ научнаго анализа. Параллельно съ характеристикой взглядовъ Кирика авторъ даетъ характеристику болѣе широкихъ и болѣе христіанскихъ взглядовъ его собесѣдника и, благодаря этому искусно примѣненному приему, весь внѣшній формализмъ возрѣній Кирика выступаетъ еще ярче. Глава IV написана превосходно.

Въ V и VI главахъ изображается древне-русскій духовникъ въ его учительной и дисциплинарной дѣятельности. Въ древней Руси церковная учительность выражалась не въ живой церковной проповѣди, а въ тайномъ индивидуальномъ руководствѣ духовника. Исповѣдь давала поводъ къ поученію; она была не только сакраментальнымъ актомъ, но и назидательнымъ собесѣдованіемъ (133, 135). Сохраняя полное научное безпристрастіе, которое является цѣннымъ свойствомъ его изслѣдованія, проф. Смирновъ при характеристикѣ учительной дѣятельности древне-русскаго духовника не обходитъ и отрицательныхъ явленій, замѣченныхъ имъ въ русскомъ прошломъ. Но, чуждый всякой односторонности, онъ умѣетъ остановить вниманіе читателя и на такихъ положительныхъ образцахъ древне-русскихъ учительныхъ духовниковъ, какъ Авраамій Смоленскій, Кирилль Бѣлозерскій, Іосифъ Волоколамскій и Даніилъ Переяславскій, давая изящно-написанную характеристику учительной дѣятельности каждаго. Большая часть главы V занята разборомъ памятниковъ учительной духовнической дѣятельности. Такого рода произведеній: поученій, посланій, наказаній собрано авторомъ 17. Частію они были изданы ранѣе, частію

изданы самимъ проф. Смирновымъ въ его Матеріалахъ. Одно остается неизданнымъ (№ 10 изъ библиот. гр. Уварова № 579). Выводъ проф. Смирнова отличается осторожностью. Количество собранной литературы онъ считаетъ слишкомъ незначительнымъ, чтобы дѣлать по ней заключенія о томъ, насколько отразилась въ ней древне-русская жизнь своими идеалами и насколько эти памятники характеризуютъ успѣхи нравственно-дисциплинарной работы духовника, т. е. въ какой мѣрѣ они внесли свое содержаніе въ жизнь народа и отразились на ней (164). Изслѣдуя дисциплинарную дѣятельность древне-русскаго духовника и касаясь средствъ духовнаго воздѣйствія духовника на общество: исповѣди и епитиміи, проф. Смирновъ ярко изображаетъ тѣ черты, съ которыми эти средства практиковались въ древне-русской обстановкѣ. Изслѣдованіе ведется съ обычною присущею автору ясностью и отчетливостью. Укажемъ, однако, мѣсто, подающее, по нашему мнѣнію, поводъ къ недоразумѣнію. „Къ грѣхамъ“, читаемъ мы на стр. 174, „наказываемымъ публично епитиміей, причислялись въ древней Руси и такіе, какъ... мздоимство, рѣзоимство“ и т. д. Не совсѣмъ ясно, говоритъ ли здѣсь авторъ объ идеалѣ и теоріи или же о дѣйствительности и практикѣ. Взиманіе рѣзовъ было въ древне-русской жизни очень распространено, представляло собою обычное, повседневное явленіе. Давали деньги за % и притомъ очень высокіе даже древне-русскіе монастыри. Можно поэтому думать, что предписанія объ епитиміяхъ заиманіе роста оставались мертвой буквой. Съ особеннымъ интересомъ читаются тѣ страницы VI-ой главы, на которыхъ авторъ говоритъ о близости духовника къ древне-русской семьѣ, о его вліяніи на ея нравы и внѣшній бытъ, на отношенія родителей къ дѣтямъ, господъ къ рабамъ. Вѣрно говоритъ проф. Смирновъ о нравственномъ воздѣйствіи духовника: „Древне-русскій духовникъ старается перевоспитать общество, привить ему чувство милованія, смягчить жестокіе нравы, поднять положеніе угнетенныхъ“ (181).—„Гуманныя требованія епитимейниковъ, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ воспитали въ народѣ чувство жалости, создали добрыхъ людей древней Руси“ (182). По своему обыкновенію изслѣдователь и въ дисциплинарной дѣятельности духовника отмѣчаетъ также и темныя стороны и отчетливо вырисовы-

ваеть типъ духовника—потаковника. Но объясненіе причинъ появленія этого типа мы не можемъ раздѣлить всецѣло. „Какъ понять это явленіе?“, спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: „оно было, несомнѣнно, также связано съ высокимъ нравственнымъ положеніемъ духовника“ (182). Выводить „потаковничество“ изъ высоты нравственнаго положенія духовника, объяснять его какъ уродливое послѣдствіе этой высоты едва ли возможно. Намъ причины этого явленія представляются болѣе простыми. Ихъ надо искать въ томъ „ласкосердіи“, въ томъ стыдѣ передъ знатными людьми и въ томъ стремленіи ко мздѣ, о которыхъ авторъ говоритъ на стр. 187 и 193.

Обильная своими нравственными послѣдствіями, но индивидуальная и интимная дѣятельность древне-русскаго духовника протекала скрытно и незамѣтно. Историкъ приходится возстановливать ее, освѣщая ее искусственнымъ свѣтомъ изслѣдованія. Только во время тревогъ второй половины XVII в., потрясшихъ спокойствіе церковной жизни она стала яркимъ, бросающимся въ глаза явленіемъ. Съ возникновеніемъ раскола духовничество стало сильнымъ орудіемъ пропаганды. За духовникомъ, уклонившимся въ расколъ, шла и его паства. Проф. Смирновъ въ послѣдней VII главѣ своего сочиненія, оцѣнивая вообще значеніе раскола въ исторіи духовничества, даетъ мастерски написанные образы двухъ духовниковъ, знаменитыхъ дѣятелей раскола: Ивана Неронова и протопопа Аввакума. Ихъ характеристики написаны художественно, и страницы, имъ посвященныя, читаются съ захватывающимъ интересомъ. Мѣры конца XVII и начала XVIII в., принимавшіяся главнымъ образомъ въ борьбѣ съ расколомъ, орудіемъ которой сталъ православный духовникъ, измѣнили характеръ духовничества, подорвали въ корнѣ тѣ основанія, на которыхъ оно покоилось: свободу выбора духовника, его абсолютную власть въ дѣлѣ наложенія епитимій, патриархальность во взаимоотношеніяхъ его и духовныхъ дѣтей. „Но умерло“, такъ заключаетъ свое изслѣдованіе авторъ, „сошло со сцены то, что отжило свое время, что явнымъ образомъ разлагалось, что близоруко противилось формамъ новой жизни“ (241).

Обширный томъ „Матеріаловъ для исторіи древне-русской покаянной дисциплины“ содержитъ 68 текстовъ памятни-

ковъ покаянной письменности съ обширными замѣтками къ каждому и съ указателемъ. „Въ древне-русской церкви“, говоритъ проф. Смирновъ, „не было серьезной попытки разобратъся въ письменности, регулировавшей покаянную дисциплину... На долю изслѣдователя выпадаетъ... обязанность разобратъся въ этомъ обширномъ и далеко не изученномъ матеріалѣ, распредѣлить его хронологически. Вотъ почему авторъ занимался матеріалами для исторіи покаянной дисциплины, стараясь собрать фрагменты древне-русскихъ каноническихъ произведеній, не брезгая и худой, отреченной письменностью, которая мало интересуесть канониста, но цѣнна для историка, потому что очень характерна для среды, въ которой возникла, и для того духовенства, которымъ принималась къ руководству и исполненію“ (Древне-русскій духовникъ, 2—3). Поиски памятниковъ производились проф. Смирновымъ по разнымъ хранилищамъ рукописей и стоили издателю вѣроятно не малаго труда и времени. Каждый текстъ напечатанъ съ соблюденіемъ всѣхъ научныхъ требованій. Издатель сличалъ рукописи, содержащія одинъ и тотъ же памятникъ, устанавливалъ редакціи и снабжалъ избранный для печати текстъ разночтеніями. Большая часть текстовъ воспроизведены славянскимъ шрифтомъ. За многіе изъ напечатанныхъ памятниковъ будутъ проф. Смирнову благодарны не только историки русской церкви, но и историки русской литературы. Замѣтки, или комментаріи къ текстамъ разрастаются въ обширныя самостоятельныя изслѣдованія. Таковы напр. наиболѣе выдающіяся по цѣнности изслѣдованія объ „Особой редакціи Вопрошанія Кирика“ и объ Источникахъ Вопрошанія, а также отличающаяся особымъ мастерствомъ техники и точностью результатовъ замѣтка къ Посланію Іакова Черноризца къ ростовскому князю Дмитрію, гдѣ, на нашъ взглядъ, прочно установлены и личность писателя, и личность князя, къ кому посланіе направлено, и время написанія памятника.

Томъ Матеріаловъ съ замѣтками къ нимъ, вышедшій раньше изслѣдованія, самъ представляетъ цѣнное и самостоятельное изслѣдованіе и, по нашему мнѣнію, могъ бы доставить автору степень доктора.

Подведемъ итоги изложенному обзору работы проф. С. И.

Смирнова. Авторъ избралъ для научнаго изслѣдованія небольшой сравнительно вопросъ по исторіи церковнаго быта, но изучилъ этотъ вопросъ во всю его глубину и далъ ему всестороннее освѣщеніе. Для этого изученія и освѣщенія имъ собранъ обширный печатный и рукописный матеріаль, и проф. Смирновъ въ своей работѣ показалъ себя знатокомъ относящихся къ его темѣ памятниковъ. Часть этихъ памятниковъ онъ безукоризненно въ научномъ отношеніи издалъ съ обширными и обстоятельными комментаріями и этимъ значительно облегчилъ усвоеніе его изслѣдованія. Въ изученіи интересующаго его предмета проф. Смирновъ дѣйствуетъ достойными подражанія методами. Предоставимъ специалистамъ указать, удалось ли автору окончательно разрѣшить поставленные вопросы или онъ оставляетъ что-либо и для другихъ изслѣдователей въ той же области. Но скажемъ прямо, что въ методологическомъ отношеніи мы считаемъ его изслѣдованіе образцовымъ. Внимательный и тонкій анализъ текстовъ, научное безпристрастіе, умѣнье равномерно отмѣтить положительныя и отрицательныя стороны изучаемаго явленія, осторожность въ выводахъ, изящная простота языка и яркость образовъ, возвышающаяся до художественности — таковы цѣнныя качества работы С. И. Смирнова. Они даютъ намъ право считать его работу образцомъ историческаго изслѣдованія. Полагаемъ, что представленное проф. С. И. Смирновымъ сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ степени доктора церковной исторіи“.

б) Ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ церковнаго права *А. И. Алмазова*:

„Ислѣдованіе проф. С. И. Смирнова обнимаетъ семь главъ. Этимъ главамъ предпосылается введеніе и послѣдуютъ два приложенія.

Во введеніи авторъ освѣдомляетъ читателя, что настоящее изслѣдованіе собственно церковно-бытовое, а не историко-каноническое. Такой именно его характеръ мотивируется недостаткомъ каноническихъ памятниковъ по вопросу о духовникѣ. Ставя задачей изученіе указываемой стороны духовничества, авторъ, затѣмъ, и въ такихъ предѣлахъ, касается только самой жизни и замиранія изслѣдуемаго института и не затрогиваетъ процесса его образованія. И къ такому огра-

ниченію онъ вынуждается совершеннымъ отсутствіемъ данныхъ, освѣщающихъ начальный моментъ духовничества на Руси.—Въ заключеніе введенія излагается „терминологія духовника“, т. е. его наименованіе въ древне-русскихъ памятникахъ.

Нужно согласиться съ авторомъ относительно недостаточности памятниковъ, по крайней мѣрѣ спеціальныхъ и собственно-русскаго происхожденія, для канонической исторіи нашего духовничества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не высказать сожалѣнія, что онъ игнорировалъ объясненіе этого недостатка. Помимо того, что такое объясненіе невольно вызывалось совершенно обратнымъ на этотъ разъ явленіемъ въ греческой церковно-практической письменности, оно могло бы имѣть для автора и нѣкоторое непосредственное значеніе; быть можетъ оно въ какой-либо мѣрѣ посодѣйствовало бы устраненію въ рассматриваемомъ изслѣдованіи одного существеннаго дефекта, о которомъ будетъ сказано ниже.

Полная скудость данныхъ о покаянной дисциплинѣ въ первоначальной Русской церкви даетъ поводъ автору задаться такимъ вопросомъ—„можетъ быть, въ моментъ возникновенія русской церкви дисциплина эта представляла... переходное состояніе отъ публичной къ тайной.., и „въ первые полтора вѣка“ здѣсь „она прошла стадію развитія, аналогичную той, которая имѣла мѣсто на греческомъ Востока“ (стр. 3), гдѣ „въ теченіе X—XII вв. тайная исповѣдь завоевываетъ себѣ господствующее положеніе, вытѣсняя исповѣдь публичную и покаяніе по канонамъ“ (стр. 1). По нашему мнѣнію—кому бы ни приписывали составленіе покаяннаго помоканона съ именемъ Іоанна Постника, онъ во всякомъ случаѣ показатель господствующаго значенія исповѣди именно только за болѣе раннее время. Онъ не устанавливаетъ какихъ-либо новшествъ въ области покаянной дисциплины, а скорѣе письменно регламентируетъ уже сложившуюся практику долгаго предшествующаго времени. При этомъ не надо забывать, что онъ далекъ отъ того, чтобы игнорировать нормы покаянія по канонамъ. Да и тотъ констатируемый самимъ же авторомъ фактъ, что „въ первой четверти XII в. дисциплина тайной исповѣди господствовала въ русской церкви“ (стр. 6), также не можетъ говорить въ пользу трактуемаго предположенія. При его наличности, очевидно, то же

господство въ практикѣ греческой церкви должно было осуществиться далеко ранѣе.—Не соглашаясь, такимъ образомъ, съ предположеніемъ автора, мы не относимъ этого къ покаянной дисциплинѣ въ монастырской сферѣ.

Терминологіи духовника, хотя она и вносится какъ нѣкоторое *supplementum* ко введенію, проф. С. И. Смирновъ уделяетъ особенное вниманіе. Съ всемѣрною тщательностью, по очень разнообразнымъ источникамъ, онъ отмѣчаетъ практиковавшіяся наименованія духовника. Отмѣчаетъ онъ, между прочимъ, и наименованія—„попъ“, священникъ“ и „іерей“. По нашему мнѣнію, при этомъ настояла бы надобность объяснить—въ какомъ взаимоотношеніи были термины—„духовный отецъ“ и только что указанные—„попъ“, „священникъ“, „іерей“, какъ означающіе собственно приходскаго священника. Дѣлаемъ эту оговорку въ виду того важнаго значенія, какое усвоится авторомъ „терминологіи духовника“,—значенія—настолько, что явленіе обычное, когда въ своемъ изслѣдованіи, руководясь только ею, онъ считаетъ памятникъ примѣнимымъ къ его цѣлямъ.

Источное начало настоящей терминологіи авторъ видитъ въ терминологіи монастырской („духовный отецъ“, „игумень“) (стр. 12). Отчасти это и такъ; но авторъ, кажется, оставляетъ безъ вниманія, что „отецъ“ въ примѣненіи къ іерархическимъ и вообще духовнымъ лицамъ терминъ—болѣе древній, чѣмъ тотъ моментъ, съ котораго монашество стало оказывать вліяніе въ широкой мѣрѣ.

Занимаясь терминологіею духовнаго отца, проф. С. И. Смирновъ попутно упоминаетъ и о терминологіи исповѣдниковъ („духовныя дѣти“, „покаяльныя дѣти“, „дѣти“) (стр. 8—9). Нужно весьма сожалѣть, что онъ не вошелъ въ обзорѣніе этой терминологіи нарочито и въ частности не задался выясненіемъ того, насколько наименованія „дѣти“ или „духовныя дѣти“ могли примѣняться для обозначенія вообще прихожанъ священника. Здѣсь въ особенности обиліе случаевъ, когда, исходя только изъ употребленія термина—„духовныя дѣти“, авторъ пользуется тѣмъ или другимъ свѣдѣтельствомъ.

Глава первая посвящена рѣчи объ „организациіи духовничества въ древней Руси“, т. е. вопросу, важному не только въ бытовомъ, но и въ формальномъ отношеніи. Авторомъ

сообщаются здѣсь данныя о томъ, кто осуществлялъ духовническое служеніе въ монастырской сферѣ и затѣмъ—кто былъ духовникомъ для мірянъ и что представляла его покаяльная семья. Рѣчи о томъ и другомъ предпосылаются историческія справки объ организаціи духовничества въ греческой церкви и у южныхъ славянъ.

Въ послѣднемъ случаѣ, когда говорится о томъ, что въ греческой церкви духовниками были, рядомъ съ лицами пресвитерскаго сана, и епископы, авторъ подкрѣпляетъ такой фактъ пространнымъ примѣчаніемъ (стр. 13). Въ примѣчаніи этомъ, однако, далеко не все приемлемо. Напр., авторъ ссылается на Эпанагогу, гдѣ говорится—„патріарху надлежитъ имѣть попеченіе о всѣхъ духовническихъ требахъ; но онъ можетъ возлагать оное и на другихъ, кому заблагоразсудитъ поручить“. Едва ли можно сомнѣваться, что здѣсь имѣется въ виду собственно не—совершеніе исповѣди патріархомъ, а управленіе и руководство имъ во всемъ, что относится до духовничества. Равнымъ образомъ, такого же характера и цитуемое свидѣтельство Симеона Солунскаго, разъ по нему епископы вѣдали только важнѣйшіе грѣхи. Наконецъ, что касается до хожденія русскаго паломника Василя Гагары, который направился въ паломничество, дабы „многимъ патріархамъ греческимъ о грѣсѣхъ своихъ блудныхъ.... покаяться“, то онъ—а) противорѣчитъ такъ отмѣчаемой авторомъ несмѣняемости духовника по древне-русскому воззрѣнію; б) относится не къ ординарной исповѣди, и в) своимъ упоминаніемъ о „многихъ“ патріархахъ невольно говоритъ только о благочестивомъ намѣреніи Гагары, а не о вѣрности его представленій касательно духовничества въ греческой церкви. Неприемлемость такихъ ссылокъ, однако, не лишаетъ силы того положенія, къ которому онѣ относятся.

Въ томъ же примѣчаніи проф. С. И. Смирновъ объясняетъ и принятіе на исповѣдь въ давніе дни въ греческой же церкви простыми монахами, говоря: „Антиканоническое явленіе—совершеніе исповѣди простыми монахами возникло въ Греціи по нуждѣ въ эпоху иконоборчества, когда почти вся іерархія стояла на сторонѣ ереси, и монашество явилось оплотомъ православія“; при этомъ дѣлается ссылка на мнѣнія проф. Суворова и проф. Голубинскаго. По нашему разумѣнію, обронить такую фразу, хотя бы и при ссылкѣ на

указываемые авторитеты, можно только съ большою осторожностью и предварительно взвѣсивъ значительный рядъ соображеній и вопросовъ. Сюда мы относимъ: а) Не должно ли представляться страннымъ, что, зародившись благодаря исключительному условію, такая практика, однако, существовала столь долгое время, какъ до конца XII в., когда вызвавшее ее условіе стало весьма давнимъ прошлымъ; б) Не менѣе страннымъ представляется и то, что монахи, являсь въ эпоху иконоборчества оплотомъ православія, въ то же самое время усвоили бы себѣ право, не оправдываемое съ точки зрѣнія православнаго ученія; в) Какъ ни была малочисленна въ эпоху иконоборчества вѣрная православію іерархія, однако она не могла бы примириться съ неканоничностью трактуемаго явленія, тѣмъ болѣе, что принадлежность права разрѣшенія отъ грѣховъ именно іерархіи—принадлежность искони общеизвѣстная и не нуждавшаяся въ подтвержденіи; г) Центръ тяжести при совершеніи исповѣди не въ принятіи исповѣдуемыхъ грѣховъ, а въ разрѣшеніи отъ нихъ;—въ какой мѣрѣ послѣднее могло усвоиться простымъ монахамъ, разъ они были „принимателями“ исповѣди? и д) Разъ право указываемаго разрѣшенія принадлежитъ собственно епископской степени и можетъ осуществляться другими органами только по порученію епископа, то спрашивается—относилось ли такое порученіе до простыхъ монаховъ и какимъ порядкомъ оно приобрѣтало реальное значеніе?—Безъ нарочитаго выясненія всѣхъ такихъ вопросовъ говорить о неканоничности и притомъ неканоничности на долгомъ пространствѣ времени трактуемаго явленія, несомнѣнно бывшаго въ дѣйствительности, можно считать по крайней мѣрѣ преждевременнымъ.

При справкѣ же о духовничествѣ въ Греческой церкви, въ виду того замѣчанія въ Пидаліонѣ, что многіе епископы при поставленіи духовника употребляли возложеніе рукъ,—авторъ замѣчаетъ, что—„можетъ быть существовало цѣлое чинослѣдованіе поставленія въ духовные отцы“ (стр. 14). Мы должны сказать—не только существовало, но и внесено теперь въ печатный евхологій (какъ это выяснено въ нашемъ изслѣдованіи объ исповѣди при изложеніи данныхъ объ уставѣ поставленія въ духовники).

Наконецъ, въ той же справкѣ авторъ замѣчаетъ, что существованіе духовническихъ округовъ (въ Греціи) едва ли

стѣсняло вѣрующихъ... каждый могъ выбрать себѣ духовнаго отца по мысли и желанію“ (стр. 15).—Мы не можемъ усвоить особенной силы сдѣланной здѣсь ссылкѣ на такъ называемый—„Котелъеровскій“ номоканонъ. И затѣмъ—такое предположеніе могло бы быть оправдываемо при духовникѣ—приходскомъ священникѣ, но не при наличіи специальныхъ духовниковъ; — затѣмъ когда — и эти округа, и этотъ спеціально назначенный духовникъ?—Сверхъ же того, на слѣдующей страницѣ (16), при рѣчи о духовничествѣ въ югославянской церкви, самъ же авторъ констатируетъ, что духовники не имѣли права переступить въ своихъ дѣйствіяхъ за предѣлы назначенныхъ имъ округовъ.

И въ практикѣ югославянской церкви авторъ встрѣчаетъ данныя касательно исповѣди предъ простыми старцами. Между прочимъ такое указаніе онъ находитъ въ уставѣ св. Саввы Хиландарскому монастырю, гдѣ говорится, что при умноженіи братства обители, если игумень будетъ не въ состояніи принимать всѣхъ на исповѣдь, то да избересть отъ іерей или отъ нѣкихъ благоговѣйныхъ братій и благословить имъ немощныхъ и неразумныхъ пріимати помышленія“ (стр. 15). Допустимо, однако, что здѣсь не имѣется въ виду исповѣдь болѣе или менѣе важныхъ согрѣшеній, а скорѣе предполагается исповѣдь внутреннихъ настроеній, поскольку они не совмѣстимы съ требованіями монашеской дисциплины,—имѣется въ виду то, что предполагается понятіемъ старчества въ его прямомъ назначеніи. Впрочемъ, насколько въ дѣйствительности духовничество въ югославянской церкви органически связывалось именно съ іерействомъ, о томъ категорически свидѣтельствуетъ слѣдующая же страница разсматриваемаго сочиненія, на которой читается такая выдержка изъ южно-славянскаго епитимійника: „*попове*, коихъ не благослови святитель, да не (суть) духовници, ни да имъ се исповѣдуютъ“ (стр. 16).

Въ отношеніи духовничества въ древнѣйшей Русской церкви авторъ съ особенною обстоятельностью останавливается на томъ воззрѣніи Е. Е. Голубинскаго, что въ древности у насъ не всѣ приходскіе священники имѣли право духовничества. Проф. С. И. Смирновъ предполагаетъ отсюда, что по мнѣнію Е. Е. Голубинскаго духовники составляли у насъ въ древнѣйшее время особый классъ. На нашъ взглядъ